

Ключи от цивилизации

Райдо Витич

Ключи от цивилизации

Очень часто мы безоглядно верим
кому-то, потому что надеемся на
поддержку вместо того, чтобы искать
силы в самом себе. И главное здесь не
кто рядом с тобой, а как ты этим
распорядишься и что полезное найдешь
для себя.

О. Музалёв. "Конвейерные миры"

Есть только миг между прошлым и
будущим, именно он называется жизнь.

Л. Дербенев

Пролог

Сквозь специальные стекла очков было прекрасно видно как по горной тропке в темноте пробирается отряд спецназа. Один, второй, пятый, седьмой боец. Девять, как и должно быть.

Стася нажала пуговку наушника:

— Я их нашла. Вижу.

— До точки двадцать две минуты. Успеешь?

— Постараюсь.

Отключилась и ужом нырнула меж камней: нужно успеть. Приказы не обсуждают, приказы выполняют.

Для начала нужно сбить воздушкой камень со скалы. Упав на тропу, он задержит движение отряда на пару минут — уже фора.

Глыба и россыпь мелких камней обрушилась внезапно прямо перед первым бойцом, обдав его пылью. Случайность или намеренность? Отряд залег, внимательно оглядывая местность: тишина, посторонних невидно и неслышно.

— Леха, чего там? — шепотом спросил последний первого по переговорнику.

— Вроде тихо, — шепнул тот в ответ, прижимая наушник и поглядывая вокруг. Тишина, темнота — может действительно никого, а может засада. — Обождем пару минут.

Стася лежала на камнях, сверху посматривая на мужчин: лежите ребята, лежите ради всех своих святых. У нее простой приказ — взять одного, но указаний больше не было, значит, она поступит по совести и задержит мужчин. Пусть смерть еще немного подождет.

— Двинулись, — прошипело в наушник. Цепь поднялась и поползла вверх, в гору. До аула метров триста, совсем ничего.

Стася вновь сбила воздушкой камень, но на этот раз капитан Георгиевич заметил еле уловимое движение справа и передал всем:

— Гости.

Отряд залег за камни, подготовившись к бою.

Капитан ткнул пальцами в Гаврикова и Слонова и крутанул ладонью: подъем и вперед, вверх. Те тенью метнулись за камни слева. Приказ ясен: подняться и сделать вдвоем, что поручено всей команде.

Георгиевич показал на глаза Чижову и махнул в сторону каменного навеса, на котором мог затаиться враг. Приказ прост: глянь и зачисти.

Мужчина нырнул меж камней, пошел в обход.

Сидели бы вы спокойно, мальчики, — с досадой подумала Стася и сняла беззвучным выстрелом валун, к которому двигались двое. Камень упал и с грохотом покатился вниз.

Плохо, очень плохо. Наверняка уже шум камнепада привлек внимание. Нужно затаиться. Взгляд упал на часы: до точки четырнадцать минут.

Шорох слева. Стася замерла и покосилась в сторону: что-то не так. Но сообразить не успела — на нее тенью кинулся боец, придавил собой, неслабо въехав по скуле. Лезвие хорошего боевого ножа пошло в грудину. Женщина успела перехватить руку мужчины и уставилась в глаза:

— Тихо.

Чиж замер. Пара секунд на обдумывание и мужчина убрал нож, а пленницу прижал локтем на горло:

— Сколько вас, быстро.

Стася внимательно разглядывала бойца сверяя с портретом... но лишь глаза и губы. Остальное было закрыто черной маской. Дурная привычка, гадай теперь, — поморщилась: неудобно, когда свое горло в чужой власти.

— Одна, — одними губами шепнула. Глаз бойца дернулся в тике, взгляд прошелся по камням вокруг и не выявил посторонних. Странно. Что за баба и какого ляда она здесь делает одна. Мужчина рывком поднял ее и, заломив руку, потащил к группе, толкнул к скале, рядом с капитаном — пусть он разбирается.

Бойцы удивленно рассматривали молодую черноволосую женщину в костюме байкера — черной кожаной куртке с нашивкой на плече в виде знака бесконечности зеленого цвета, брюках и высоких литых ботинках, пытаясь понять, откуда это чудо природы здесь взялось. Вроде не Воробьевы горы и для «харлея» парковка неудачная.

За каким ты ее притащил? — взглядом спросил капитан у Чижа. Тот отвернулся и сплюнул в сторону: запахло не держи командир. Девка смирная, молодая, валить ее, себя пачкать.

— Кто, что, откуда, быстро, — приказал Георгиевич женщине. Попенять бойцу за сопли потом успеет.

— Сначала отзови своих, — бросила тихо. Бойцы недобро уставились на нее: шутить изволите, мадам? А ничего что вы не на танцклассе?

— Их положат, следом вас. В ауле около ста стволов, а не десять как вам доложили. И Шалимова здесь нет.

Бойцы притихли, капитан хмуро уставился на женщину:

— Откуда данные?

— Шевелись капитан, шесть минут осталось, — показала свои часы с голубым светящимся циферблатом и множеством делений. Непростые часики, не дамские, — оценили мужчины. Георгиевич нехотя буркнул в переговорник:

— Гаврик, Слон, отбой. Назад.

И кивнул своим: давайте ее вниз, в сторону, потолкуем с птичкой. Больно поет интересно и от самой экзотикой на километр несет. А диковинкам не место в горах.

Отчего он ей поверил так сразу, безоговорочно, даже не подумал. Было что-то в женщине свое, не чужое, заставляющее принять все как есть, поверить. Но проверить требовал долг и опыт.

Пара секунд и из-за камней появились отозванные бойцы, группа, осторожно ступая, поползла вниз. Впереди Чиж и Стольник с пленницей, позади капитан. Придержал Ханина, шепнул:

— Проверь.

Тот понял, ушел вверх.

— Слева пещерка, — бросила женщина. Чиж хмуро глянул на нее и протащил мимо объявленной ниши к следующей, далеко за камнями в стороне от тропы по которой шли.

Стася порадовалась: расчет оправдался. На точку прибыли вовремя.

Ее кинули к стене, прижали за плечо:

— Ты кто?

Однотипный вопрос, год за годом, день за днем, задание за заданием она слышит его в неизменной форме, но так и не выучила достойный ответ, устраивающий все стороны. Поэтому мучиться не стала, плечами пожала:

— Какая разница? Главное дело.

Бойцы переглянулись, Чиж отпустил женщину, закинул автомат за плечо.

— Какой отдел? — спросил Георгиевич.

— Информации не будет, капитан. Мне нужен Чижов Николай Валерьевич.

— Кто? — стянул маску с лица Чиж, уставился хмуро на женщину, пытаясь сообразить, о чем она, к чему, какого рожна его на задании вылавливают, будто другого времени и места нет, и вспомнить ее лицо: может, встречались? Нет. Внешность колоритная у мадам, не забыл бы, даже в толпе промелькни. — Не попуталась?

Стася улыбнулась: идентификация завершена — перед ней объект.

— Чижов Николай Валерьевич, 26 лет, неженат, уроженец Новгородской области, закончил...

— Я в курсе что закончил. Что надо?

— И откуда у тебя данные о нашем задании? — с мрачной физиономией спросил Георгиевич, сняв маску: смысл прятаться?

— Частности...

— Стоп! — качнул перед ней пальцем. — Коротко и четко... какого черта?

— Чижев уходит со мной, вы спускаетесь вниз. Это все, что вам нужно знать, капитан.

— У меня лычки на лице?

— У меня в голове. Ваши данные.

Мужчины переглянулись.

— Никуда я с тобой не пойду, — заявил Чижев. Стася глянула на часы: две секунды до «зеленки». И кинулась на шею мужчины. Оба полетели на камни, но упали в пропасть образовавшейся воронки. Вспышка, волна зеленоватого пламени без запаха и тепла, откинувшая остальных к каменным стенам... и тишина.

В пещеру заглянул Хан:

— В аule полно бойцов, баба права, — бросил капитану, ничуть не удивляясь тому, что мужчины распластались по камням.

— Какая баба? — тряхнул головой капитан, поднимаясь. Вспышка напрочь вымела из головы встречу с незнакомкой.

— Приехали. Эта, — и обвел взглядом присутствующих — женщины не было, как не было Чижа. — Не понял? — протянул.

А другие не помнили.

Зато точно знали — нужно идти вниз.

Глава 1

— Стася! — бухнул кулаком в двери комнаты Федорович.

Женщина нажала кнопку на панели у постели, впуская капитана и села. Мужчина прошел в помещение, глянув на сонную напарницу:

— Сбор через пятнадцать минут.

— Угу, — кивнула та, принялась натягивать брюки, потом ботинки. Подошла к умывальнику.

— Устала? — спросил мужчина.

— Немного. Только вчера вернулась, — вытерла лицо одноразовым полотенцем.

— Потерпи.

— Ерунда, — отмахнулась. Накинула на серую майку куртку, лифчик с пистолетами, пятерней провела по волосам, приводя их в порядок — классический беспорядок.

Иван усмехнулся: эталон красоты. Ох, Стаська!

— Что случилось?

— Понятия не имею. Сбор общий. Значит, отдыха в ближайшее время не жди.

— Не привыкать, — отмахнулась, выходя в коридор следом за напарником. Закрывает дверь и потопала по переходам рядом с Иваном, здоровым, высоким, которому до плеча только доставала. Та еще парочка, — улыбнулась.

— Твой боец воюет. Врубиться не может, куда попал.

Стася поморщилась, потерла ушибленную Николаем скулу:

— Нервный он, — намекнула, что не в курсе, зачем он понадобился.

— Начальству видней, — бросил дежурное Иван.

Кто спорит? — пожала плечами.

— По какому поводу общий сбор? Что слышал?

— Ничего. Знаю, только что вчера в zero ушла группа и не вернулась.

В зеро? — выгнула бровь, раздумывая. Зачем это в нестабильное время, в точку перехода отправляют группу? Что за экстренность и отчего удивляются, что ребят до сих пор нет?

— Вытаскивать будем?

— Вполне возможно. Иначе бы нас не трогали.

— А говорил: не знаю ничего, — улыбнулась женщина.

Дверь в конференц-зал открылась, из нее вышел мрачный как туча снеговая Грозович. Окинул взглядом пару и кивнул в сторону:

— Вам напрямую в кабинет полковника. Он ждет, шевелитесь.

— Худо? — насторожились оба.

— Зеленки нет. Пятнадцать групп застряло.

— Фьють, — присвистнул Иван и быстрым шагом направился в кабинет своего непосредственного начальника полковника Казакова. Станислава за ним. Ввалились в кабинет и рухнули в первые свободные кресла за круглым столом.

— Опаздываете, капитан, — недовольно глянул на Федоровича Казаков и, крутанув по столешнице планшет, отправил его к мужчине. — Ознакомьтесь.

Пока тот изучал данные, Стася поглядывала на своих, пытаясь по их лицам прочесть задание и причину срыва «зеленки». Иштван Пеши с невозмутимым видом гонял во рту жвачку, не обращая ни на кого внимания, Сергеев Вадим — Сван, хмуро разглядывал себя в полировку стола, Хаким — Хаснула Акимов, грыз ногти, исподлюбя оглядывая товарищей, а Гоблину — Гоблину Ренату всегда все было ровно и на лице его навечно застыло спокойствие, сродное равнодушию.

Иван вздохнул, закрыл пластиковый лист на планшете и перекинул его полковнику обратно. Судя по лицу капитана, оптимизма предстоящее задание у него не вызывало.

— Итак, выход вашей группы через тридцать минут. Боекомплект по минимуму, иначе не пройти. Капитан в курсе задания, огласит его на месте. Действуйте.

— Для нашего патруля будет отдельная "зеленка"? — посмела спросить Стася. Полковник холодно посмотрел на нее:

— Вас оповестят на месте, лейтенант Русанова, как и остальных.

— Так точно, — выпалила уныло и поднялась вслед за остальными.

Группа направилась в арсенальную за экипировкой. В каждом шкафчике команды был свой, личный комплект костюмов, оружия и технических средств. Бойцы начали облачаться в темные брюки и куртки из прорезиненной кожи под диктовку капитана:

— Общий вес не должен превышать семьсот килограмм.

— Фьють, — присвистнула на этот раз Стася, произведя в уме нехитрую арифметическую задачку: вес бойцов — один Иван сто двадцать кг, остальные в среднем столько же, она шестьдесят, плюс костюмы по шесть кг каждый, аппаратура и локационный прибор. На оружие оставалось не больше десяти килограмм. И прикрепила под брюки, к голени, пистолет вместе с резаком, на всякий случай, авось пройдет. В футляр на бедре легла рация, запасная обойма. Мужчины делали тоже самое и при контрольном взвешивании при переходе в ангар стойка запищала — перебор.

— Скинули лишнее, бегом, — приказал Федорович.

Гоблин нехотя кинул за границу две обоймы, Сван третий пистолет-автомат, больше никто избавляться от «родного» не захотел, но следующий контроль выдал повторное пищание.

— Так, братцы, начинаю ругаться, — заявил Иван. Бойцы подумали и со вздохами расстались с дополнительными боекомплектами. Следующий контроль их мужества не оценил — заверещал.

— Ну, все, — разозлился Иван. — Стройся!

Бойцы вытянулись по струнке в ряд и, капитан прошел по фигуре каждого, без зазрения совести ощупав и отобрав припасенное оружие. Не миновала гроза и Стасю, хоть та и пихнулась, надеясь уйти от капитанских рук.

— Не брыкайся, не лошадь, — буркнул ей Иван, вытаскивая из-под левой штанины

пластидную шашку. — Сдурела, мать? — фыркнул и на ее счастье вторую штанину не прогладил. — Вперед.

На этот раз контролер промолчал.

— Тьфу, — сплюнул в его дисплей жвачку Иштван, видно с досады, что лишился греющего его душу оружия.

— Личные номера сдать, — объявил дежурный капитан у входа в бокс.

— Что-то новенькое, — проворчал Сван, доставая нагрудный номер. Гоблин просто дернул цепочку с жетоном с шеи и кинул в контейнер. Следом сбрыкали остальные.

Бойцы шагнули в коридор, ведущий к боксу. Открылись стеклянные двери, впуская их в круглое помещение со светящимся полом. Когда последний патрульный встал в круг, начался отсчет времени. Таймер над дверью отщелкивал цифры назад, а обод по краю стен сдвинулся с места, пришел в движение, закрутившись против часовой стрелки.

Патруль прижался друг к другу спинами, приготовившись к переходу. Вроде все как всегда. Но гул слишком сильный, на уши давящий и всполохи идущие по стенам амплитудные, без ровного распределения поля. Буксует "зеленка", — подумал каждый.

Скверно это, потому что любая помеха грозит отбросить их не в назначенное время и место, а куда пси-поле пошлет. В этом плане оно затейливо: может к мамонтам кинуть, а может на Алатау времен его становления. Но и это ерунда, другое худо — точка возврата должна быть соединена четким коридором с точкой ухода, это и называется «зеленкой» или зеленой дорогой, открытой. Если ее нет, значит, шансов вернуться, тоже нет. Получиться путешествие в один конец. Но видимо это очень нужно, раз рискуют, посылая шесть человек в нестабильное поле.

Вспышка и патруль исчез в вихревом потоке.

Яблоневый сад в ночи окрасило зеленоватыми всполохами. Гроза и запах озона намекнули на приближение непогоды. Однако, некому. Местность безлюдная: может, ночь, может, еще какая причина.

Патрулю то только на руку, поэтому никто вопросом где люди, не задавался. Материализовались и засели у зарослей в круг получать инструкции.

— Задание простое и тяжелое. Нужно найти трех умников, что слиняли из лаборатории

вместе с последней исследовательской группой статистов. Ребятки решили пожить здесь королями, а чтобы их не тревожили, прихватили стансер. К несчастью, в этих временных просторах находится восемь групп, еще семь в примыкающих временных полях, и ни одна не может вернуться. Нужно найти стансер, деактивировать, взять «умников», а остальных лаборантов вернуть откуда росли. Задача ясна?

Сван сорвал травинку и начал жевать ее, обдумывая услышанное. Иштван спросил:

— Получается, от нас зависит, вернемся ли мы и пятнадцать групп?

— Круто, — оценил Гоблин. — Приметы этих идиотов есть?

— Только одного. Информация переброшена в файлы очков. Одели, просмотрели. Если сканер засечет объект, вы об этом узнаете.

— Вопрос, где мы?

— Гиень, тысяча двухсотый год. Лингвопереводчик уже загружен.

Хаким без лишних слов нацепил на нос очки и присвистнул:

— Шутишь, капитан, это же Морис!

Сван выплюнул травинку:

— Спец по Франции средних веков, ведущий профессор кафедры исторической парадигмы. Да он здесь так на дно ляжет, мы его века искать будем!

— У пяти групп, застрявших во времени без «зеленки» обычные практико-ознакомительные работы. Это студенты, братья, им сейчас не до смеха и их ведущим тоже. В параллели на уровне тысяча двухсотого года до эры экскурсия школьников по истории Греции. Пятнадцать детей застряли в жо... у Гомера! Им на помощь отправлен группа Сиртаписа. Ребята теперь тоже зависли, а на их шее полтора десятка веселых детишек, не ведающих о варварских манерах местных дяденек и тетенок. Так что, останемся мы здесь или нет, частности, но «зеленку» группам надо дать хоть все ляжем. Вопросы есть?

— No кер, — выплюнул травинку Сван.

— Тогда за работу.

Бойцы начали настраивать временной таймер на циферблатах наручных приборов, выводить сканер местности и поисковик инородных временных частиц. Любое что не из современного времени, тут же выявится и импульсами выдаст информацию на таблоид в очках и в наушник.

— Куда теперь?

— Есть одно местечко, где по данным статистов оптимально выгодно притаиться группе профессора. Это на севере, километрах в полста отсюда.

— Ближе кинуть не могли?

— Вспугнули бы, — бросил Гоблин Свану, вместо капитана.

— Учтите, Франц Моррис в прошлом чемпион по пятиборью, мастер по стрельбе из лука и...

— Вообще — стрельбе, — с намеком на «тиснутый» профессором стансер, хмыкнул Хаким, прикрепляя к поясу датчик с данными каждого из патрульной команды. — Теперь можно двигаться. Только сильно не резвитесь, данные уходят прямиком к диспетчерам.

— Вот-вот, — проворчал Иван. — Прошлый раз, когда вы у коз молоко просили, меня Казаков им и напоил. Объяснительные писать забодался.

— Так и нас бодали, — заметил с лукавой улыбочкой Сван.

— И молоко экологически чистое попробовать, это святое, — усмехнулась Стася.

— Стася, тебе дополнительная инструкция...

— Не надо, — отрезала, уже зная, что услышит: ведьму, ангела и демона не изображать, под валькирию не маскироваться.

— Шутница, блин, — покачал головой капитан.

Хаким засмеялся, вспомнив последний поход двух недельной давности, когда Стася с лету вскружила голову местному менестрелю и... была принята монахом францисканцем за

саму Лилит, посланную по его душу.

— А чего? Весело было, — не удержал улыбки Иштван.

— Кончай шуточки, время пошло. Двинулись, братцы, рысцой, родные!

Цепочка теней замелькала меж деревьев, направляясь на север.

Кросс закончился на рассвете в довольно привлекательном местечке, где холмы и поля переходили в леса и горы. Отличная живописная местность, где любой из патруля был не прочь задержаться подольше, но время это не простая субстанция и за годы практики они привыкли ценить его больше, чем свою жизнь. Порой секунда стоила жизни десятка людей, а минута целой цивилизации.

Блаженны те, кто этого еще не познал и, бездумно тратят бесценное.

Сначала дело, — девиз патруля был не случаен. Никто не знает, что ждет его в следующий миг, значит, даже его нужно прожить с пользой и толком, успеть максимум за минимум.

Хаким и Сван отправились в деревушку на разведку и за экипировкой, Иван просканировал местность, Стася отапортовала диспетчеру о прибытии патруля в точку, Иштван провел дальнюю разведку, оглядывая пейзаж через очки и, приметил за пригорком в паре километров замковое сооружение и массу домиков вокруг высоких стен, речку, мостик, простолюдина трясущегося на телеге, трех торговков, идущих от мостка вверх с корзинами на плечах.

— У них базарный день.

— Кстати, — заметил Гоблин. Указав на свой прибор — маячок колебался. — Возможно кто-то из «умников», как раз засел в городке.

Бойцы приготовили оружие, проверив его еще раз.

Вернувшиеся мужчины бросили к ногам товарищей тюки с одеждой и подтвердили, что в деревне колебания маяка сильней. Все указывало на город.

— Базар. Возможно, кто-то там.

— Пойдем все вместе, спугнем, — заметил Сван, присев на корточки, чтобы начертить короткий путь к городку и ландшафт вокруг. На траве получалось не очень.

— Не мучайся. Одеваем плащи и сопровождаем Стасю в город, Хаким и Гоблин ждут нас у башни и готовят «зеленку» для улова. Стася переодевайся.

Женщина выгнула брови, приподнимая убогое одеяние над землей.

Сван фыркнул и, не удержавшись, засмеялся, до того удивленная и растерянная у сестренки физиономия стала.

— Хорош приглядываться, не butik, — сердито бросил Иван. — Одевайся.

Стася недобро глянула на него и принялась стягивать куртку, потом с помощью Иштвана влезла в ужас под названием платье и была перетянута шнуровкой так, что с трудом удержалась от желания въехать садику ботинком в интересное место.

— Полегче "Де Сад"!

— Претензии к местной моде.

— Это пояс, а не корсет!

Стася развернулась к мужчинам и те дружно покатались со смеху — взъерошенные волосы, наглая физиономия с острым, въедливым взглядом диссонировали с широченным желтым льняным мешком, названным гордо — туника, перетянутого на талии шнуром. Открытые перчатки выглядывающие из широких рукавов и литые ботинки, из-под подола, довершали картинку.

— Чучело на выгуле! — рухнул на траву Иштван и получил легкий пинок от Стаси.

— Хорош ржать! — рывкнула она, поднимая подол и подтягивая пояс брюк, а заодно проверяя на месте ли дистанционная рация.

— Стася, не закадри какого-нибудь сеньерчика!

— Пастуха!

— Мельника!

— Насмехаться будите, вообще замуж выйду!

— Стася, не губи супруха!

— Тихо! — рыкнул Федорович, еле сдерживая улыбку. — Успокоились, собрались и двинулись. Позже посмеемся. Стася пройдешь по городу, потусуешься на рынке...

— Потусуюсь, — с истомой пообещала женщина, бойцы опять фыркнули как стоялые жеребцы, но ржать поостереглись, про себя хихикали.

— Кого найдешь, притащишь к башне...

— Я его на месте использую, — заверила. Иштван не сдержался и хохотнул.

— Так, отставить резвится!

— Грозен, но справедлив, — заверил Гоблин, завязывая шнуры плаща на груди.

— Монахи, блин, — хохотнула уже Стася.

— Двинулись.

Женщина подобрала юбки и дала марафон следом за товарищами.

Сигур Шелли сидел на бочке с вином и поглядывал на снующую толпу. Его напарник Симон, пронырливый малый, уже шерстил местных толстосумов подрезая кошельки и скидывая их Сигуру, невзначай пробегая мимо.

— Притихни, — получив очередной кошель, бросил ему парень и кивнул на появившихся всадников: граф Теофил Локлей и его дружок граф Федерик Озвар со свитой — пятеркой воинов весьма предостерегающей наружности. Засекут двух ловкачей — не миновать им виселицы.

— Как говоришь, его зовут? — спросил Теофил друга, не обращая внимания на сумятицу вокруг, поклоны и предложения отвесть зелени, фруктов или жирного судака.

— Иона.

— И, правда, хорош лекарь?

— Чудо.

— Откуда он?

— Из Византии.

— А зовут Иона, — скривился Локлей, тут же потеряв интерес к теме.

— Он жил там...

— Христос с ним, — отмахнулся. — Саймон решил с шиком отметить годовщину своей свадьбы на наследнице Санси. Приедешь?

— Да. Приглашение уже получил. Скучно, по чести говоря. Кстати, говорят, Сюзанна уже затяжелела, значит не за горами празднование крестин наследника.

— Повеселимся.

Стася не спеша проходила меж торговых рядов, невзначай прихватывая то яблоко, то грушу, когда от первого оставался огрызок. Маячок фиксировал всполохи, говоря, что чужое близко и женщина шла по его наведению прямо, потом влево, опять прямо. Взгляд выловил чумазого паренька, к которому маячек просто тянул ее. Одно не вязалось — парню было от силы лет семнадцать, а лаборанты Мориса не могли быть столь юного возраста.

Женщина сделала просто, обняла его, обшарив незаметно, и вытащила из кармана часы.

— Ты чего? — отпрянул тот, обескураженный приставанием.

— Это что милоч? — выставила ему хрономер, сообразив, каким образом он к нему попал. — У кого взял?

Симон было ринулся прочь, но цепкая рука странной девицы схватила его как клещи кузнеца и подтянула обратно:

— Быстро: у кого? — прошипела. — Минута на размышление и поднимаю шум!

А сама мило скалилась, оглядывая толпу. Симон замер хлопая ресницами и вглядываясь в лицо женщины — не проста дама, осанка не простолюдинки, хоть и одета бедно. В ухе приметная серьга, замысловатая, не в мочку вдетая, а через ухо — в раковине серебристая жемчужина, а вниз висюлька капелькой на черном шнуре. Вот бы украсть — такое немало золота стоит.

— Я... мадам...

— Ты. Минута прошла, — и открыла рот, давая понять — сейчас взвоят сирена.

— Понял! — поспешил заверить парень и взглядом указал на мужчину в темном плаще, похожего на монаха, который стоял и оглядывался, словно кого-то выискивал.

— Молодец мальчик. Гуляй.

И двинулась к «монаху» на ходу объявляя своим:

— Один есть. Лет тридцать, напуган, растерян. Примете?

— Сейчас будем, — объявил Сван и Иштван.

Троица сошлась синхронно секунда в секунду — мужчины замерли за спиной незнакомца, Стася перед ним.

— Привет, — уставилась недобро. — Морис где?

— Кто? — охрип мужчина, лицо вытянулось и вдруг, обрадовался. — Вы свои?!

— Тише, идиот, — ткнул его в бок Иштван. Мужчины подхватили «монаха» под руки и потащили прочь.

— Один есть, но он явно не с Францем Морисом, — объявила Стася остальным. — Хаким, Гоблин — принимайте.

— Работай девочка, — прогудел довольный Иван. — Я еще одного взял. Потолкуем.

— А я потусуюсь. Груши здесь вкусные.

В наушник фыркнуло:

— Не переешь.

Шелли внимательно выслушал Симона и уставился на незнакомку: странная баба, прав напарник. И серьга ее им пригодиться.

Сигур спрыгнул с бочки и лениво направился к мадам. От его взгляда не укрылась ловкость, с какой она свистнула грушу с лотка мадам Ханы. Хороша, чертовка, — оценил виртуозность и достоинства лица и фигуры разом. По грации и осанке — знатная дама, но тряпье портило впечатление, а короткие волосы и наглый взгляд заставляли думать, что перед ним девица легкого поведения. Однако всех кумушек он знал и не по разу у них перебивал — эту не видел.

Он хотел ее легонько толкнуть, извиниться и завязать разговор, а за комплиментами и ужимками узнать, кто такая и украсть серьгу. Но не тут-то было. Только коснулся ее, как был схвачен за руку, не успев даже понять как.

— Не шали.

— Что вы, мадам, — округлил глаза. Хотел отвесить поклон и при взмахе задел наушник. Стася вернула его на место, а парню тихонько въехала под дых:

— Говорю же, не шали.

Сигур ловил ртом воздух, согнувшись пополам и рассматривал странную обувь выглянувшую из под юбки мадам — черную как сажа, громоздкую. В его воображении произошел сдвиг и мозг выдал вид копыт черта, ничего более подходящего не найдя.

— Ведьма!! — заорал он, перепугавшись насмерть.

— Твою маму, — выдохнула с досады Стася и вильнула в сторону, пока толпа соображала, что к чему.

— Стася, что у тебя? — прогудело обеспокоенное в ухо.

— Все нормально, обычное гостеприимство. Беседуйте, ребята, не отвлекайтесь, — бросила, лавируя меж лотков и торговцев, а за спиной уже лавиной нарастал шум и гам. Крики «дьяволица», "ведьма на рынке"!! становились все четче и ближе. Вскоре к ней ринулись стражники с алебардами и попытались схватить дородные торговки рыбой. Стася подобрала юбки и вспрыгнула на телегу, перекатилась и ринулась прочь. Не получилось — ее окружили.

— Смотри, что там? — вытянулся Озвар, привлеченный шумом.

— Опять что-нибудь не поделили, — отмахнулся Локлей, но тоже посмотрел в сторону сумятицы.

— Ведьма, ведьма!! Лови чертовку!! — неслось явственное.

— Кажется, чернь нашла новую жертву для своих забав.

— Интересно, сейчас ей костер устроят или просто порвут?

— Подъедем ближе и разберемся.

Стася поняла, что ее убьют и, выхватив у одного стражника спату, вспрыгнула на бочку и ударила по пике того, который решил ею проткнуть женщину. Еще взмах и еще одно копьё валялось в пыли с порубленным древком. Толпа расступилась разом смолкнув.

— Помочь? — качнулся к господину Станс. Теофил выставил ему руку: подожди. Взгляд Локлея был прикован к молодой женщине, слишком гордой и красивой для убогого наряда, слишком независимой и смелой для женщины вообще.

— Хороша, — протянул.

— Весьма, — нехотя подтвердил Федерик.

Стася выставила меч и сдвиг упавшие на глаза волосы, процедила стражникам и простолюдинам:

— Отошли, быстро!

Толпа нехотя начала отступать испуганная и обескураженная поведением женщины.

Кто-то все же хотел ее схватить, но она неуловимым движением отправила бедолагу в пыль. Остальные отступили активней.

Далеко от нее виднелась фигура Ивана.

— Стася, — начал он, обеспокоенный происшествием, но та оборвала.

— Не светитесь.

Он и сам это знал и, хоть сгорал от желания помочь сестре, не сделал в ее сторону и шага. Опасность и смерть одного бойца не должна ставить под угрозу срыва всю операцию. Патруль должен дать «зеленку» застрывшим группам, даже если погибнут все.

— Уходи влево, — сказал Иштван. — Здесь ограда, за ней лес.

— Постараюсь.

Шаг, еще шаг, держа наготове оружие, держа на прицеле глаз любое движение.

— Возьми ее, — бросил Локлей начальнику своей стражи.

— Зачем она тебе? — поинтересовался граф.

Если бы тот знал.

А это уже серьезно, — оценила пятерых угрюмых мужчин с семиспатами женщина. Трое выстроились в ряд, преграждая ей путь, а двое заняли позицию по сторонам, за спиной же была толпа, которой только покажи слабинку — разорвет.

— Повеселимся, мальчики, — кивнула стоящему впереди мужчине со шрамом через всю щеку.

— Тоска, Стася, — заметил уныло Иштван.

— А сдаваться глупо. Как наш "умник"? — спросила тихо, одними губами.

— Два. Один человек Мориса. Он здесь.

— Прекрасная новость, — и громко оповестила готовых напасть воинов. — Только не подставляйтесь!

— Мадам, я предлагаю пройти к графу Локлей, он приглашает вас.

— Я не расположена к светским посещениям.

— Тогда нам придется препроводить вас силой, — и жестом дал команду воинам к нападению.

— Как вы галантны, — с ехидством бросила Стася и отразила первый удар меча. Увернулась от второго и, сделав подсечку, встретила клинок. Откинула его и сшибла открывшегося ей воина. Тот полетел на простолудиноку. Толпа зашумела, приветствуя знатное представление — виданное ли дело, чтобы женщина дралась на мечах как рыцарь!

Только Стася меньше всего хотела тешить отсталую массу.

— Нашли третьего и четвертого. Муж с женой, — сообщил ей в наушник Сван. — Держись, сестренка.

— Молодцы, братцы. Остался Морис! — отбила меч вступившего в бой воина — теперь нападали трое. Один отдыхал, отправленный женщиной в нокаут, еще один, видно старший, наблюдал, подозрительно щуря глаз.

— Нет, Стася. С ним оказывается еще двое.

— Черт! А где стансер.

— Вроде с ними. Не отвлекайся — слева!

Стася крутанулась и, ударив плашмя мечом детину, слегка оглушила его, второго рукоятью в живот и резко ушла вниз, избегая летящий на нее клинок третьего. Старший перестал изображать статую и, вступил в бой. Худо — этот был бывалым бойцом, не велся на обманки, не поддавался эмоциям и по-глупому не открывался.

Закончилась бы схватка плачевно, не вступи в круг всадник с монументальной фигурой и каменным обветренным лицом:

— Закончим, — приказал. Стася уже опрокинутая в пыль и прижатая мечом к груди, смотрела на него снизу вверх, соображая, что он к ней привязался. — Станс!

Мужчина убрал меч и протянул женщине руку:

— Вы хороший воин мадам, — заметил холодно. — Но даже хорошие воины иногда проигрывают. Вам придется проехать с моим господином.

— Граф Теофил Локлей, мадам, — слегка качнул пышной шевелюрой всадник, неспуская пристального взгляда ярких, голубых глаз с нее.

Стася встала, оттерла пыль со щеки:

— Я тороплюсь.

— Увы, вы задержитесь. Выбирайте мадам: едете со мной или идете в тюрьму, а потом на костер по обвинению в колдовстве, — и покосился в сторону, невольно приглашая женщину полюбоваться идущих к толпе стражей во главе с дородным сеньором и двумя пузатыми монахами самого пуританского мыслеобраза на одутловатых физиономиях.

Стася фыркнула презрительно, но из двух зол выбрала менее упитанное — голубоглазое. Вспрыгнула на коня Станса, не подозревая о том и, кивнула:

— Едемте, граф.

Озвар расхохотался, а Локлей улыбнулся, оглядев всадницу — судя по всему этой женщине не занимать смелости и мастерства как во владении оружием, так и в общении с конем.

— Только сильно не резвись, — предупредил в наушник Иван.

— Я не надолго, заодно разведую.

— Понял.

— Прошу, — указал рукой в перчатке в сторону каменной мостовой ведущей вверх Теофил. Стася наддала коня, спеша скрыться от уже бегущей к ним стражи.

— Озвар, разберись! — крикнул ему друг.

— Не беспокойся! — заверил тот.

Копыта лошадей застучали по камням, удаляясь прочь с места событий. Стася промчалась мимо Иштвана и Свана, но не взглянула на них, чтобы не привлекать внимание к товарищам. Нравы-то самые дикие, только из одной неприятности, недолго в другую вляпаться. Теофил не отставал от женщины и не спускал с нее взгляда: красива, горда, смела — редкий набор качеств. Откуда такое? И отчего сердце бьется в виски, а кровь горит от одного взгляда на нее?

— Мы уходим в лес. Квадрат четырнадцать, — сообщил ей Федорович. — Не отставай. У тебя есть час от силы.

— Нагоню, — шепнула, заверяя. Она прикинула, куда уйти на лошади и только хотела рвануть в сторону, как Локлей разгадав ее маневры, кивнул своим людям и те обступили ее плотной стеной, сопровождая, как под конвоем.

Пусть, — смирилась до удачного случая, который она точно знала, обязательно подвернется, нужно лишь дожидаться его, понять и использовать. Вся жизнь — лотерея с бесконечными призами, а хорошими или плохими, зависит от того, кто их получает и как применит.

Вскоре всадники вылетели за пределы города и бег лошадей замедлился.

— Как вас зовут, мадам? — спросил Теофил.

— Это тайна.

— Вот как?

Но вместо ответа, Стася наддала лошадь и резко ушла влево. За ней рванули воины и граф.

— Остановитесь, я не причиню вам вреда!! — закричал Локлей, испугавшись за отчаянную, что летела по лесу не ведая дороги и оказался прав на счет своих опасений. Лошадь споткнулась, угодив копытом в какую-то ямку и женщина кубарем полетела на листву и траву, смяла кусты, открыв изумленному графу ножки и обтянутые черным ягодицы. Он прыгнул, желая помочь.

Стася поднялась сама, сплевывая попавшие в рот листики, отряхнулась и уставилась на мужчину:

— Расстанемся.

— Я не намерен.

— Тогда сразимся один на один. Победите — за мной обед, нет — распрощаемся.

— Нечестно, — хохотнул в наушник Сван.

— Сильно же ты взвела сеньора, — фыркнул Хаким.

— Помолчите, — буркнула Стася.

— Это вы мне? — удивился Теофил.

— Что вам, я уже сказала.

— Не привык драться с дамой.

— Это не дама, мужик, это контейнер с пластидом, — прокомментировал Иштван. Стася заподозрила, что сегодня выполняет роль циркачки для всех встречаемых — поперечных, включая своих товарищей. Ну, отчего бы не развлечь братьев раз так карты легли? А там встретятся — она их по-другому развлечет:

— Укушу, — бросила.

Теофил моргнул не понимая.

Иштван засмеялся, Иван игриво бросил в наушник:

— Жду, милая.

— И меня, Стася, какой год грозишься! Ай-ай, обманщица! — заржал Хаким.

Русанова тяжело вздохнула, скривив рожицу с досады. Теофил невольно улыбнулся: забавная.

— Верю, вы можете укусить. Но я заметил, вы стараетесь не задеть человека. Даже с нападшими на вас, удивительно терпеливы и расчетливы в приемах. Бойтесь убить?

— Не желаю. Жизнь имеет огромную ценность, о которой вы не подозреваете.

— А вы знаете.

— Знаю.

— Вы не похожи на демоницу.

— А вы на ангела. Отпустите меня по-хорошему.

— Вы исчезнете?

— Догадливы.

— Откуда вы?

— Я ваш сон.

— Тогда я не хочу просыпаться.

— Придется.

Локлей мотнул головой: он не хотел ее отпускать, но и удерживать против ее воли не мог. Странно. Он будто встретил нечто выше его, нечто необъяснимое и притягательное, чистое и грешное, святое и погрязшее. Возможно ту часть себя, что затерялась при рождении, а может оставалась на небесах, ожидая его возвращения и, вот, спустилась напомнить ему — ты богат, силен, прославлен в боях, но разве это все к чему ты стремился? Зачем дано тебе счастье Господне дышать, зреть, мыслить?

Он не мог удержать женщину, как не мог бы удержать ангела, даже схватив за крылья.

— Обещайте, что мы вновь встретимся с вами, — прошептал, давая себе время, чтобы запомнить посланницу небес, совсем непохожую на тех святых существ, что описывает святое писание. В ней был огонь и он жег его, мучил разум, рождая кошмарные мысли, она как сосуд с тем неприкосновенным, не каждому данным, явилась ему на смущение и взбудоражила воображение, поманила запретным. Возможностью заглянуть за край реальности и вкушать плоды истины. Страх, благоговение, тревога и желание пойти за ней пусть даже в ад лежит этот путь, сплелись в одно и мучили Теофила.

— Обещайте, — почти взмолился. И поразился — когда он умолял? Сеньор простую оборванку... но более гордую и благородную чем королева.

— Все возможно, — нехотя ответила Стася. Взгляд мужчины, будто в душу проникал и просил: останься или возьми с собой.

Нельзя, — она впервые за пять лет службы пожалела, что не может взять с собой.

Волосами тряхнула — пустое, брысь глупые мысли. "Сначала дело".

— Хорошо, — согласился Локлей через силу, почувствовав преграду меж собой и женщиной. Она выросла внезапно и перечеркнула возникшее сродство. А впрочем, откуда ему быть? Мираж... — Возьмите лошадь, если вам надо.

— Благодарю, — вскочила на коня стражника.

— Кстати, — бросил уже в спину ей граф. — Даме не принято сидеть в седле по-мужски.

— Учту, — засмеялась Стася. Какая глупость! Каким мелочам придется столько внимания, на что тратиться время и энергия! Счастливое неведение, счастливые минуты, потраченные на ерунду, но милую, здесь не поспоришь. — Рада была с вами познакомиться,

граф!

— Я буду ждать вас, посланница небес!! Слышите?!! Я всегда буду ждать вас!!

Веришь ли ты в это сам? — покосилась на него через плечо Стася.

Глава 2

Русанова бухнулась с лошади на траву, вытянулась блаженно. Иштван оценил ее вид и улыбнулся. Сван на пару секунд перестал жевать травинку. Капитан головой качнул и продолжил комментировать карту местности.

— Они ушли на север еще дальше. Там скалы и заброшенный замок, который Морис планирует забрать себе. Стансер наверняка с ними, иначе нет смысла бегать. Морис попытается надежно прикрыть себя, значит, прибор, перекрывающий доступ к нему патрулей и прямой выход на него, будет держать рядом.

— Логично, — буркнул Гоблин.

— Лаборантов уже отправили? — спросила Стася.

Сван кивнул.

— Как, если «зеленка» не стабильна? Куда?

— Хз, — беспечно пожал плечами Хаким. Но Стася знала, что за хз скрывается четкая и кропотливая работа, возможно единственный коридор из миллиона возможных. Высчитанный, выверенный до последней пси-частицы. А беспечность — прикрытие аховой ситуации для самого патруля, который скорей всего уступил свой путь другим. Не первый раз и не последний. Обычное дело. Обычная работа.

— Диспетчер?

— Связи нет, — сказал Иван, подтверждая худшие опасения женщины. — Будем надеяться, что доставка прошла удачно.

— Во всяком случае, база мост приняла, и дорога была открыта на пару секунд.

— А потом связь обвалилась? Супер, — оценила Стася. Значит, патруль отрезан. Мужчины глянули на нее и дружно усмехнулись.

— Не переживай, выдадим тебя замуж за графа...

— Стоп! — выставила палец. — Я поклялась в верности "зеленому братству".

— Хм, а выдержишь? — игриво улыбнулся Иштван.

— Пошляк, — шлепнула его по плечу.

— Резвиться закончили, — отрезал Иван. — Подъем.

— Опять марш-бросок?

— Снова.

— Тогда освободите меня от этого наряда!

— Ну, если женщина просит, — переглянулись Хаким и Сван, и, встав, дружно сдернули со Станиславы тунику. Гоблин бросил ей куртку.

— Мерси, мальчики, — вздохнула облегченно. Бойцы надели очки и рысцой двинулись по лесу.

Замок располагался на скалах. С виду — никого нет, но часы клинило, связь не бралась, а это могло значить лишь одно — стансер здесь. А где стансер, там Морис.

Патруль залег за камнями, обзорева пространство. Главное было — дезактивировать прибор, чтобы дать чистую дорогу застрывшим подразделениям, а потом уже разбираться с перебежчиками.

Федорович из наблюдения за наручным сканером, пришел к выводу, что глушится он вовсе в направлении замка, значит прибор там.

— Скорей всего подвал, — бросила Стася. Мужчина кивнул и, ткнув пальцем в ее сторону и Гоблина, крутанул в сторону замка: ты и Ренат — вперед. Бойцы перебежками двинулись к камням у стены, остальные стали по одному подходить ближе.

Гоблин подставил руки, помогая женщине влезть на первый валун, потом подтянулся сам. Дальше дело техники: зацепиться за выступ, ногами найти устойчивую опору. Примерно на середине пути раздался выстрел. Стася оглянулась — Иштвана заметили. Тот распластался меж камней, замер.

С одной стороны — патруль на верном пути — оружие не может быть у средневекового монаха или пилигрима, только у современника. С другой стороны, если Морис пошел на подобную акцию — легко его не возьмешь. В-третьих — придется потом группе зачистки сюда прибывать, предметы современности в старине дематериализовывать.

Гоблин толкнул ботинок женщины, подгоняя задумавшуюся.

— Резвей, родная.

Стася подтянулась вверх к следующему уступу, еще к одному, еще.

Вскоре показался край стены, а за спиной внизу послышался шум: засвистели пули и стрелы. Морис успел набрать наемное войско? Сукин сын! Теперь продеться убирать всех, кого он нанял. Впрочем, понять его можно: за совершенное преступление по голове его не погладят, вот и прикрывся в надежде отстоять свою жизнь. Ценой чужих жизней!

Женщина выглянула осторожно из-за камня, обзвывая убогий дворик — трое лучников слева, двое справа. Пройти незамеченными не получится. Гоблин подтянувшись и встав рядом оценил ситуацию и кивнул Стасе: ты берешь двух, я тех трех. Начали.

Вытащили ножи, прицелились и сняли по одному лучнику.

Перепрыгнули кладку и ринулись в разные стороны, добивать оставшихся. Свистнули стрелы, раздался крик заметивших их воинов.

Стася уклонилась от стрелы и с ходу врезалась в лучника, выбивая из рук оружие. Удар в кадык и мужчина с хрипом рухнул на камни. Женщина вытащила нож из убитого, оттерла его, оценивая положение Гоблина — одного снять осталось. Но к нему еще семеро бежало, один лук натянул, готовясь снять стрелой. Пришлось утихомирить кинув нож. Лучник упал, стрела ушла в сторону, никого не задев.

— Уходи, я задержу, — крикнул ей Ренат. Стася рванула к каменной арке, уверенная,

что это вход в подвал — самое место для хранения стансера. Но на пути появился верзила с дубинкой. Женщина нырнула вниз, прокатилась по камням. Вскочила и врезала ногой в спину, отправляя его в кладку стены. Тот выпустил палку, но не упал. Развернулся и выхватил пистолет, как из воздуха проявил. От неожиданности Стася не успела увернуться, сориентироваться и получила пулю в плечо. Ее откинуло к арке и лежать бы ей мертвой после второго выстрела, не кинь Ренат в верзилу нож.

Мужчина вздрогнул, выстрелил, и рухнул, выказав боевой нож в затылке. Пуля же лишь чиркнула по камню рядом с женщиной.

— Этот один из подручных Мориса, — бросил Гоблин, вытаскивая свое оружие, подхватил еще плохо соображающую от боли Стасю и нырнул в арку, под прикрытие камней. Две стрелы влетели следом за ними и хлопнулись на лестницу, ведущую вниз.

— Стася? — легонько шлепнул по щеке женщину, видя, что та неадекватна.

— Т-с, — выставила та палец, придерживая напарника от преждевременных выводов и действий. Боль, слабость и дурнота еще не настолько сильно овладели ею, чтобы она вышла из строя.

— Я вниз, прикрой, — прохрипела. Отлипла от стены и, сделав пару глубоких вдохов — выдохов, рванула вниз, вытаскивая на ходу пистолет.

Гоблин в сомнении посмотрел на нее, но промолчал: если сказала, сделает, значит сможет. И вытащил свой пистолет: игры закончились.

Стасю сначала мотало и перед глазами рябило от слабости. Пришлось пару раз специально врезаться прострелянным плечом в стену, чтобы хоть от боли прийти в себя. По дороге сорвала ремешок с нагрудного кармана, перетянула руку, чтобы остановить кровь. И вперед по извилистым, сырým и темным коридорам по маячку. Тот с бешеной скоростью выдавал волны, давая понять — вы на верном пути.

Из-за угла вышли двое мужчин со спатами, но устраивать турник было недосуг да и состояние не то — Стася просто сняла из выстрелами и побежала, уверенная, что стансер совсем близко. Стало темно, пришлось включать наплечный фонарик. В одной из ниш маяк пискнул и стало ясно прибор где-то здесь. Женщина огляделась. Две заложённые камнями арки в нишах слева и справа и коридоры прямо и за спиной. Ясно, что стансер за камнями, но с какой стороны? Пнула кладку справа — та устояла, слева, камни чуть дрогнули. Значит эта недавняя. Еще удар, еще. Жаль, нет пластида, надо же было Ивану его забрать!

В голове шумело, каждый удар ногой в камни отдавался не только гулом по всему подвалу, но и в плече. Наконец кладка раковалилась и Стася не устояв, вместе с ней влетела в нишу, рухнула на камни, на секунду потеряв сознание. Сглотнула вязкую слюну и трянула

головой, избавляясь от дурманной слабости и звенящей глухоты, а так же мелких камешков и пыли. Поднялась, тяжело опираясь здоровой рукой о стену, и пошла к деревянному сундуку — самое место для прибора.

Замок, черт его дери! Выложила дугу выстрелами вокруг, израсходовав обойму, и пнула со всех сил, выламывая дерево у ковки. Треснуло, поддалось. Но слишком женщина увлеклась, слишком отупела от боли и кровопотери, внимание потеряла, и не услышала шагов за спиной. Выстрел привел в себя, вспышкой в сознании: куда смотрела, дура? И мрак, падение на камни.

— Ну, зачем так варварски обращаться с техникой, — вздохнул мужской голос.

Стася с трудом приоткрыла глаза — Морис. Мужчина, уверенный, что убил женщину, открыл навеской замок и доставал стансер.

Русанова осторожно нащупала пистолет под брючиной, отцепила и выстрелила, не вытаскивая. Пуля вошла в колено профессора и, тот с криком упал. Его пистолет оказался далеко и, Стася бы успела сделать второй выстрел, но от неадекватности решила сначала вытащить его. И получила пинок в грудь, а Морис фору. Он потянулся за оружием. Стася схватила его за ногу и рванула на себя, не давая достать пистолет. Тот опять пнул ее, попытался вывернуться.

Сначала дело, — билось у нее в голове и не давало утонуть в боли и слабости. Умереть не проблема, но погибнуть так глупо и бездарно, почти взяв цель, почти получив «зеленку» замурованным во времени — позор!

Она с рыком навалилась на профессора, аккумулируя ярость, чтобы продержаться на плаву, выхватила нож. Куда она была, и получала ли сама — не соображала, ослепшая от боли и злости. "Сначала дело! «Зеленку» патруль!" — рычала не соображая.

Морис захрипел. Стася всадила ему нож в грудь и отпнула. Прислонилась спиной без сил к сундуку: минуту, всего минуту на передышку.

Нет этой минуты. В эти шестьдесят секунд ее отдыха возможно шестьдесят раз напали и убили застрявших в веках. Шестьдесят раз они попали в беду, возможно сейчас, истекая кровью как она ждут «зеленку» и надеются до последнего — их вытащат. А кровь уходит, а с ней жизнь.

Стася сцепила зубы и поднялась, нависла над сундуком разглядывая датчик. Отключила трамблеры, сняла установку рабочего ритма, выключила фон помех. Вроде все, но датчик по-прежнему мигал, значит, помехи продолжают идти, блокируют пси-поля.

Женщина застонала от бессилия. Шатаясь, шагнула к мертвому Морису, рухнула на колени и принялась ощупывать его карманы, надеясь найти код к деактивации, ключ, который и блокировал доступ к программе системы. Ничего, хоть вой.

Пара секунд на дыхательное упражнение, чтобы поставить мозг на место и принять верное решение.

Пластид. Взорвать нафиг стансер!

Хорошее решение. Одно «но» — пластида нет. Иван, черт!

Смысл тратить время на сетование?

Встала, вытащила прибор, выхватив его из сундука здоровой рукой и пошла к Ренату. Шла ли — не помнит. Ползла скорей, плавая в тумане. Стансер весил, казалось тонну и столько же пуля в плече, застрявшая недалеко от первой.

— Ренат! — увидела туманный силуэт бойца, дерущегося уже в коридоре.

Тот покосился, оценил, понял и, выхватив из кармана рукава пластину, кинул ей. Еще пара секунд, чтобы равномерно распределить массу по программной системе ключа. Три секунды, чтобы достать пистолет из-под брючины и две, чтобы уложить нападающих на Гоблина. Мужчина, тяжело дыша, прислонился к стене, зажимая проткнутый мечом неприятеля бок, Стася вовсе осела. Оба смотрели друг на друга, оценивая ранения, и оба понимали — потрепали их неслабо.

— Ерунда, — усмехнулся криво мужчина.

— Капсюль с детонатором, — прохрипела Стася.

— Выронил у арки, сходи.

Был бы разум Стаси ясным, она бы не поддалась на эту уловку, но в состоянии отупения смогла лишь сообразить, что с такой раной Гоблин не дойдет до арки, нужно самой. И поднялась, поползла, стараясь быстро добраться до выхода и найти потерянное. Свет впереди показался ослепительным, пришлось не меньше минуты потратить, чтобы привыкнуть к нему, начать поиски. Но, только добравшись до последней ступени и услышав грохот за спиной, Стася поняла, что искала свою жизнь, а цена ей жизнь Рената. Тот и не брал капсюль, забыл или действительно выронил — не суть. Он выстрелил в пластид, отсчитав нужное время с запасом, чтобы Стася смогла выбраться.

Женщина закричала от бессилия и отчаянья, в последнюю секунду сообразив, что к чему. Грохот обвала, взрывная волна оглушили ее. Стасю вынесло во двор и накрыло мелкими обломками.

Первое, что она увидела — голубой ровный свет на часах и мертвый маячок. Это значило одно — «зеленка» есть. Женщина перевернулась на спину, стряхивая с себя камни и, уставилась в небо: дорога чистая, вы свободны, ребята. Возвращайтесь домой.

Сил не было, тело она не чувствовала, но боль от потери Гоблина и радость от выполненного долга были четкими. Обычная, рутинная работа патруля, рядовое задание выполнено — остальное не имеет значения. Школьники вернутся домой, студенты напишут свои курсовые, ученые получают очередное доказательство, где-то во тьме временной ленты совершиться очередное чудо, запланированное для поддержания веры в лучшее у людей. И вера будет жить, и надежда питать, и все будет идти своим чередом, как должно быть. И каждый, выполняя свое дело, будет служить на благо общему делу, и абсолютно неважно, заметят ли другие, что сделал один, главное он выполнил, что должен был, что умеет лучше остальных.

— Стася!

Чья-то рука провела по ее щеке, стирая пыль. Женщина сфокусировалась:

— Иван... Ренат ноль.

Мужчина моргнул, внимательно оглядывая ее, стряхнул камни с ног и процедил, вызывая:

— База, база! Зеленый патруль! У меня три десятки и два ноля. Нужна помощь. Дайте коридор. База!... У меня нет времени на ожидания, у меня три десятки!... Вашу диспетчерскую маму!

— Кто? — спросила Стася, сообразив, что кроме нее еще есть раненные, а остальные убиты.

— Иштван. Две стрелы в ребра принял. Сван контужен, бедро в хлам.

— А как же?...

— Молчи, Стася, — приказал, цедя слова. Крутило Ивана — от группы трое осталось и

не факт что до коридора домой дотянут. Хуже нет командиру, единственному уцелеть. Лучше самому лечь, чем при таком раскладе выжить.

Мужчина поднял женщину на руки и понес прочь от завала, вниз по дворику, усыпанному мертвыми телами наемников. Усадил у стены рядом с Иштваном. Сван обеих плечом подпер.

— Привет, невеста, — хрюкнул Пеши, стараясь выглядеть бодрым, но белое как мел лицо и муть в глазах выдавали истинное состояние.

— Облом, графу, — прохрипела Стася в ответ, поддерживая тон. Хорошо, что команда с юмором дружит, без него вовсе лихо было бы.

— Коридор будет не раньше чем через полчаса, — сообщил Иван, распечатывая пакет с антисептиком и перевязочным пластырем. — Группы выводят.

— Мы подождем, — заверил Иштван.

— Не кипиши, капитан.

— Ага. Пейзажем полюбуемся, — прохрипела Стася. Федорович с тоской глянул на них, зубами снял колпачок со шприц-тюбика, всадил его в шею Пеши, вводя нано-суспензию.

Тот застонал:

— Полегче, командир.

— Молчи. Вы у меня выживите. Вы у меня еще побегаете.

— Легко, — заверила Стася, чтобы не огорчать Федоровича. Она почти не чувствовала боли, сознание плавало. Но какое это имело значение? Главное, они свою задачу выполнили, группы уже выводят из капкана времени. А патруль подождет, это нормально, правильно. И вернутся ли бойцы зеленого патруля — тоже частности и тоже правильно, нормально.

Иван вспорол ей рукав куртки, наложил пластырь, начал рвать второй пакет и третий, видя, что раневая поверхность слишком большая. Стася поплыла, начала сползать вниз. Иштван придержал ее, приободрившись после укола, но как можно удержать сознание рукой?

Стася открыла глаза — вечерело. Небо темнело и раскрасилось розовыми полосами заката.

— Третий час сидим, база!...Где? Вы там с ума посходили?! У меня три десятки! Тяжелые десятки! Мне не дотащить их в четырнадцатый квадрат! И здесь нужна группа зачистки!

Стася покосилась на Иштвана, сообразив, что лежит на его коленях.

— Ругается командир, — чуть улыбнулся он.

— Ерунда, — заверила.

— Когда?! — рыкнул капитан. — За три часа все группы можно вывести!... Хорошо, жду!.. Давайте, давайте, ребята!... По обмену?! Плевать! Хорошо!

И развернулся к товарищам:

— Нужно идти вниз. Здесь поле дестабилизировано, ближайшее внизу, на той точке, с которой замок брали. Группа зачистки прибует, мы отбудем. Чистый коридор только через час.

— Значит, пойдем по обмену, — заверили оба. Правда, плевать уже на все.

Сван молча поднялся, тяжело оперся на палку, что командир ему нашел и побрел покачиваясь вниз.

Иван помог подняться сначала Стасе, потом Иштвану и, обхватив обеих ручищами, повел вниз.

Они прибыли к месту, как раз к назначенному времени. Поле загудело, воздух загустел, образовалась воронка из зеленых всполохов. Из нее выпрыгивали бойцы с тяжелыми заплечными сумками — группа зачистки. Капитан Марков, высоченный беловолосый мужчина с обветренным, бронзовым лицом, глянул на потрепанный патруль и, подхватив теряющего сознание Иштвана, передал его одному из своих ребят. Крутанул ладонью, приказывая возвращаться и доставить раненного, хлопнул по руке Федоровича и шагнул на камни к замку, патруль же ушел в воронку.

Стася рухнула не устояв, прямо на плазменный пол бокса и тут же увидела перед носом бешено скакавшие цифры — свой нестабильный пульс и частоту дыхания. Иван осел рядом, прощупывая пульс Пеши: жив. Сван ресницами хлопал, но по виду соображал не больше Стаси.

— Терпите, братья.

Осталось продержаться пятнадцать минут, ни секундой больше, ни секундой меньше. Ровно столько идет идентификация, стерилизация и сканирование находящихся в боксе, как людей, так и предметов, стабилизация внешнего поля и адаптация организма. Только после полной проверки и нормализации полевых структур бокса, очистки от микроорганизмов прошлого, восстановления равновесия между внешним и внутренним давлением и уровнем пси-факторов, двери бокса откроются. И будет оказана помощь.

За вторыми стеклянными дверями, за боксом и коридором к выходу, уже были видны люди в зеленых медицинских костюмах. Патруль ждали.

Но как приняли, Стася уже не увидела, не поняла.

Глава 3

Два дня в лазарете стали для нее пыткой.

— Буянишь? — хмыкнул Иван, присаживаясь у постели.

— Вытащи меня отсюда, — взмолилась.

— Рано, Стася. На себя в зеркало глянь — зеленая.

— Наш цвет, — улыбнулась и пригрозила. — Не вытащишь — сбегу.

Федорович оглядел ее и вздохнул:

— Ладно, с тебя станется. Но неделю проведешь в постели!

— Смерти моей хочешь? — зашипела.

— Я найду, чем тебя занять.

— В постели?

— На щадящей работе!

— Ой, как заманчиво, — хитро улыбнулась.

— Ну, порезвись опять. Пошел выпрашивать тебя под домашний присмотр.

— Медбрата выпиши.

— Медсестрой обойдешься, — отмахнулся от шуточки, двигаясь из палаты.

Стася потеряла оптимизм и улыбку, прикрыла глаза: прав, конечно, врач, и Иван прав — рано ей вставать. Но с другой стороны, хуже нет лежать ничего не делая, время в пустую тратить. Ведь и отдыхая, в себя приходя, можно много успеть сделать. Да и восстановишься быстрее, если разлеживаться не будешь.

— Ждите, когда она вам здесь все разнесет! — донесся раздраженный голос капитана.

— Вы мне, зеленые, уже вот где стоите! — рявкнул доктор. — Один тут концерты устраивает, вторая!

Стася морщась, поднялась с постели.

— Под мою ответственность, доктор. Я прослежу, чтобы она соблюдала...

— Сиделка проследит! Забирайте и чтобы духу вашего здесь не было!

Знает Рыгов, что с патрулем связываться себе дороже обойдется, те не мытьем так катаньем своего добьются, упертые.

Влетел в палату и давай пальцем качать, наставляя — хоть так, что он сильнее и главное показывать:

— Но учтите, Станислава Дмитриевна, не будет соблюдаться щадящий режим, опять запру в палате, контролер в вену запущу! Вот вы мне где, зеленые, — рубанул воздух ладонью возле кадыка. Стася с самым уважительным видом кивнула: как скажите... выйти только дайте.

— И на перевязку каждый день! — постановил ткнув пальцем в сторону пола. — К двенадцати здесь быть!

— Так точно, — хмыкнул за нее Иван, притулившись возле дверей.

— О-оо! — взвыл Рыгов и вылетел вон.

— Не любят нас медики, — развел руками Федорович, а у самого взгляд хитрый, довольный.

— Ерунда, — отмахнулась Стася. Главное выпустили, остальное частности. — Иштван как?

— День, два и как ты барагозить начнет.

— Вытащишь.

— Нет. Пусть неделю хоть полежит, — посерьезнел.

Понятно — тяжелое ранение. Жаль. И ребят погибших тоже.

— Сван?

— Уже умчался. Прыгая сбежал из палаты два часа назад, — улыбнулся Федорович и посерьезнел. — Группу будем пополнять. Пока на постельном режиме, займешься укомплектовкой.

— Хоть сейчас. Одежду кинь.

Иван открыл встроенный шкаф и вытащил серо-зеленую майку и брюки.

— Помогу, — бросил одежду на постель, стянул осторожно больничную рубаху со Стаси. Женщину качнуло — плечо как свинцом налитое, не руки, не груди не чувствуются и боль тум-дум прямо в виски.

Ну, ее.

Выдвинула ящик тумбочки, сгребла здоровой рукой капсулы с обезболивающим, засыпала в рот.

— Сильна, — оценил Иван, сунул ей в руку бутылочку с чаем. — Запей гадость, а то самого с души переворачивает.

И скользнул взглядом по нагому торсу, но не красивую грудь оценивал — пластырь всю половину. Даже наклейки зеленого патруля на плече из-за нее не видно.

— Как вы подставились?

— Я — дура. Остальные — не знаю.

— Вот-вот, "не знаю", а знать должны. Оклемайтесь, из тренажерки у меня не вылезете, — насупись, помогая майку ей надеть, расправил на талии заботливо. — Красивая ты баба, Стася. Замуж тебя выдать, что ли?

— Сватайся, — согласилась милостиво, засовывая ноги в штанины.

— Старый, — улыбнулся.

— Тогда не говори ерунды.

— Ладно, скажу по делу. Раз ты больничную койку поменяла на свой кубрик, так сказать, фактически приступила к своим обязанностям, первое задание... Крестник твой бушует — утихомирь. Я его данные просмотрел. Казаков нам его прочит. Прощупай пацана, возможно, сработаемся.

— Да он нас порвет!

— Ну, а ты по-женски, ласково, с подходцами.

— Угу. Какими? Приемами по рукопашному бою?

— Ну, тебя, шутки закончились, это приказ.

— А-а... куртку кинь.

— Ботинки сначала застегни!

— Не могу!... Голова кружиться, когда нагибаюсь.

— Горе ты мое, — вздохнул, склоняясь. Застегнул ботинки. — У меня вопрос иногда возникает: я не на должности нянечки к вам приставлен? — нахмурился шутливо.

— Было и мы с тобой нянчились. Свои, сочтемся.

— Ладно, болтушка, пошли, — накинул куртку ей на плечи и, придерживая за талию, вывел из палаты.

— Так, что этот Чижов?

— Думает, что его свои же дурят. Обещает в зубы дать любому кто войдет, а как выйдет — по стенам размазать.

— Грозен, — улыбнулась Русанова.

— Ага, страаашно. Но! Так или иначе, а он уже четыре дня дуркует, пора парня к нам прикручивать, в ум вводить. По личностным и физическим данным он оптимально подходящий для службы в зеленом патруле субъект.

— Поэтому мне его вытащить было поручено? Заодно познакомиться?

— Это к полковнику, меня он в свои планы не посвящает. Просто выдал утром досье на парня и сказал, что он наш. А что к чему, можно только гадать.

— Можно погадать в архиве, — прищурилась хитро.

— А то ты одна умная, — хмыкнул Иван. — Уже, мать, сгадали. По данным Чижов

Николай Валерьевич погиб на задании, пал смертью храбрых в неравной схватке с превосходящим числом противником. Посмертно представлен к награде.

— Помню, Иштван тоже «покойником» был, и тоже буйным.

— Нормальное состояние перестройки психики. С «восьмерками» так всегда. Психотерапевты уже вынесли вердикт новенькому: устойчив к стрессам. Посему делаю свой вывод: парень специально бедлам устраивает, то ли выманивает кого, то ли как тапир, характер показывает, прежде чем решить свои мы или чужие. А вообще, по тестам и данным, я не против взять его в команду, но как он с нами сработается — тоже пока вопрос.

— Кто еще в кандидатах?

— Завтра познакомишься.

— Сурово. Не жалко больную неведением мучить?

— Твое дело сейчас с Чижевским контакт наладить, остальное работа других членов команды.

— За что честь?

— Ты его притащила, тебе и банковать.

— Я же не сама...

— Это понятно. Но ответственности не снимает.

Они вышли из медицинского сектора, прошли по перекрытию — мосту в южный отсек, скатились по перилам скоростного эскалатора и вломились в историографический центр. Вставили бирки в пазы идентификатора и были впущены в родную обитель научно-исследовательского центра.

— Третий этаж, — бросил Иван, входя в лифт.

— Он не в казарменном отсеке?

— Еще нет. В боксе для новеньких, слева от тренажерного зала статистов. Семнадцатая

комната.

— А кто в шестнадцатой, восемнадцатой?

— Больно ты любопытная, Стася. Как тебя от этого еще на курсантских харчах не отучили?

— Издержки пола.

Федорович глянул на нее насмешливо, качнул головой, чуть не стряхнув зеленый берет.

Патрульные вышли на этаже и свернули налево. Разблокировали дверь жетонами, прошли по тихому коридору и остановились у двери с номером семнадцать и маленьким окошечком

Дневальный вытянулся, отдавая честь капитану. Иван махнул ему рукой: вольно, и кивнул в сторону комнаты:

— Как он?

— Как все эти дни, товарищ капитан, дерзит и угрожает. Пищу выкидывает.

— Ясно. Мы войдем.

— Э-э-э, не советую, — покосился на Стасю. Та на Ивана:

— Я сама. Он меня видел, знает, и если есть вопросы и претензии, то прежде ко мне. Ты же его раздражать будешь.

— Поломать может, — нахмурился с сомнением мужчина.

— Он галантен, — заверила женщина, но уверена в том не была. Какая в принципе, галантность, если тебя вытащили из привычного мира и сунули Бог знает куда? Тут обыватель неизвестно что натворит. А спецназ в неадекватности вообще страшное дело, о вежливости в таком состоянии не слышал и не знал. Но не привыкать. Иштвана же уgomонила тогда? А он после бомбежки в Приштине вообще контужен был, и ничего, сообразил, привык. Теперь друзья водой не разольешь, авось и с Чижом подружится. Тут главное нормальные слова для объяснения подобрать, внятные. Сможет?

Ну, не в голову же ее ранили?

— Ладно, лейтенант, работайте. Я здесь, если что. И не зыркай на меня Стася, слаба ты еще с таким бугаем справиться. Не думаю, конечно, что он на женщину нападет, но вариант не исключаю.

— Зато точно знаешь, что нападет на мужчину, — усмехнулась. Иван хитро глянул на нее и неопределенно повел плечами. Ясно, прецеденты были, поэтому за ней Федорович и пришел, под этим соусом из лазарета вытянул. Иначе лежала бы еще Русанова, в потолок плевала и от скуки умирала. Ох, затейник!

Станислава смело шагнула в комнату. Нападения контактного она не ждала, а кидаться в нее нечем было — стерильность во всем двадцатиметровом периметре. Кроме открывающейся панели с постелью — ничего из мебели, а панель не отдерешь и в посетителя не кинешь.

— Привет, — улыбнулась дружески мужчине. Тот с минуту рассматривал ее сидя у стены, как особо опасную бактерию, словно раздумывал: сразу ее стерилизовать или в банк данных отправить на опознание или исследовать особо изощренным способом, препарировав каждую ворсинку. И вдруг вскочил, в два прыжка рядом оказался, схватил за края куртки и, приподняв, грохнул о стену, прижал на весу:

— Вот тебя, сука, я больше всех увидеть мечтал! — прошипел. Стася позеленела от боли и всерьез подумала, что сейчас в обморок упадет — поплыло перед глазами, замутило. Чиж немного смутился ее реакции, поставил женщину, схватку ослабил.

— Какие мы нежные, — проворчал, зло глазами блеснув. — Как хрянью заниматься ничего, а как за поступки свои отвечать так барышня кисейная!

Стася зубы сцепила, чтобы не застонать и все же скрипнула, не сдержалась — плечо, будто огнем залили, а потушить забыли. Перед глазами круги радужные поплыли.

Чиж вовсе руки отдернул, заподозрив, что девчонка не в себе. Та постояла, качаясь и, поползла по стене вниз, на силу подхватить успел. Куртка спала с плеч, оголяя пластырь через все плечо и часть грудины.

— Твою... Ты бы хоть сказала... Ты это, ну... Эй? — легонько потряс ее, положив ладонь на щеку. Жалко девочку. И вроде убил бы еще минуту назад, а сейчас идиотом и грубияном себя чувствует. Так кто же знал, что она ранена?!

— Т-с, — палец выставила, еще слабо соображая, где она, кто рядом. — Ваших родителей птиц... Откуда же столько галантности?

— Чего?! — бредит что ли?

Стася спиной и затылком к стене прислонилась, ноги вытянув: быстрее бы голова кружиться перестала, и усмехнулась, губы облизав:

— Вы всегда женщин на abordаж берете, доблестный воин? Не пытались менее экстремальным способом общаться?

Николай обиделся, только не понял — на себя или на нее. Уставился на женщину хмуро, сел рядом с ней у стены, чтобы если плохо опять посетительнице станет, успеть словить ее.

— Что помощь-то не оказали? — проворчал.

— Угу. Оказали. Еле вырвалась.

— А оно надо? Медиков не жалуешь?

Стася насмешливо посмотрела на него и подала здоровую руку:

— Лейтенант Русанова Станислава Дмитриевна. Можно просто Стася.

Мужчина подумал, челюстями подвигал и пожал руку почти нежно, удивляясь, что больше ни злости, ни ненависти к женщине не испытывает, наоборот, робость какую-то:

— Чиж. Остальное знаешь, — буркнул.

— Знаю.

— А я — нет. Ты кто? Я — где?

— Я лейтенант. Зеленый патруль, семерка Федоровича. Капитана Федоровича. Правда, — вздохнула. — Шестеркой стали. А сейчас и вовсе... — и зажмурилась: бабье полезло. В слабости и болезни ей всегда погибшие вспоминались или проваленные задания, и больно, обидно, жалко до слез становилось.

— Чего «вовсе»?

Стася опять вздохнула, посмотрела на мужчину: надолго ли к ним восьмерка? Приживется ли? Поймет?

— Четверо осталось. К нам пойдешь?

— К вам — куда? Что за патруль? Почему зеленый? Хотя цвет лица у тебя как раз.

— Наша работа тебе знакома. Мы обеспечиваем «зеленку» другим группам, чистую, открытую дорогу, домой возвращаем, вытаскиваем и прикрываем, если надо, помогаем трассерам...

— Стоп! Вы кто вообще? Инопланетяне? — и сморщился, сам не веря в то, что говорит. Стася фыркнула, засмеялась тихо.

— Не смей меня, товарищ боец! Люди мы обычные, как ты и твои товарищи, мама, папа, друзья. И не роботы, как видишь, — на плечо свое перетянутое покосилась.

— Тогда где я?

— Научно-исследовательский центр Геофизики Времени и Пространства под военно-юридическим патронатом. Знак бесконечности на кокардах видел? Академия Хронологии и Континуума.

— Это где? — вовсе запутался.

— Объединенная Федерация стран, планета Земля. Сибирь, три тысячи восемьсот двадцать второй год, двенадцатое июля... а может тринадцатое, у меня числа с докторами спутались, — на часы наручные глянула. — Нет, в норме — двенадцатое.

Чиж замер с открытым ртом. Что-то спросить надо, — понимал, но сознание кульбит сделало и все вопросы начисто вымело.

— Не веришь? Понять еще не можешь и принять, — поняла Стася. Потерла шею — душно что-то, дурнота и боль никак не отпускают. И надо было восьмерке ее об стену плечом грохнуть? Теперь хоть обратно в лазарет на милость Рыгова сдаваться. — Странно, правда? — глаза прикрыла — плыло перед ними, мелкими искрами вспыхивало. — Я когда

тебя переправляла, подумала еще, не в нашу ли группу тебя направят? Арбат погиб за три дня до того. Глупо. Трассеры выбраться не могли. Они трассы прокладывают, та еще работка, первопроходцы. Как правило, они и застревают во времени... Вытащили, «зеленка» уже была, а тут змея со спины на Арбата кинулась, в шею впиалась. Вместе с ней и приземлились. Арбат ее придавил, а сам... контроль бы не проходили, может и выжил бы... Глупо. Но такое на каждом шагу. Нормальная работа, обычная. У вас как? Погибни, а задание выполни и никто не думает: умрет или нет. Некогда и незачем. Главное сделать что надо, долг свой выполнить. У нас тоже самое... Когда сделаешь — на душе хорошо, вроде не зря ты живешь, не зря... И когда не один, а вдвоем возвращаешься — почти счастлив. А когда из шести четверо, или в боксе уже дома на твоих глазах из-за какой-то гадской твари неопознанного вида твой товарищ умирает... Мы не защищаем Родину, как вы, но у нас не менее благородная миссия, мы людей спасаем, науке помогаем, прогрессу, будущему. Видишь ли, будущее понятие гипотетическое, его каждый из нас делает из настоящего, а настоящее это миг, даже меньше. Что ты в этот миг подумал, каким себя, свое будущее нарисовал, то и получил. И чтобы светлое оно было, для всех хорошее, исследуют прошлое. Оно — главный источник будущего. История — книга перемен и предсказаний. Время — великое открытие, почти живое существо, чувствующее, думающее, принимающее или отвергающее тебя, других, идеи, открытия. Это программа, матрица на которой будущее базируется, а настоящее тот изолятор, который либо добро даст, либо отмену произведет. Как же проще тебе объяснить? — Стася говорила, лишь бы говорить, за слова цеплялась, логическую нить беседы выстраивая, и, вроде отступал дурман в голове. — Ну, давай тебя возьмем: жил ты по инерции, чужой — не своей. Учился, воевал. Долг выполнял. Здорово. Но как произошло, что ты в спецназ попал? Дядя толкнул, папа пристроил? Нет. Ты сам себя запрограммировал. Насмотрелся фильмов, проникся идеей крутых и благородных парней и по их шаблону начал строить свою жизнь. Шаблон не твой, а жизнь твоя. И то, что тебя в том ауле положить должны были — тоже твое. Наверняка сидел как-нибудь в курилке и вдруг подумал: а вот умру, что тогда будет? И представил, как геройски погибаешь в бою. Потом забыл о том, время дальше побежало, только как вода, уже с программой действий и всеми событиями тебя к аулу и славной геройской смерти подталкивая, как ты хотел. И неважно что ты не понимал, что сделал, важно, чтобы люди вообще понимали, что делают, о чем думают. Мысль материальна, она связана со временем и пространством. Некоторые идеи актуальны веками, некоторые же открытия веками не поняты и не приняты. Сложная система, за раз не объяснишь, но вкратце, просто звучит: " думай о хорошем" даже если очень, очень плохо, все равно думай только хорошее и планируй только положительное, а еще уважай время. Его не вернуть, потому что тебя того, тоже не вернуть, а ты был и свое клише во временном потоке оставил, и по нему могут пойти другие и придут в тот же аул. Ты погибнуть хотел. Надоело все, девушка бросила или еще что случилось, а вместе с тобой погибли бы твои товарищи. Всех бы вас там положили. И вроде ты не причем, а ведь именно ты виновник их гибели был бы... Вот так, товарищ Чижов Николай Валерьевич.

Мужчина молчал, обдумывая услышанное. Что-то складывалось и укладывалось, что-то отвергалось и возмущало, а что-то поражало, а в общем получалась пока сумятица из чувств и мыслей. Невеселых большей частью.

— Я больше не вернусь?

— Нет. Ты погиб.

— А ребята?

— Живы.

— Твоя работа? — покосился.

— Наша. Рутина. Не ты первый. Если есть выбор — выбирай жизнь. Если нет — смерть. А между собой и другими — выбирай других. И запомни — каждая секунда, это целый мир, это огромные возможности, которые ты либо используешь, либо бездарно потратишь. В нашей работе секунда стоит чужой жизни, а то и жизнью.

— Вы путешествуете во времени?

— Да.

— Где бываете?

— Куда кинут. Это не так увлекательно, как тебе кажется. Это очень тяжелая, кропотливая работа, не видная. У нас не кидаются на амбразуры, все круче и пошлее. И скучать нам некогда. Поработаешь, поймешь цену времени, а значит жизни, радоваться любой мелочи научишься, любую свою проблему ерундой считать начнешь. И правильно, нет ни бед, ни проблем, кроме тех, что мы себе планируем и придумываем. Все легче и тяжелей, проще и сложнее. Но это ты сам понять должен.

И шею опять потерла — жарко, душно.

— Тебе плохо?

— Да уж, помял ты меня, кавалер.

— Извини. Давай позову кого-нибудь.

— Сама.

А встать не может. И удивительно — как сил на разговор хватило?

Чиж, заметив, что женщина совсем плоха, вскочил, в дверь забарабанил.

Иван дверь открыл, кивнул подбородком: что надо? Мужчина на женщину покосился. Федорович глянул и подскочил к Стасе, подхватил на бок заваливающуюся.

— Ну, ты фрукт! — бросил зло бойцу.

— Да я вроде... — и смолк: что говорить?

— Нормально, — прошептала Стася.

— Вижу, — хмуро бросил Иван, на руки ее поднимая.

— Чиж не причем, — заверила.

— Так и подумал, — одарил мужчину неприязненным, подозрительным взглядом. И кивнул нехотя, видя что тот присмирел. — Давай вперед, поможешь.

Дневальный возмутиться хотел, но капитан отрезал:

— Он со мной.

— Товарищ капитан, не положено...

— Ты мне подиктуй!

Парень смолк, губы поджал, но перечить не стал. Открыл двери в соседний коридор, пропуская троицу. «Зеленые» все, как отмороженные, свяжись с ними — беды не оберешься.

Следующую дверь открыть было некому.

— Помоги, — попросил Федорович Чижа. — Жетон.

Николай взял жетон с груди капитана и, не снимая, благо цепочка достаточная, как резина эластичная, вставил в настенный сканер, предварительно оглядев. Память у него феноменальная, запоминается все быстро, вот и бирка мгновенно в память врезалась. Странная, пожалуй, можно Станиславе верить, из будущего. Материал не понятный — то ли

пластик, то ли металл какой-то, то ли вовсе — стекло. Плотная, твердая, прозрачная, на ощупь гладкая. На одной стороне голографический отпечаток пальца, фото лица, снимок сетчатки глаза в маленьком квадрате, личный номер, данные отдела, звание, фамилия, имя, отчество. На другой зеленый лабиринт. Но кроме жетона на цепочке еще капсула, похожая на пулю висела.

— Все прочитал? — глянул на него насмешливо капитан. Мужчина сделал вид, что не понял о чем он и по сторонам поглядывал — интересно. В холле, слева, бойцы в зеленых брюках и серо-зеленых майках в самый обычный настольный теннис играли, а справа лестница вниз, тоже самая обычная, и пальма в горшке, и мрамор отделки, и коридор, но на стене циферблат непонятный, и часы на руках бойцов, как с одной сборки, причем по спец заказу.

Еще одна дверь, длинный коридор с ответвлением вправо. В окна двор виден с деревьями, фонтанчиком, мраморными скамейками, автоматами кофе, но все это под крышей из стекла.

Капитан свернул налево и остановился у двери с номером шестнадцать.

— Ее жетон возьми, — приказал.

Чиж проделал уже знакомую манипуляцию, отложив в память несоответствие личных номеров. У капитана 9 — 1003145С, у женщины 6 — 2340078К. Интересно.

Дверь отъехала, впуская троицу в довольно аскетическое жилище: беговая дорожка у окна, столик, два стула, то ли лавка, то ли диван, прямоугольник на пол стены, похожий на экран, а за раздвинутой дверью виден санузел.

— Панель толкни, — сказал Федорович.

— Какую? — не понял мужчина.

— Эту, — кивнул на маленький прозрачный прямоугольник на голой стене у входа. Чиж, понятия не имея как его толкать, впечатал пятерню — сработало. Стена раскрылась, выбрасывая постель.

Иван положил Стасю, по щеке похлопал и бухнул кулаком по другой панели, рявкнул:

— Где сиделка?!

— Сейчас придет, — недовольно буркнул появившийся в маленьком экранчике мужчина. И опять панель прозрачная, под цвет окраски стен — голубоватая.

— "Сейчас", — проворчал Федорович, присаживаясь рядом с женщиной.

— Не буянь, все в норме, — проскрипела Стася. — Давайте вам пока чай сделаю.

— Я тебе сделаю! Лежи!

Подумал и встал. Нажал что-то на стене у столика и появилась стойка с чашками, самыми обычными, чайником тоже обычным, и дозаторами сахара, уже необычными. Сахар в них разноцветный: в одном зеленый, в другом коричневый, в третьем кремовый, в четвертом лимонный.

— Чай, кофе, морс, витаминный напиток? — спросил Иван, ставя чашки на стол. Ответа ждать не стал, разлил кипяток, указал на дозаторы. — Самообслуживание. Стася, тебе что?

— Чай с лимоном.

Капитан сыпнул из дозатора с лимонными гранулами, себе из того, что с коричневыми. Кофе запахло.

— Ты бы пояснил бойцу, нам все-таки работать вместе, — сказала Стася Ивану, видя любопытство и непонимание Николая.

— Сообразит, не дитя.

Он сообразил: сыпнул кремовых гранул — оказался классический черный чай.

— Во, сообразил. Если горячий — кнопку на чашке вниз — прохладней станет.

Чиж глянул — правда у ручки чашки круглая маленькая пуговка есть. Большим пальцем повел — дым от чая пропал. Мужчина осторожно хлебнул — теплый. До конца опустил кнопку — ледяной, вверх поднял — опять дым пошел — кипяток.

— Прикольно, — оценил, только сейчас начиная верить словам женщины. — Значит, я в три тысячи восемьсот двадцать втором году?

— Зачем ты ему год сказала? — уставился Федорович на Русанову.

— А что скрывать? Парень крепкий, истерить не стал бы.

— И не стану, — заверил тот. — Но уточнений и объяснений попрошу.

— В порядке практических занятий, — отрезал капитан.

— Суров, — хмыкнула Стася.

Чижов, чай попивая, на них поглядывал: странные военные, субординация нулевая, отношения панибратские. Может любовники, муж с женой, сестра с братом? Хотя последнее отмечается — не похожи.

— Бьюсь об заклад, наш новый товарищ сейчас думает, что за странные неуставные отношения между начальством и подчиненным.

— Он еще о жетонах думает: что за номерки на них, — хитро улыбнулся Иван, потягивая кофе. Николай юлить не стал, кивнул:

— Думаю.

— И к какому выводу пришел?

— Рано выводы делать.

— Хорошо, — оценил неторопливость мужчины капитан. — На счет номеров поясню. У меня девятка — мужчина, у Стаси — шесть — женщина. Есть еще восьмерка.

— Ни то, ни другое?

— Нет, восьмерка это ты — не местный, не из этого времени.

— А вы местные.

— Угу, — подтвердила Русанова. — Есть еще семерка — это временные жетоны,

пропуск не более чем на сутки. Обычно экскурсантам выдают.

— Студентам, — добавил Федорович. — Школьникам.

— А буковки?

— "Буковки"! — хохотнул Иван. — И это заметил. Ничего память, подойдешь. С — старший комсостав. К — командирский состав.

— Капитан — старший?

— Майоров у нас нет, упразднены, как подполковники. Наш непосредственный начальник полковник Казаков. У него есть зам — так и зовут: зам полковника патрульной службы. Ерихонкин. Но он больше за матчасть и спецобеспечение отвечает. Все просто и четко. К чему мудрить?

— Н-да?.. Может и правильно. Восьмерок много или мне одному «повезло»?

— Июль, — пожал плечами капитан. Чиж подождал более внятного объяснения и не дождался. Стася усмехнулась:

— Он все понял, командир.

— А что не понятного? Выпуск курсантов проходит в апреле, из потока в сто двадцать человек на службу в зеленом патруле годны от силы пятеро. И групп у нас пять. Вот и считай.

— Сложно, — признался Николай.

— Чудак человек. Патруль — пять групп, каждая — семь человек. Работа у нас непыльная, но нервная, условия суровые, спецы нужны далеко не узкой направленности, опять же, чтобы и с ребятами в группе сошлись, и что делают, соображали и по психо-физическим данным соответствовали. Короче, чтобы нервы и физическое здоровье железное было. Переходы частые, в такую жо... порой попадаешь, что чуть слабину дай — весь патруль ляжет.

— Ты в горы ходил? — спросила Стася.

— Нет.

— Но что такое связка у альпинистов знаешь?

— Знаю.

— Вот и мы идем в связке. Окажись одно звено в ней гнилым — задание провалить можно, то есть, до вершины не добраться, а это никак нельзя. Плюс, понятно, всю группу подведет, а это тоже худо. Да что объяснять? Пару переходов и сам все поймешь.

— С чего вы решили, что я подойду?

— Мы не решали. Дали приказ: взять восьмерку и данные, время, место. Все.

— И ты взяла.

— Угу.

— Что-то я понять не могу, приколы в чем. Ну, взяли вы меня, ну, поверил я, ладно, что в будущее попал, ну, даже допустим, работать с вами соглашусь, хотя все равно пока не понимаю что и зачем вы делаете. Но это частности на данном этапе. Другое неясно — зачем меня из прошлого в будущее тащить, обучать здесь? Где гарантия, что я не взбрыкну, как лошадь, не напорчу вам что-нибудь, вообще смогу что-то воспринять, чему-то научиться? Как вообще можно из одного времени в другое перетаскивать?

— Как из воды. Из ванны в озеро, из озера в море. Легко.

— И давно?

— Что?

— Вытаскиваете?

— Проект старый, век уже. А на счет остального: обучаемость у тебя высокая, да и учиться особо нечему, нового для тебя мало. Главное ты понять должен — это не война, потому что воевать не с кем. И твоя задача «зеленку» обеспечить, а не как можно больше людей или рептилий положить. Мы не против жизни идем, а за нее, не флаг на цитадели водружаем, а исследуем ее, охраняем. Понятно?

— Нет пока, — признался честно.

— Поймешь.

— Надеюсь.

В дверь стукнули. Стася нажала панель и в комнату вошла молодая женщина в зеленом костюме. Глянула на мужчин и кивнула на выход:

— До свидания.

— Здравствуйте, Зоя Николаевна! — отвесил ей назидательно-насмешливый поклон капитан и, брякнув чашку на стол, пошел на выход. — Не скучай, вечером загляну, — бросил Стасе.

И вышел, Чиж за ним, оглядев новоявленную: строга и неприступна. Не женщина — танкер.

— Пойдем жетон получать и знакомиться с местом обитания, ребятами, — сказал Федорович. Чиж не понял приказ это или предложение и несколько терялся от непонимания, как себя вести со старшим по званию?

— Не тушуйся ты, — махнул тот ладонью. — Мы «зеленые», у нас все не так, как в других подразделениях. А почему, объяснять долго. Ну, представь, попали мы на Ватерлоо или в гущу Мантинейской битвы, неслабо подрались, спины друг другу прикрывали, одно задание выполняя, хлебнули выше головы, вернулись. Что мне после рявкать и к ноге вас как собак ставить? Главное не забывайся, а остальное чушь. Короче слушай расклад: мы — патруль, нас пять групп. Зеленый лабиринт на жетоне. За нами идут четыре группы зачистки — ну, это тоже крутые ребята. Лабиринт синий. Три группы статисты — голубой лабиринт и самые отчаянные — трассеры. Две группы, оранжевый лабиринт. Запомнил? Запомнил. Теперь по цвету жетона ориентироваться сможешь.

— Трассеры, зачистка — кто это?

— В двух словах: трассеры прокладывают трассы во времени, зачистка — уборка, если наследили. Погиб кто или, например, оставил монтировку в мезозое.

— Или пулю в лобной кости мамонта, — улыбнулся Чижов.

— Во, — кивнул Федорович. — Плохая работа группы зачистки. На этот случай, кстати, до сих пор им кивают. Только ребята не причем, история старая, еще первых подразделений, тогда сдуру лучивики применяли, это потом их из-за таких проколов вообще отменили. И правильно, а то следили много, убирать не успевали. Пулевые отверстия еще рубцуются, а ожоговые, после лучевиков — нет. Да и опасные штуки. Кому в руки попадут — вопрос, вот и убрали вообще из вооружения центра. Потом уже расширились, сбоев меньше стало, порядка больше. Но, да, все с опытом приходит.

Капитан провел новенького по этажу, поднял на лифте выше и первое, что сделал, выйдя из кабинки, взял из ниши рядом с ней пластиковый лист. Сунул его мужчине:

— План здания. Ознакомься на досуге.

— А если сбежать захочу, — качнул пластиком Чиж.

— Куда? Зачем? Из здания? Пожалуйста. Из подразделения? Вперед. Только без дела со скуки не засохнешь?

— Обратно, к себе.

— Не получится. Ты восьмерка, то есть, в своем времени уже погиб. Больше тридцати одного дня проведенных во времена до твоей «гибели» грозят тебе эффектом Плацева.

— Конкретней можно?

— Можно: мумификация.

Чиж присвистнул.

— Быстро?

— От двух месяцев до года. В зависимости от удаленности от времени гибели. Чем дальше, тем быстрее.

— Это только восьмерок касается или вас тоже.

— Нас тоже, но иначе. Обратный эффект и длительный. Мы не стареем в толще веков, а молодеем.

— Это почему так?

— К нашим ученым обратись. Я в своем деле мастер.

— Но...

— Вопросов у тебя, гора и маленький горный хребет, — глянул на него с укором Иван.
— Постепенно инфу набирать не пытался? Каша в голове не беспокоит?

— Нет каши.

— Да? — окинул его подозрительным взглядом. — А что есть? Недоверие? Хорошо. В начале проекта наши основали базу в районе палеозоя. Удобно. Но через пять лет стало ясно, что девяносто процентов первопоселенцев помолодели на десять лет минимум. Мужчины перестали бриться, женщины отметили уменьшение грудных желез. Дальше, больше. Вернулись подростки с мозгами и уровнем развития состоявшихся личностей. Дома нагнали свой возраст почти мгновенно. Что к чему, изучают до сих пор. Выдвинули теорию зеркального эффекта, связанного с равноудаленностью от нуля: если родился в три тысячи восемьсот двадцатом году, то и гулять можешь от минус это число, до плюс, а вот в три тысячи восемьсот двадцать первый год до нашей эры уже ни-ни. Начинает эффект Плацева действовать. Это один из проектов исследования влияния времени и пространства на живой организм. Этих проектов у них на миллион лет вперед и назад, так что не скучают и нам не дают.

— Интересно.

— Очень, — заверил, но в голосе нотка сарказма проскользнула.

— Вы не согласны?

— Года через два-три у тебя особого интереса и удивления ничего уже не вызовет. Рутинка это все.

Свернул в какой раз налево и толкнул дверь в небольшой коридорчик, а за ним огромное помещение — спортивное поле.

— Слева бассейн, справа тренажерный зал, прямо вход на стрельбы. Наша раздевалка по лестнице вверх. Видишь? С зеленым лабиринтом на дверях.

И подтолкнул Чижова к дверям справа. Там еще один коридорчик и холл с широкой лестницей вниз:

— Там столовая, досуговый центр.

— По деньгам как?

— По чему?... А-а, дензнаки. У тебя будет жетон. Ты на полном обеспечении федерации, патрульный. Полном.

Неплохо, — оценил Николай.

Еще один коридор, другой. Одна дверь была приоткрыта и слышался голос. Мужчина притормозил, прислушиваясь, о чем там речь.

— ...при потере потенциала осциллирование в живой системе прекращается осциллятор сворачивается в тор, а живая система начинает быстро стареть и умирает...

"Это не о том ли, что мне капитан говорил?" — подумал Николай и обратился к Ивану:

— Извините, товарищ капитан, это что? Лаборатория времени, да?

— Лекционная для старших классов.

И видя как ухо Чижа тянется к аудитории, хмыкнул:

— Понял. Не хватает вводного материала по квантовой физике и торсионным полям. Хорошо, просвещайтесь, рядовой. Только никуда не уходи! — палец выставил. — Мне еще тебе твою комнату надо показать и место прибытия завтра.

— Не уйду, — заверил тот, мысленно уже нырнув на лекцию.

Иван взял «пулю» у своего жетона и, надавив на основание, выпустил луч света прямо в глаза мужчины. Тот отпрянул поморщившись.

— Все, свободен, — подтолкнул его Иван к лекционной. — Слушай дядю... заглянул, кто там преподает. — Чеснокова! — хлопнул по плечу, вталкивая Чижа в помещение.

А сам пошел ему за жетоном. Снимок радужки и физиономии при нем, отпечатков большого пальца выше головы во всех документах — что еще надо? Действительно, зачем парня за ерундой гонять — пусть делом занимается, уровень своих знаний повышает.

Но присмотреть за ним надо. Мало ли, новенький все-таки, восьмерка.

Нажал на наушник и на капсюль:

— Сван? Я тебе файлы с видом нашего нового напарника выслал, он сейчас в пятой аудитории лекцию Чеснокова слушает. Присмотри.

Вечером Сван пришел с визитом вежливости к Стасе, фруктов принес. Сел, больную ногу на соседний стул положив, начал чистить женщине апельсин и рассказывать:

— Прикинь, сестренка, новенький всерьез слушал про фотоны, торсионные поля, квазары, теорию относительности и квадратуры мировых констант. У меня уши повяли через пять минут, а ему хоть бы что. Говорю: "пацан, ты жив? Понял что-нибудь?" А тот мне: " все понял, братка — мир вокруг абсолютен, но для себя лично относителен, как мы для него относительны, но для себя абсолютны. А каждое абсолютное, относительно внутри". Во, выдал!

— А как он вообще? Что думаешь, сработаемся? — оторвалась от персика Стася.

— Да-аа... кто его знает, вроде ничего пацан. Но это в деле смотреть надо.

— Дел у нас в ближайшие две недели не предвидется. Нас не выпустят пока в норму не придем, и новеньких в карантине как раз две недели продержат.

— Это да, — согласился. Кинул женщине очищенный апельсин. Себе чистить стал.

— Кто еще в пополнении, знаешь?

— Один молодой совсем, видел сегодня. В прививочный Чижа отводил и этого встретил. На жетоне наша группа.

— Восьмерка?

— Нет, девятка. Аким зовут.

— Познакомились?

— Нет. Завтра встреча века в тренажерном зале. Там весь состав и увидим. Кстати, ты как? Слышал, ахово? Чего так? Вроде спаяли, слатали, что не получилось?

— Кто ж их знает? У медиков как у физиков спрашивать — терминологией замучают, голову задурят.

— Снова тканевой синтез делали?

— Хуже — контроллер стабилизатор впрыснули. Ладно отпустили.

— Уже плюс, — согласился. — Тебе витаминный напиток в постель или ну его?

— Ну его, — отмахнулась — апельсина хватит.

В дверь деликатно постучали. Сван уже коснувшийся зубами сочной мякоти, замер, вопросительно на Стасю уставившись. Та неопределенную мордочку скорчила, на панель нажала, открывая дверь.

В комнату робко прошел Чиж с двумя пакетами наперевес. В одном апельсины, в другом персики. Стася хмыкнула — цитрусово-персиковая диета никак у нее наметилась.

— Привет. Я это... — замялся. — Вот, — выставил пакеты. — Извиниться, короче.

— Принято, — усмехнулся Сван. Мужчина глянул на него и смутился:

— Я не вовремя.

— Не-а. Мы обычно к полуночи только собираемся, а сейчас девять, — улыбнулась Стася. — Да, проходи ты! Нечего порог оббивать. Свана ты уже знаешь... и апельсины лишними не бывают.

Мужчина хохотнул, пряча хитрый взгляд, Чиж на стол фрукты бухнул, чувствуя неловкость и от своего присутствия и от презента не в лузу — фруктами весь стол забит был. Гора шкурок возле Сван намекала, что близка аллергия на цитрусы.

— Не угадал я.

— Не парься. Садись. Под кофе самое то пойдут. Стаське столько не съесть, будем вдвоем давиться.

— Я ненадолго.

— Хорошо ломаться, здесь все свои и приходят друг к другу запросто. Не тушуйся, брат.

— Как прививки? — спросила женщина, переключая мужчин на другую тему.

— Нормально, — пожал плечами Николай, усаживаясь.

— Рука не отвалилась? — прищурилась хитро.

— Ну-у... есть такое, — улыбнулся.

В дверь опять стукнули, на этот раз с душой — ботинком.

— У тебя видно сегодня день посещений, — засмеялся Сван.

— Если с апельсинами — буду ругаться, — заявила, нажав панель. Дверь открылась и в комнату ввалился Иван с увесистым пакетом слив в сахаре и... цитрусами.

— О-о-о! — закатила глаза Стася. Мужчины засмеялись.

— Чего? — не понял Иван. Пакет на стол плюхнул, отодвинув корки. Апельсин взял, чистить начал. — Общий сбор что ли? Раз так, я вовремя. Объявляю: группа укомплектована.

— Ура, — без энтузиазма бросила женщина.

— Вот именно. Иштвана через сутки на общий режим переводят, а из-за тебя, мать, мне целый бой с Рыговым принять пришлось. Ты, о какие косяки плечом билась?

Чиж приуныл, голову склонил, чувствуя себя виновным. Сван прищурился, приметив его пришибленный вид. Дольку в рот сунул, пожевал, на Стасю покосился — та лежала, спокойно на капитана поглядывала.

— В сортир не вошла, — усмехнулась.

— Это я виноват, — признался Николай.

— Молодца, — оценил Сван и получил недоуменный взгляд Федоровича и Чигова.

— Я в смысле, что признался. Сработаемся, — кивнул. Иван руки в бока упер:

— Так и думал, что ты ее помял.

— Я не хотел.

— Давайте тему сменим? — бросила Стася. Иван лишь отмахнулся.

— Короче, напарник, нас семеро всего и каждый... Каждый! — палец выставил. — Друг, брат, ты сам. У нас все просто: один за семерых, семеро за одного. А уж сестренку обижать...

— Да понял я! — руки выставил. — Что мне теперь, харакири себе сделать?

— Ладно, — сменил гнев на милость Иван, видя искреннее огорчение Николая. На стул бухнулся, очищенный апельсин Стасе кинул. Та словила его и глаза закатила — четвертый!

— А можно я...

— Кушай! — отрезал и давай себе чистить, рассказывая. — Новеньких еще двое. Девятки. Аким Шалович. Двенадцатое подразделение охраны внешнего периметра. Перевели к нам по собственному желанию. Говорит, три рапорта писал — не брали и вот, добился. Второй — Ян Падавичус. Только академию закончил. Распределен в отдел космографии, хотя просился к нам. Короче, взяли.

— Молодняк, — недовольно проворчал Сван.

— Чиж тоже молодой.

— Чиж свой, — заметила Стася, с тоской разглядывая апельсин. — У него двадцать боевых за спиной, а у этих сколько? Натаскивать замучаемся.

— Я замучаюсь. Ваше дело, други мои, себя в норму привести. Две недели мы на приколе, а потом опять в строй. Успеешь Стася? Или опять косяки сшибать начнешь?

— Не начну. Буду максимально осторожна. Кстати, выпиши мне на завтра пропуск в архив.

— Зачем?

— Так. Все равно больше никуда нельзя, а лежать я не смогу.

— Мутишь ты.

— Нет, серьезно.

— Фильмы посмотри, с Чижом вон позанимайся, разъясни, что не понял... раз уже у вас тесный контакт произошел.

Стася не сдержалась, кинула апельсин в спину капитана. Тот обернулся успел, поймал и обратно отправил:

— Не балуйся, а кушай.

Николай головой мотнул, слабо веря своим ушам и глазам. Странные отношения. Неплохие, даже очень хорошие, а все же непривычные. И приятно, что тебя сразу безоговорочно, даже не глядя на косяк со Стасей, за своего приняли, и неудобно — не знает ведь еще никого, чтобы тем же ответить. И грустно, что вернуться нельзя домой к своим, и заноза в сердце оттого, что не сильно и хочется возвращаться.

А еще Станислава. Загадочная женщина, интересная — притягивает.

— Стася — Чижа на себя берешь. Он твой подопечный. Сван — тебе Аким. Я с Яном поработаю.

— А в архив? — спросила Стася.

— Лейтенант, приказ ясен?

— Ясен, — губы поджала, в плод вгрызлась и от упрямства все же буркнула. — Пока он в тренажерном зале вместе с вами будет, я вполне приятно проведу время в архиве.

Сван хохотнул, лукаво глянув на мужчин: добровольцы с женщиной связаться и переспорить есть? Их не было.

— Ладно, — нехотя согласился Федорович. — Заодно просветишь Чижа в истории. Вводную в социально экономическое, климатическое, военно-стратегическое положение дел сделаешь.

— Сделаю.

А что спорить? Своего она добилась.

— Что за архив? — любопытствовал Николай.

— Про тростниковую библиотеку слышал?

— Нет.

— Тогда, как объяснять?

— Пропуск ему выпиши, пусть после занятий к Стасе присоединится и на месте все поймет, — посоветовал Сван.

— Задание ясно, рядовой?

— Вообще-то я сержантом был, — сказал Чиж.

— Был. Здесь пока рядовой. Практикант.

Разницы меж рядовым и капитаном Николай пока не усматривал и безразлично плечами пожал: как скажите.

— Комната понравилась? Обжился? — спросил его Сван.

— Да. Здесь у всех индивидуальные помещения?

— Конечно. После задания порой никого видеть не хочется... Как после последнего, — буркнул, отворачиваясь. Тихо стало. Капитан шкурку от апельсина мял, Сван стену разглядывал, Стася потолок и каждый о погибших Хакиме и Гоблине думал.

— Тяжелое задание было? — тихо спросил Чиж, подозревая, что потери были. О них прямо не спрашивают, подло в открытых ранах ковырять.

— Обычное, — бросила Стася, села. — Сок налей, пожалуйста.

— Есть такой приборчик — стансер. Когда готовишь «зеленку» спираль торсионного поля выстраиваешь в линию по горизонтали. Они пересекаются с другими, давая возможность выйти группам из параллели за зеро. Образуется сеть со взаимосвязанными ячейками. То есть, выводишь одну группу, вторая уходит автоматом и остальным проще «зеленку» получить, то есть как пришли, так и уйти. Дорога прямая, свободная, диспетчер обеспечивает переход. А стансер этот спираль вертикально ставит, а то и амплитудой, и обособляет. Пересечений нет, выхода тоже, значит, нет связи с другими, и открытые трассы превращаются в закрытые, а чистая дорога становится опасной, потому что неизвестно куда выведет — диспетчер проконтролировать не сможет. Куда эта «труба» выведет ХЗ, как Хаким говорил. Ну, один умник стансер свистнул и в средневековые рванул. Помехи будь здоров, а во времени пятнадцать групп висят, домой вернуться не могут. И не смогут пока стансер не деактивировать, а «умник», понятно, делать это не собирается, себя спасает, чтобы не нашли значит. Короче, нужно было его найти, деактивировать, всех без санкции покинувших наше время вернуть откуда росли, обеспечить «зеленку» застрявшим группам.

Чиж, внимательно слушая Вадима, налил Стасе сок, подал и сел рядом на постель, даже не подумав — рассказ ум занимал. Понять Николай не мог — что обычного в задании и что тяжелого, в чем криминал и как такое происходит. Не складывалось у него пока.

— Не грузи его Сван, — сказала Русанова. — Пока с нами не сходит, все равно не поймет.

— Тоже верно.

— Нет, я пытаюсь понять, но, честно говоря, слабо получается. Во времени застрять очень плохо?

— Опасно. Представь, ты оказался на Каталунских полях в самой гуще сражения. Тебе

каждая секунда веком покажется, счет на доли секунды пойдет. А ты выбраться не можешь — нет «зеленки» и все. Или ты от тираннозавра по полю бежишь, а мы в это время кофе пьем, вместо того, чтобы тебя вытащить.

— Ты, ладно, обученный, выдюжишь, выживешь, хотя тоже не факт. А представь школьников или студентов. Вот им точно «весело». Особенно их проводникам.

— И детей пускают? — удивился.

— Школьная программа. Экскурсионные рейды. У студентов курсовые, зачеты, ознакомительные лекции. Это не считая выхода рабочих групп, лаборантов за пробой грунта или эксклюзивной мошкой.

— А параллельные миры?

— О! — с уважением глянул на него капитан.

— А ты продвинул, — оценил Сван. — Правильно, есть такое. И шанс залететь туда очень большой, поэтому сначала путь прокладывают трассеры, чтобы накладок не вышло. Примыкание полей параллелей очень сильное, чуть ошибись и попадаешь в нужное время и место, но в другое поле, примыкающего в тот момент к твоему миру. Поэтому и обеспечивают «зеленку» чтобы сюрпризов не было. Туда как в черную дыру попасть легко, выбраться фактически невозможно. Шансов один к ста. Пропадают наглухо.

— Было такое?

— И сейчас бывает, — кивнул капитан.

— Оттуда тоже вытаскиваете?

— Мы патруль, наша обязанность обеспечить безопасность сёрферов в любом направлении. Залетят в параллель, пойдем за ними.

— Действительно, «весело». Сёрферы это те, кто по времени ходит?

— Угу, — хлебнула чая Стася.

— Как это вообще происходит?

— Ты лекцию слушал?

— Слушал.

— Что понял?

— Что теория относительности Эйнштейна и Минковского сугубо относительна, а фотоновые излучения и перемещения — палеозой.

— Четко, — кивнул Иван.

— Точно. В основу перемещений легла древняя теория волновых фотоновых вспышек и их изменение и перемещение в пространственно-временной субстанции квазарных полей. Но фотоны, что солнечные блики — всего лишь отражение. А есть тахионы — сверхсветовые частицы, обладающие массой покоя и пси-частотным сохранением информационного поля. Тахионы двигаются с той же скоростью, что и пси-частицы. Одни сохраняют информацию и переносят за доли мгновения на любое самое немисленное временно- пространственное расстояние, и как следствие, сохраняют память объекта перемещения, связь налаживают меж точками, образуя устойчивые поля при объединении с тахионами. Последние сохраняют тело в полном структурном состоянии на ДНК — молекулярном уровне. То есть, тебя как солнечный зайчик не размывает и не искривляет при переходе.

— Хм, — попытался сообразить, о чем толкует Русанова, но понял лишь, что наука шагнула, не просто далеко, а за горизонт. — В будущее тоже переместиться можно?

— Следствие не может опередить причину.

— В смысле — нельзя?

— Будущее строят из прошлого, — сказал капитан.

— Из настоящего, — поправила Стася.

— В этом мы с ней расходимся, — улыбнулся Иван. — Я до сих пор не понимаю, что такое «настоящее». Оно есть, но его нет. А она уверена, что именно в иллюзорной границе между «прошлым» и «будущем» лежит разгадка всего сущего и насущего, строения судьбы, будущего.

— Оружие хоть выдают при перемещениях? — не стал развивать тему базиса будущего Чиж, чтобы не позориться своими знаниями, как в физике так и в философии. Утрет ведь нос играючи, сравниют с полом, а он и так себя школьником с умственным отклонением чувствует.

— Естественно, — кивнул Федорович. — Но зря палить из него не советую. Пули особые. Время испарения два часа, так что следов не остается, но характерные дыры в костях не залатаешь. С оружием и аппаратурой тебя Стася завтра ознакомит. Программа обучения напряженная, так что готовься, не на блины с медом тебя пригласили.

— Это я понял.

— Потому и согласился, — улыбнулся с пониманием Сван.

— Интересно.

— Еще как, — рассмеялась женщина.

— И главное, ничего нового для тебя. Умри, а долг выполни, — широко улыбнулся Сван. Капитан насмешливо глянул на задумавшегося Чижа:

— Гони печаль, спецназ, мы боевиков не отстреливаем, но наша задача от этого менее значимой не становится, а работа менее благородной.

— Красиво спел, правда? — улыбнулась Стася, лукаво щурясь на Николая. Тот невольно улыбнулся в ответ:

— Нескучно с вами будет.

— О-о! Это мы тебе гарантируем! — засмеялись уже все.

Глава 4

После посиделок до полуночи, Чиж до утра почти заснуть не мог — переваривал приключившееся с ним и то, что услышал. К тому же, с непривычки спалось на новом месте плохо, крутило. Только заснул — в ухо зуммер панели ударил. Мужчину подкинуло, но что делать спросонья сообразил не сразу — наслаждался противным нудным пищанием, прежде чем на панель нажал.

— Долго спишь, — заявила Стася, входя. — Семь. В семь тридцать завтрак, в восемь начало занятий.

Чиж с минуту ресницами хлопал, поглядывая на нее — в толк взять не мог: снится она ему или нет. И понял — нет. Покраснел, простыней бедра прикрыл. Женщина фыркнула:

— Фасон ваших армейских трусиков меня не соблазняет, не переживайте рядовой... Подъем!! — гаркнула, чтобы остатки сна с мужчины стряхнуть и ерунду из головы вымести. Николай вскочил, рванул в сортир, по дороге схватив одежду.

А ничего бегают, — хмыкнула Стася, оглядывая комнату: стандартное жилище. И сразу ясно — мужское холостяцкое. Полученные комплекты формы не убраны в шкаф — на стул скиданы. Ботинки посреди комнаты стоят.

— Нормально.

В столовой все как всегда: шуточки, смех. Пока блюда выбирали, Стасю раз десять с женихом поздравили, раз двадцать, откуда восьмерка вестимо спросили и столько же советов дали, что с ним делать. Чижа подколоть спешили, проверяли на раздражимость. Но тот молодец, не реагировал — щерился и насмешливо поглядывал на юмористов. А потом свой и Стасин поднос подхватил.

— У вас здесь почти ничем от нашего времени обстановка не отличается, — сказал, за стол усаживаясь.

— А ты думал изменения касаются всех аспектов жизни? Зачем, к примеру, чашку новую изобретать, если можно всего лишь довести изобретенное до совершенства, увеличив ее эргономичность.

— Резонно, — согласился. Оглядел зал и не нашел Свана и Федорович.

— Они в соседнем зале, — поняла, кого выглядывает Чиж Стася. — Там под завязку патрульных, здесь позавтракаем.

Без проблем, — запихнул в рот ложку каши. Вкусно.

— Если добавки захочу?

— В любой момент приходишь и берешь что хочешь.

— Почти коммунизм.

— Почти. Кушай и я тебе твой шкафчик покажу, с амуницией ознакомлю. Потом ты в спортзал на тренировку, а я в архив. Отзанимаешься — подойдешь.

— Не знаю, где архив.

— Сван проводит. В крайнем случае сам сообразишь, как добраться. Считай тебе первое занятие.

Мужчина кивнул: тоже не проблема. Пластиковые карты есть. Разберется.

И дальше жует, по сторонам поглядывает. Интересно. Контингент — просто цвет нации — здоровяки, как на подбор. И женщины не единичны.

— Много женщин служит?

— В каждой группе патруля по одной.

— Зачем? Опасно.

— Удобно. Где мужчина не пройдет, женщина проскользнет. Нужно что узнать — ей быстрее выболтают.

Чиж нахмурился, помрачнев. Послышалось ему пошлое, грязное во фразе и неприятно стало. Все так хорошо было, чисто, правильно, а тут...

— Ты что подумал? — выгнула бровь Стася, углядев изменения во взгляде Николая.

— А что должен был?

— Не знаю, поэтому и спрашиваю.

— Двусмысленно прозвучало: женщине быстрее выболтают, где угодно проскользнет.

— И какая тебе двусмысленность слышалась?

— Так, — замялся.

— Нет уж, говори, интересно даже — что можно во вполне определенно сказанном усмотреть.

— Обидеть не хочу.

— Мне пытаться тебя, что ли?

— Не надо, — чай хлебнул, обдумывая как бы корректно тему преподнести. Выдал. — На торговлю телом за информацию похоже.

Стася рот открыла, ошарашенная тем, что ему в голову пришло и засмеялась:

— Ой, нравы у вас! Сколько восьмерок вытаскивала — первый раз такое слышала! Чиж, брат, — качнулась к нему. — У нас даже определения нет "телом торговать". Больше ничего говорить не стану, но предупрежу: если кто поймет, что ты имел ввиду, услышит — в ум введут больно, если не женщина — ребята. По этому ты свои скорбные фантазии при себе оставляй, хорошо?

Мужчина стушевался, пожал плечами. Уткнулся в тарелку и буркнул:

— Извини.

Бог их знает, как и что у них. Вот так и попадаешь впросак, в какой раз, идиотом и хамом себя чувствуешь.

— Ерунда, — отмахнулась Русанова и не сдержалась, опять засмеялась — нет, ну придет же в голову такое! Зачем отдаваться за информацию? Почему «торговать»? К чему и что вообще?

Чиж же задумался: вопрос образовался. Конечно, лучше его при себе придержать, но с другой стороны тема подходящая и когда вновь возникнет неизвестно.

— А если... ты мне понравилась? — уставился на Стасю в упор.

— И ты мне понравился, — плечами пожала. Взгляд безмятежный, словно не поняла намека. Или действительно, не поняла?

— Я имею ввиду, как женщина, — чуть охрип от смелости.

— Ах, вот ты о чем, — протянула посерьезнев. — Мужское начало играет?

— Нет. Ты не поняла, — хлопнул чашку на поднос. — Я в плане... можно ли тебя на свидание пригласить или... ну, не знаю, как у вас здесь в плане ухаживания.

— Хорошо, — заверила. — Слышал о взаимоуважении? Вот на этой основе не зависимо от пола, статуса, возраста. Ясно?

— Нет. На счет свидания.

— Уже видимся, — фыркнула. — Если чисто женщину хочешь, пожалуйста, знакомься, договаривайся. А вообще, я не в курсе как вы там — с братьями поговори, они тебя лучше просветят... Но телом у нас не торгуют, — засмеялась: забавная фраза. — Да и денег нет. Зачем они?...

Чиж себя неуютно почувствовал, мало — оплеванным. Поднялся, спеша тему закрыть, понимая, что либо он дурак, либо Стася наив. А может специально издевается. Тоже — поделом. Нечего со своим уставом в чужой монастырь и с ходу в гусара играть.

Но черт бы все побрал — нравится ему Станислава! А после этого неприятного разговора — еще больше.

Стася привела его в огромное помещение с отсеками, открыла дверь с зеленым лабиринтом. Два ряда мягких сидений и панели с номерами по стенам — все, что в нем было.

— Запоминай: у нас пятая группа.

Николай отметил, что панели прямо по курсу были с цифрой пять.

— Номер первый всегда командир. Я — шестая, связист — теперь Ян — седьмой. Иштван — второй, Сван — третий, значит ты?

— Четвертый или пятый. Наверное, все же четвертый.

— Молодец, с логикой дружишь. Твой шкаф пять дробь четыре. Открывай.

— Жетоном?

— Можно большим пальцем руки. На зеленый квадрат надави.

Чиж так и сделал — перед ним открылась ниша, в которую он весь мог войти, хотя полочки, отделы были забиты всякими непонятными ему вещами и предметами.

— Костюм, — зевнула Стася. — Извини.

Мужчина вытащил кожаную куртку и брюки.

— Спец состав кожи, особо прочная пленка с антибактерицидным покрытием. От пуль секир и спат не спасает, но от насекомых, гадов, укусов грызунов и хищников легко, и от бактерий с вирусами — стопроцентная защита. Холод не пропускает, внутри система поглощения тепла — то есть, изжариться ты в нем тоже не сможешь. На рукаве эмблема с ультрочастотным излучателем. Это для своих опознавательный знак. Не увидят, так услышат. Случись что, по костюму тебя в любой точке найдут. Хрономер, — вытащила наручные часы на широком браслете с множеством выступающих кнопок по бокам и голубоватым, светящимся циферблатом. — Можешь надеть и не снимать. Называем часы, но это и компас, причем определения не только направления сторон света, но времени прибытия, географического положения, пространственной области, таймер отсчета времени от «зеленки» до «зеленки», программа фотонных импульсных излучений, связь с диспетчерской службой и меж напарниками в группе. Маяк — малиновая стрелка. Определяет наличие и направление местоположения инородных тел и веществ в том временном отрезке, где ты проявился. Реагирует только на то, что не имеет пси-фотонной метки, то есть несанкционированно.

— Пример?

— Мы пришли в гости к динозаврам — маячок молчит — замер и стоит. Но вот пробежала какая-нибудь пластоцелия и он начал дрожать, следя за ее движением. Вывод? Рептилия съела что-то не из своего времени. Поймали, просканировали, обнаружили например цепочку от часов 19 века. Ясно?

— Примерно.

— Более четко на практике. Оружие — к ребятам, все равно на стрельбы пойдешь. Я тебе про костюм расскажу и двигай в зал. Так, на плечах клепки-фонарики — освещение. Нажимаешь, поворачиваешь луч, куда тебе надо. Карманы с ремешками. Внутри аптечка: кровоостанавливающие пластыри, тестинги — стабилизаторы, туб-капсулы с нано-суспензаторам... короче, обезболивающее, восстанавливающее, бодрящее и так далее, а ремешки спокойно отрываются. Могут пригодиться вместо жгутов или веревок. Сцепляются карабинами, эластичные. Все соединишь получится крепкая веревка длиной в пять метров. При полном натяжении — шесть. Немного, но и немало. Эти деления под карманом не для пуль, а для капсул с задымляющей жидкостью. При ударе о твердую поверхность мгновенно устраивают густой туман радиусом в семь — десять метров. На воротнике передатчик, микрофон. Вот наушник, — вытащила из ниши мутный серебристый шар с каплевидной подвеской на загнутом проводе, - Переговорное устройство. Маскировка под серьгу. Крепится наглухо, зона местного приема около сорока километров, при переключении с помощью подвески — до бесконечности. Здесь же видеопередатчик и постоянная волна связи с диспетчерской службой. Что случись — главное не паникуй. Посиди, бамбук покури и скажи заветные слова: база, я пять дробь четыре, патрульная служба и пожелание, как к золотой рыбке. Будет исполнено.

— Бутылку коньяка и лимон, — улыбнулся Чиж.

— Ну, это в столовую. Хотя за такую просьбу лимоном тебя сразу обеспечат. На счет коньяка и спиртных напитков в принципе — лимитировано до минимума. Вот здесь, на поясе брюк за спиной два контейнера — один со спиртом, один с обеззараживающей жидкостью — антибактериальный и иммуномодулирующий состав для внешнего и внутреннего применения. Хоть пей, хоть на раны лей. Но потом по спирту отчет предоставишь. С алкоголем у нас строго.

— С сигаретами?

— Вообще забудь.

— Ясно.

— Ну, раз ясно — разбирайся и двигай в зал, а я пошла.

— В архив?

— Угу. Освободишься, приходи. Нет, тоже ладно.

— Что в архиве?

— Факты.

— Интересные?

— Интерактивное телевидение ничто по сравнению с ними.

— Да? Не видел ни то, ни другое. Ты ни на стрельбы, ни в зал не пойдешь?

— Лишена этой радости на ближайшие семь дней.

Чиж принял это за укор и отвернулся. Стася махнула ему рукой и вышла. Нравится виновным себя считать — вперед, а ей не до его интерлюдий.

В архив Николай попал далеко после обеда. После спарринга с роботом у него болела скула и гудела голова, после стрельб в ушах немного заложило, а после тренажеров тело превратилось в деревянный чурбак. Но опять же, сам виноват, расслабился, пять дней на нервы потратил вместо того, чтобы в форме себя держать. Хотя, интенсивность нагрузок здесь была много больше, чем дома, и по-любому он бы себя лихо чувствовал. И главное, обидно за себя — ребятам хоть бы что, а он подкачал, а ведь в своем взводе наравне со всеми шел.

Слабак, — расстроился, и дал себе зарок нагнать товарищей в группе по физподготовке, каждую минуту с толком использовать. И три часа, что дали на отдых и личные дела — тоже. Не физически, так информационно подкрепиться.

Архив нашел не без приключений — к позору своему заблудился. Его вывела улыбчивая девушка с оранжевой наколкой на плече. Трассер, — сообразил, но расспрашивать постеснялся. Узнал только что зовут ее Вероника, местная, средний ком состав — и то по жетону определил.

Девушка спросила, есть ли у него допуск в архив, узнала, что там его ждет куратор и, пожелав: ни пуха, отправилась восвояси. Чиж же застыл у дверей, соображая, как их открыть. Сунул жетон в проем, нажал пальцем на квадрат и в глазок посмотрел — ничего. Пнул дверь с досады — она открылась. "А сразу слабо было?" — уколол сам себя и замер, оглядывая километры серо-голубых панелей. Прошел вдоль, заглядывая в каждый ряд — люди сидели в креслах возле них кто внизу, кто на высоте трех метров. Мужчина сообразил, что сиденья могут подниматься в воздух, сел в одно из ряда у стены, оттолкнулся и... пустился в произвольное плавание.

Какой-то хмурый парень придержал его от столкновения с панелью. Молча взял жетон, глянул и улыбнулся:

— Новенький? На подлокотниках кнопки управления — реле вверх, вниз, налево, направо. Вдавливаешь — поднимаешься, отпускаешь — опускаешься. Тренируйся, — и пошел дальше.

Николай проводил его растерянным взглядом и заглянул под подлокотник — точно реле крестом, а в середине кнопка. Начал осваивать управление и заметил Стасю почти под потолком в одном из рядов. Подлетел неуклюже, в панель с полосой врезался, но все равно доволен был:

— Классные штуки, — бросил со смущенной улыбкой, встретив недоуменный взгляд женщины. Та рассмеялась:

— Понятно, дитя развлекается.

— Ну-у, — улыбка появилась — мало ему радости, что Стася его за ребенка принимает. — Я же первый раз.

— Кто спорит? Ты чего по делу и без загружаешься? Обидчивый?

— Нет, — поспешил заверить. — Тебе помочь? — внимательно посмотрел на панели. Полосы приметные: буквы над ними и цифры. По верхнему ряду глазами пробежал, задумался: Д + 1100. Русь. На соседний ряд глянул: Д + 1100 Фригия, ниже Д +1100 Византия.

Стася любопытство во взгляде заметила, кнопку на подлокотнике кресла нажала и мужчина отпрянул, спинкой в панель въехал от неожиданности — прямо перед ним в воздухе появилась цветная карта мира с данными: годом, названием стран, континентов, морей, рек, городов.

— Поисковик, для удобства, — пояснила с улыбкой. Забавно наблюдать за восьмеркой.

— Ага... Что ищем?

— Я все, что нужно нашла. Это тебе на будущее памятка.

— Впечатлен, — заверил. — Что искала?

— Не ваше дело, рядовой. Лишние вопросы не задавайте, — отрезала, отворачиваясь,

нажала кнопку сброса на панели и развернула кресло к выходу. Поплыла, покачивая ногой. Николай за ней зигзагами и рывками — не получалось нормально.

— Извини, я же не знаю, что секретная информация, что нет. Сама в архив пригласила.

— Для ознакомления. Ваше время пребывания в архиве ограничено, рядовой, так что, потратьте его с умом, — посоветовала, соскакивая с кресла. Оно ушло к рядам себе подобных, встало точно на место, а женщина пошла к выходу.

Вот тебе раз, — приуныл на минуту Николай. И решил советом воспользоваться: освоить кресло и понять устройство архива. Через час, когда в ухо ударил зуммер и сиденье само поплыло на вход, мужчина уже знал систему и принцип работы архива, летал почти свободно и определил, что Стася интересовалась жителями Руси начала тринадцатого века.

Он покинул архив, придерживая информацию о женщине на будущее. Зачем Стасе она, он не знал, однако просто так не отшивают столь грубо и резко, как Русанова сделала — веский повод быть должен. Предположения не имеют значения, однако то, что сейчас непонятно, завтра может открыться с совершенно неожиданной стороны. Это он не раз на себе испытал.

Вечером все как вчера собрались у Стаси, но на этот раз полным составом, вместе с новичками. Аким и Ян вели себя более раскрепощено, чем Николай и, по его мнению, нравились женщине больше. Иван больше молчал, внимательно поглядывая на новеньких, Сван подначивал, Стася подкалывала, давая командиру пищу к размышлению. И Чиж понял, что это не привычное сборище, а обычная проверка молодых стариками. И порадовался, что львиная доля внимания уделялась не ему — значит, его уже своим считают. Это было приятно и скрашивало легкую досаду на себя, за то, что так легко и виртуозно как Ян он не может говорить комплименты женщине, так просто и смело парировать Сван, как Аким.

Новое братство было неоднозначным, оно притягивало и настораживало одновременно, но очень импонировало дружелюбием и какой-то непривычной чистотой отношений. Хотя Ян ему не понравился, и он тому видимо тоже — они почти не разговаривали, поглядывали друг на друга как соперники, однако открытой конфронтации ни тот ни другой не допускали. Ян был корректен и Николай в ответ. Отчего они в противостояние пошли, тоже ясно было — Стася. А та ровная со всеми и хоть бы взглядом, фразой понять дала, кто ей больше нравится.

Но когда к группе присоединился последний член команды Иштван, и все собирались уже в гостиной зеленого патруля, Николай подумал — ей нравится Пеши. И заскучал вместе с Яном.

Станиславе сняли повязку, провели тестинг и разрешили перейти на общий режим. Она

обрадовалась и в тот же день устроила с ребятами колоссальную разминку в спорт зале, а вечером не пришла в гостиную.

Устала, — решил Чиж, но все же сходил, постучал в дверь ее комнаты. Ему никто не открыл, зато в плечо ткнул Пеши:

— Чего надо? — прищурился подозрительно.

— Хотел узнать, как самочувствие, а что?

— Человек отдыхает. Незачем его тревожить. Не забываетесь, рядовой.

— Есть, — вытянулся нехотя.

— Свободны.

Мужчина пошел в гостиную, налил себе минералки под гогот Сван и Акима и заметил пристальный взгляд капитана на появившегося Иштвана. Оба были серьезны, будто что-то случилось. Чиж насторожился: неспроста эти двое переглядываются. И заподозрил, что причина их озабоченности Стася. Только интересно, что за секреты?

— Завтра первый учебный рейд, практикант, — бросил ему Иван, заметив настороженный взгляд.

— Лейтенант со мной идет?

— Нет. Ты, я, Сван. Первой группой в десять утра. Вторая в три: Ян, Аким, я и Сван.

— Иштван тоже не идет.

— Нельзя, — бросил Сван. — Допуска медчасти еще нет. Один коридор с повреждением тканей выдержать можно, два — опасно. Пока нет полной регенерации тканей, раненные будут на приколе.

— Чем опасно? — сел напротив, чашку на стол поставил.

— Любое физическое повреждение влечет за собой энергетическое. То есть защитная капсула твоего организма неравномерна и слаба. Представь яйцо под потоком воды, — начал

объяснять ему Ян. — Водяное поле плавно обтекает его, распределяя давление равномерно и ни вода, ни яйцо друг с другом не конфликтуют. А теперь представь тоже самое, но яйцо с поврежденной скорлупой или деформацией. Что произойдет? Оно будет слабее поля и подвергнется его воздействию, начнется процесс разрушения скорлупы, проникновение под давлением жидкости внутрь, белка наружу. Начнется размывание, деформирование. Яйцу кердык, его разорвет и смоем потоком.

— В точку, — ткнул в его сторону пальцем Федорович, визируя взглядом — он все сказал, лучше не разжевать. Иштван сжал кулак и тяжело уставился на Ивана, тот ответил ему не менее тревожным взглядом.

— Что-то не так? — не сдержал вопроса Николай. Ему не ответили, и он задал другой вопрос. — Почему я с вами иду один, а Ян и Аким вдвоем?

Иштван хитро улыбнулся. Сван хмыкнул.

— Потому, рядовой, что девяткам не впервой по временам фланировать, шока у них не будет, — сухо сказал капитан.

— И что? У меня шок будет? С чего это? — уставился на развеселившихся мужчин Чиж, углядывая в их смешках оскорбление и унижение.

— Ты не обижайся, — выставил руки Сван, но улыбаться не перестал.

— Он меня вспомнил, — не сдержал смеха Пеши.

— Ага. Храбрился как Тарзан. В грудь себя бил: смогу, море по колено.

— А потом динозавра увидел...

— Настоящего!...

— Бежит такая махина на меня, земля трясется, а я понять не могу — правда или мерещиться, я трясусь или земля?

— В виртуальность брат уехал! — захохотал Сван. — Стоял как стойкий оловянный солдатик!

— Да я в толк взять не мог — как это динозавр живой! На меня бежит!

— Командир рептилию выстрелом в глаз снял.

— Ага. Эта жуть прямо передо мной бухнулась, пыль поднимая, смрад от него, мама дорогая! И брюхо как у лягушки, сам противный... Я только тогда понял — не мерещится.

— Мы его с открытым ртом в ступоре так домой и притащили, чаем отпаивали, — хохотал Сван.

— Ему смешно! А у меня руки дня три тряслись и в голове суматоха стояла.

— Я пуганный. Воевал, — холодно посмотрел на юмористов Николай. Те смолкли. Иштван с грустью на него посмотрел:

— И я браток, не сушки у бабки на печи ел. Меня Стася из-под завала в Приштине вытащила.

Тихо стало, посерьезнели все. Чижу неудобно было, во взглядах осуждение почудилось.

— Закончили байки и воспоминания. Время рядовые. По комнатам — отбой, — процедил капитан и вышел из гостиной.

Иштван и Сван переглянулись. Последний залпом выпил минералку из чашки Чижа и встал:

— Отбой братва. И... не злись ты, мы все здесь хоть и «зеленые», но давно уже «спелые».

Отбой отбоем, только не спалось Чижову, маяло от тревоги, а причины найти не мог. То ли Стася в голову лезла, то ли завтрашний день с походом в неизвестность волновал. Курить хотелось — уши пухли. Вышел в холл, в тупую с парнем из группы зачистки пару сетов в теннис взял, потом воздух попинал в коридоре, литр чая выпил и, наконец, заснул.

Утро примечательно началось. Стася зевая сидела у шкафчика в раздевалке спортзала, Иштван и Сван расположились напротив и дружно смотрели на нее, как братья на непосlušную сестренку, с явным осуждением. Ян искал свой кроссовок и косил на товарищей. Аким давно переоделся и спал, прислонившись к дверце шкафчика.

Вошедший капитан разбавил картинку полусонного воинства своей недовольной физиономией. Взгляд уперся в Стасю, и та нырнула в недра, делая вид, что что-то потеряла.

Иван без слов схватил ее за руку и потащил за ряды шкафов к душевой. Сван и Иштван обменялись хлопками ладоней и начали переодеваться.

Чиж посмотрел на все это и осторожно прокрался к беседующим, решив что дело нечисто.

Из-за угла было видно злующую физиономию Федоровича, а по тону ясно, что тот устраивает выволочку лейтенанту. Он впечатал руки в стену, нависнув над Стасей, и выговаривал ей нудно и раздраженно, что-то вполголоса. Женщина сначала исподлобья поглядывала на него настороженно, потом улыбнулась и вот, вовсе расцвела:

— Ванечка, — протянула, повела ладонью по груди. Капитан тон сменил, сетовать начал как родитель:

— Хватит, Стася. Я тебя сколько прикрывал?

— Со мной ничего не случится.

— Это опасно, Стасенька.

— Иван, если что, ты нипричем, ты вообще, не в курсе.

— Сама понимаешь, что говоришь?

— Ваня, ну мне очень надо, понимаешь?

— Не понимаю! Не хочу понимать. Больше ни шагу с территории центра. Узнаю... сдам Казакову с потрохами!

— Ванечка, солнышко, неужели сердце не дрогнет сестренку сдавать? — прильнула к нему. — Я честно — честно осторожна, и честно-честно — не надолго. Ну-у, Ванечка.

Федорович головой крутил, не зная куда деться, и сдался, ладонью по волосам женщины провел:

— Пропадешь ведь, Стаська. Ну, что тебя туда тянет?

— Не пропаду. Не могу я иначе, Иван, не могу, понимаешь?

Лицо капитана закаменело, взгляд тяжелым стал. Отодвинулся:

— Переодевайся.

Чиж отодвинулся за край шкафа и задумался: о чем шла речь? Почему командир против и чего? Служебный интерес, личный? Да, личный, причем и у того, и другой. Очень интересно. Может у Стаси любовник в городе, а капитан против их встреч, потому что сам в ней завяз? Последнее ясно. Каждый, так или иначе, к ней больше, чем к сестре относится хоть и скрывает это. Но она-то не может этого не понимать, не видеть. Отчего тогда друга среди своих не выбрала? Специально, чтобы остальных не травмировать? Или "сердцу не прикажешь"? А капитан прикрывал, прикрывает и, вот передумал, больше не желает? Не понятно, — качнул головой, переодеваться пошел.

Мстит, — понял Чиж после пары минут разминочной игры.

Федорович с места в карьер начал и все в одни «ворота» — в Стасю. Гандбольный мяч тяжелый, прилетит — мало не покажется, но Иван, словно не знал о том — целился в женщину, задеть норовил. Та раз увернулась, два — он ее гонять по полю без передышки начал.

Чижу надоело — в защиту встал, внимательно следя за пасами. Раз мяч перехватил, два нападение на женщину отбил и заработал недовольный взгляд командира и шипение Стаси:

— Чего под ногами крутишься?

Неужели не поняла? — подивился и не ушел. Еще один мяч прямо в лицо ей полетел — головой отбил.

— Дурак ты, стажер, — процедил ему Сван. Но Чиж и ухом не повел, остался рядом со Стасей, не давая капитану возможности попасть в нее мячом, задеть. Тот разозлился. Откинул мяч в корзину и приказал:

— Все свободны.

Перехватил мужчину за плечо:

— Еще раз полезешь, получишь.

— Не дело бабу гонять после ранения, капитан.

— Не твоего ума дело, рядовой, — процедил тот. — Ты к вылазке готовься, посмотрим, как там себя защитить сможешь, потом о других поговорим.

И толкнул как щенка в сторону раздевалки.

Русанова группу проводила и бегом за вещами, потом в другой бокс пока Кристина на дежурстве. Та своя, из патруля. Списали ее два года назад по серьезному ранению, но как была «зеленой» так и осталась.

На Стасю глянула, большой холщевый мешок из-под стойки достала, ей кинула и головой мотнула: давай быстрее. Ту просить не надо — тенью в раздевалку проскользнула, переделась и в бокс. Двух часов ей выше головы хватит.

Лазоревое небо плавила жара. Трава пожухла, сникла — засуха. Тишина, березки нехотя шепчутся листвой — и им тяжело без дождика. Земля потрескалась, на дороге пылища, духота.

Стася осторожно из леса вышла, по сторонам поглядывая, и заметила фигурки в тени придорожного дерева притулившиеся. Женщина худая, изможденная, в тряпье, в тряпье же безвольного, больного ребенка лет двух кутала, второго к себе прижимала — девочку лет семи. Голодные, уставшие, без надежды и света во взглядах. Хуже нет горе в детских глазах видеть, хуже не бывает притаившейся безысходности и боли материнской, что в глазах женщины плескалась. Ничего эти трое не ждали, смерти только. Последний предел видно перешли.

Девочка смотрела на приближающуюся женщину как на мираж и мать таким же взглядом на нее глядела.

Даже когда Стася застыла перед ними — не шелохнулись.

Худо.

Русанова присела перед ними, девочку по спутанным кудряшкам погладила. Та исподлобья на нее уставилась, насторожившись — что ждать от богато одетой госпожи? И видно хорошего не ждала, да и сил не было ни сказать что, ни спросить.

Стася молча мешок развязала, лепешку достала и, разломив, девочке подала. У той в глазенках вспыхнуло, потянулась недоверчиво, в любую минуту по руке получить готовая. Рука худая, грязная, трясется. Стасю перевернуло от жалости — вложила в ладонь хлеб.

— Кушай.

— Благодарствуйте, — прошелестело — мать за дитя обласканное благодарила. Русанова ей остатки лепешки отдала. Но она есть не стала, хотя видно было — не в моготу как хочет. И девочка кусок жадно в рот запихала, а остальное матери втихаря сует. Та отталкивает — кушай дитятко, мне не надобно.

— Идти сможете? — спросила Стася. Женщина от ствола отлипла с печалью и мольбой на нее уставилась:

— Не гони госпожа...

— Не гоню, в деревню зову, в дом.

Женщина минут пять соображала и встрепенулась:

— Я отслужу, я много что могу. Кухарим справно, и за хозяйством присмотреть, и на поле поработать, и... что скажете, госпожа, что надобно сроблю.

— Тихо, — приложила палец к губам Стася. — Пошли.

Мешки за плечи закинула, девочку на руки взяла. Та легкая как пух, да дичливая — испугалась, на мать оборачивается, руки несмело к ней тянет, а женщина головой качает — сиди смирно! Ясно на что надеется — не сама с сыном выживет, так хоть доченька. Хоть она пристроена, да авось, накормлена будет.

— Она крепкая, Любашей кличут. Проворная и смышленная, госпожа. Доброй служанкой вам будет...

— Оставь. Силы на разговор не трать.

— Мама, — всхлипнула девочка, а плакать-то сил нет, оттолкнуть госпожу, вырваться — смелости не хватает. Позвала бы родительница, может и кинулась к ней, а та наоборот головой качает — сиди смирно! Как послушаться?

— Тише, малышка, с мамой тебя не разлучат, — успокоила ее Стася. — Вместе жить станете. Помогать-то ей будешь?

Девочка ресницами хлопая на нее уставилась, и веря, и не веря. Дитя, а уже жизнью потрепано так, что от детства наивного да беззаботного ничего в глазах не осталось, и лицо серьезное как у взрослого. Хлебнула видно лиха.

— Верь, я тебя не обману, — обняла ее крепко, слезы скрывая. И припала к ней девочка, всхлипнув, доверилась.

Деревня большая недалеко была. Дворов всяких, от самых худых до богатых — на выбор. Какие-то дома кинуты, заколочены — и здесь засуха да недород людей губила, вон из дома гнала.

Стася по улочке мимо настороженных людей к самому богатому дому прошла, у ворот девочку на лавку посадила. Мать испуганно рядом замерла, не зная что поджидать и что думать.

— Здесь жди, — бросила ей Стася, двери во двор толкнула. Пес цепной до хрипоты взвился до нее дотянуться желая. Работные мужики, что сено укладывали, уставились, девки кур кормили — тоже замерли.

— Чего надобно? — недобро глазами блеснул дородный муж из хлева, к Стасе выруливая. Остановился рядом, оглядел и чуть смягчился, видя богатое убранство одёжи да величавую осанку, заробел под взглядом горделивым, господским. — Здрава будь, госпожа, прости, коль обидел. Попутался с темноты-то на свет, не узрел сразу-то, — склонился в поклоне. — В дом милости прошу, потчевать, чем могу, навсегда рад.

— Мне дом нужен, — объявила. А чего ждать? Времени у нее в обрез.

— Э? — растерялся. В глазах замешательство — не его ли гнать собрались?

— Есть в деревне дома кинутые, добрые?

— А?.. Ну-у, как же... есть-то оно есть... Ноне худо больно, хлебушек-то не уродился,

скотинка опять же от жары дохнет, голодно, морно, вот и кидают места родные... токмо...

Стася золотой достала, чтобы не мялся, под ноги ему кинула:

— Показывай, да не юли. По чести куплено, свидетелей, вон, у меня полон двор, — кивнула на работных. Кто-то из мужиков нехотя закивал, не желая с незнакомой госпожой связываться. Да и хозяин не против — золотой поднял, глаза огромными стали, речь быстрой, льстивой:

— Как же, как же, куплено честь по чести, отказу нет. Пойдемте, госпожа, лучший двор ваш. Там сараюшка и хлев под скотинку имеется, и утварь какая никакая. Лучший дом, лучший, — двери со двора с поклоном перед ней распахнул.

Стася на улицу выплыла, девочку на руки взяла:

— Показывай. В нем эта женщина с детьми жить будет, а я их навещать стану. Она дом купила. Понял ли?

— А? — оглядел растерянно нищенку с дитем квелым, обалдело на грязную девчонку в тряпье на руках госпожи. Виданное ли дело, чтобы богачка такая с босяками вошкалась? Ой, нечисто тут! Опять же, его ли это ума дело? Золотом платит! — Как скажете, госпожа, — поклонился опять, и спеша, пока деньгу не отобрала да не передумала, по улочке засеменял впереди. — За мной идемте.

На зуб тайком золотой попробовал — добрый, не подделка! Ах, ты, богатство какое!

Почти всю улочку пропылил и чуть покосившиеся ворота предпоследнего двора толкнул:

— Сюды, — рукой замахал. Стася во двор вошла, огляделась — заросло все неслабо, но дом с виду добрый, большой, крепкий. Подойдет.

Нищенка, с опаской у ворот застыв, косилась то на нее, то на мужчину. А тот расхваливает двор. Дверь в дом толкнул — поманил. Русанова за ним пошла.

— Гляньте, гляньте: лавки две, стол, сундук опять же. Печь справная, теплая. Дрова есть даже, чугунок вона. Без обману, — заслонку открыл.

Ничего дом, — оценила Стася, оглядываясь: прибраться, побелить, паутину, пыль вымести и добро жить можно. Девочку на лавку опустила, мешки на стол хлопнула и на

мужика уставилась.

— Козу приведи.

— Кккозу?

— А ты как думал? Избе этой цена четверть золотого, а я тебе полной монетой оплатила. Значит, козу сюда отдашь, двух курочек и гуся, и дровами запастись поможешь. А я позже приду, проверю.

Мужик затылок почесал, подсчитывая, и так и этак выходило все едино он в прибыли.

Закивал:

— Ладноть, сделаю. Уговорились. Меня Гаврилой кличут, приглядываю я тут за деревенькой...

— Вот и приглядывай. И за моими смотри. С тебя спрошу коль кто забидит!

— Что ты, государыня — матушка. Все по добру будет, пригляжу с радостью.

— Тогда иди, сговорились. И не мешкай с остальным, неси этим часом!

— А?.. Да, да, — попятился. Ух, грозна, слова поперек сказать боязно. Большой человек, не иначе княгиня! А ежели княгинюшкины подопечные в его деревне жить станут, то и ему в прибыль. — Тут же девок пришло, — заверил, за порог вываливаясь.

Девочка во все глаза на все это смотрела, шевельнуться боялась, мать ее вовсе у дверей как приморозило. Что думать она не знала, что происходит, не понимала.

Стася чуть не силком ее в дом втащила, на лавку усадила:

— Тебя как зовут?

— Пе-пелагея, — сына к груди крепко прижала, боясь, что отберут, а глаза огромные от страха и растерянности.

— Слушай меня Пелагея внимательно и ты, Любаша, слушай. Жить здесь станете, дом вам куплен. Весь от верха до низу — ваш. Обживайтесь.

— Так я...мы...

— Служить ты только детям своим станешь. Добрых людей из них вырасти, Пелагея вот мой завет и твоя плата за дом этот.

Мешки развязала, из них меньшие мешки вытащила, на стол выставила:

— Тут мука, крупа. Деньги, — один за другим пять алтын положила. — С таким добром с умом распорядившись на ноги быстро встанешь, но о том, как нищей была помни и не зазнавайся, — пальцем пригрозила ополоумевшей от счастья женщине, что на колени перед ней упала, не зная как благодарить. Девочка вовсе как на богиню смотрела и искренне верила — так оно и есть.

Стася поморщилась и выдала:

— Никому ничего не говори обо мне. И помни, в любую минуту приду, погляжу как живете.

— За кого хоть молить? — выдохнула женщина, ни чуть уже не пугаясь грозной госпожи — благоговела только, принимая ее за истинное явление чуда, отзыв небес на свою последнюю молитву, не раньше как по утру в небо отправленную. Просила деточкам своим или жизни, или смерти легкой, как Господь распорядится. Вот и распорядился — в едину минуту все дав.

— Господу молись и Пресвятой Богородице, она вас и землю эту защищает и все видит, и не оставляет.

— Так, госпожа — матушка.

— Ну, будь здрава Пелагея и ты Любашенька. Мамку слушай и почитай да во всем ей помогай. За братиком приглядывай. А я, путь будет, навещу, — и улыбнулась светло: пусть троим, но помогла, пусть мелочью, но пригодились, значит, не зря день прошел. Не зря.

Год пройдет, десять — а что мать, что девочка крепко будут помнить помощь незнакомки и верить, что не оставили землю и людей Боги, что помогают им, слышат их, видят, творят правду...

Жаль, что реже, чем хочется.

Любаша из дверей за женщиной вылетела, ноги обвила и уставилась снизу вверх.

— Ну, чего ты? — улыбнулась ей Стася, погладила по голове. — Живи, девочка, умницей будь, правду чти и добро, да ни гнись не под кого. Помни, ты дочь Божья.

— Ты придешь еще? — прошептала.

— Как Бог даст. Только не зови в тягости — учись сама с бедой справляться. Зови в радости — я приду. Горе на двоих — двойное горе, радость на двоих — ни конца, ни края не имеет.

Поцеловала в лоб, вздохнула, чувствуя как доверчиво прижалась к ней девочка — оттаивает маленькое сердечко, впускает тепло да свет в душу. Значит, жива будет, значит, полетит еще, летает.

— Беги к мамке, дел у вас ноне много — дом свой прибрать, братика поднять.

И улыбнувшись ей вышла за ворота. Пошла к лесу не оглядываясь — пятнадцать минут до точки выхода. Успеет.

Динозавры здесь не бегали — трилобиты под ногами валялись.

Чиж сидел прямо на красном густом песке и смотрел в небо темное с бордовым отсветом. И не верилось ему, что он на родной планете и не принималась окружающее за реальность. А ведь знал, понимал, готов вроде к чему угодно был. И в бокс шагнул лишь чуть робея, и в пропасть воронки с зелеными всполохами ушел глаза не закрывая, а тут накрыло.

Равнина слева, океан справа, куда не смотри — горизонт, где вода и суша с небом сливаются. Никого, ничего, тишина, как будто оглох. Ветерок вялый чуть лица касается, запах в воздухе дурной, сернистый, влажный, острый.

Сван присел перед ним на корточки, ладонью перед лицом помахал:

— Жив?

Чиж неуверенно кивнул.

— Пошли прогуляемся. До точки еще тридцать минут. Наслаждайся.

То ли всерьез, то ли пошути.

Николай встал, не соображая, пошел, и все то оглядывался, то нагибался, чтобы песок потрогать, влажность и прохладу под ладонью ощутить, шершавость панциря трилобита, хрупкость ее. И уверится — не мерещится.

Признался себе нехотя, что до этой минуты хоть и верил ребятам, но все же не доверял, не принимал всерьез возможность по времени перемещаться. А тут убедился — не шутка, не насмешка, и принял, тяжело, скрипя заостренными догмами, начал свыкаться с мыслью о реальности представшей перед ним в виде виртуальности.

Только привык, только свыкся, как обратно в водоворот уходить пришлось. Стоял в круглом боксе, смотрел на пол и соображал — что это было? Где песок?

— Все. Ступор на день, — помахал опять перед его лицом ладонью Сван.

— Ничего подобного, — буркнул Чиж, чувствуя легкое отупение.

Только к вечеру переварил увиденное. Когда все вместе в гостиной собрались, посмеяться над собой смог, слушая обсуждение стариков, поведения новичков.

Стася его смутила — смеялась задорно, счастливо, выглядела такой довольной, словно он подвиг совершил. Хорошо стало на душе, легко. И будто окончательно прижился он в группе, словно всегда всех их знал, вместе с ними вырос и не на одно задание, ни в один век ходил.

В этот вечер они с Яном заключили негласное перемирие и приняли друг друга как братья.

С губ Стаси не сходила милая, добродушная улыбка, в глазах тепло материнское было и понимание и, такой она красивой Чижу казалась, что взгляда отвести не мог. Одного не понимал, отчего капитан со всеми не веселится, а на сестренку испытывающе смотрит, будто подозревается в чем-то.

А женщина на него внимания не обращала. Спокойно на душе у Стаси было, она долг

свой выполнила, не впустую этот день провела. И пусть не вернула погибших братьев, но трем попавшим в беду умереть не дала. Может, устав нарушила, себя и Ивана подставила, но мелочь это по сравнению с верой в глазах ребенка.

Глава 5

Лейтенант Русанова получила допуск через семь дней, Иштван через восемь, а на девятой пятую команду зеленого патруля подняли по тревоге. Жизнь входила в обычное русло.

Русанова и Федорович стояли перед полковником Казаковым и получали инструктаж. Задание типичное, если бы не одно «но» — в группе три новичка. Пусть обкатанных, десять раз по «зеленке» прошедших, но по учебной программе, а тут серьезное дело.

— Товарищ полковник, они зеленые, — пытался втолковать ему капитан, но тот неумолим был:

— Вы и есть «зеленые» капитан Федорович. Задание ясно?

— Так точно, — выпалив недовольно, вытянулся.

— Двадцать минут на сборы. Кругом ма-арш!

Стася и Иван вывалились из кабинета и застыли перед ребятами. Пару секунд рассматривали их и Федорович рыкнул:

— В арсенальную, бегом! Загрузка по полной программе! Вперед!

Семь пар ног дробно застучала по мрамору.

— Сван, пластид! — крутанул мужчине коробку капитан.

— Детонаторы?

— У меня, — бросила Стася, вдевая их в чехлы на куртке.

— Резвей, братья, резвей! — подгонял капитан собиравшихся. — Ян, рацию проверь на месте. Все включили переговорники! Чиж! Куда ты шашки суешь, олух! Выкинул! Выкинул, сказал!

Иштван сунул ему запасной автомат-пистолет и пару обойм:

— Поверь, это лучше.

— Что хоть затевается?

— Задание на месте получим. Но, судя по сборам, будет горячо, так что не стесняйся, греби все что получится.

— Аким! — окликнула мужчину Стася — кинула ему дополнительный нож в ножнах. Тот поймал, прикрепил к лодыжке. Сван под завязку набил в карман глушителей. Стася упаковалась по уши, с алчностью Кошечка сгребая пластид и обоймы.

— Все?! Попрыгали! — приказал Иван. Бойцы дружно изображали зайцев, но четверо сыграли кенгуру. — Мамонты, вашу!... У кого брякает?!

— У меня, — вздохнула Русанова, переложив одну обойму в карман брюк сзади.

— Попрыгали! Опять локомотивы колесами стучат?! Шалович, чем брякаем?! Выкинуть к чертям! Пацавичус, почему рация плохо прикреплена?! Бегом исправилась!!... Еще раз попрыгали!... Кругом! Бегом!

В бокс влетели за две минуты до исходной точки.

Дежурный диспетчер, заклинивая двери, показал через стекло сначала два пальца, потом десять — двадцать часов на все про все. Стася переглянулась с Иваном: коридор сделали по максимуму, но успеем ли?

Должны!

Бойцы замерли в привычной позе спинами друг к другу. Отсчет пошел.

— Куда провалимся? — без надежды на ответ, спросил Аким.

— Сейчас узнаешь, — залихватски улыбнулся Сван.

Предрассветные сумерки — прекрасное время для военных действий, только неясно с кем воевать.

Патруль вышел на склоне и замер, обозревая пространство с межгорного плато: овальную долину с озерами, лесом и белым городом, стоящем больше на воде, чем на земле. Плавающие сады, мост, соединяющий две половины города с ровными, прямыми улочками и каналами с канаэ, причалами. Площади с храмами-пирамидами в центре и плоские крыши двухэтажных домов, переходящих к периферии в мазанки с тростниковыми кровлями. Все это было покрыто туманом выходящих из домов дымок и окружено грязевыми банками, зарослями тростника, скальными породами. Не узнать город было сложно.

— Долина Анауак, Теночтитлан, — прошептала, чертыхнувшись Стася.

— Америка? — осипло от растерянности, спросил Ян.

— Америка, — заверил капитан. — Ацтекская цивилизация. 1355 год.

— Ох, хлебом, — вздохнул Иштван, невольно присаживаясь на корточки. Лицо руками потер, прошептал. — Помогите все святые всем попавшим сюда.

Патруль хмуро уставился на него. Каждому было ясно, что лучше к динозавру в гости завалить, чем мимо ацтеков хоть транзитом пробежать.

— Святые заняты, — буркнул Иван. — Нам помогать придется. Трое школьников — два мальчика и девочка, отстали от группы и были взяты в плен предположительно в этой области. Нужно их найти и доставить домой. Все как всегда.

— Угу. «Обычное» задание, — с сарказмом бросил Аким, покосившись на Стасю: ты это нормальным считаешь? — Какой идиот сюда детей притащил?

— Экскурсовод уже получает свою дозу призов. Обсудим его будущее или займемся будущим детишек?

— Н-да, — поджал губы мужчина: не возразишь командиру.

— Сколько лет детям, внешность? — спросил Николай, с прищуром оглядывая лежащий внизу лес на подходе к городу, переходящий в топь. На сердце тяжело было, чуял, что здесь похлеще и погорячей, чем в Ачхой-Мортане будет.

— Файлы в очках. Всем надеть и просмотреть. Включить лингваторы.

— Когда дети пропали?

— Два с половиной часа назад.

— За это время их могли в жертву принести, — заметил тихо. Хоть и не блистал знаниями о жизни ацтеков, тольтеков, инков и прочей братии, но о нравах их слышал. Те еще доброхоты.

Сван проверил маячок, стоя на краю валуна и бросил товарищам:

— Похоже они в городке.

Все выставили часы — маяк дрожал.

— Какой план? — спросил Ян.

— Настраивай датчик связи и транслятор, готовь коридор. Это твоя главная задача. А наша... Стася, Сван идете вперед. Аким остаешься здесь и внимательно следишь за всем, что происходит. Прикрываешь наши спины. Твое дело обеспечить безопасность в точке и быть готовым сделать нам «зеленку» в любой момент.

— Понял.

— Иштван, Чиж, идете за первой парой. Дистанция пятнадцать метров. Мы за вами. Не светится. Помните, индейцы встают до рассвета. Как услышите нудное гудение, прикидывайтесь хоть кукурузой, хоть родником, потому что это начало их дня и не пройдет часа — вся толпа будет на ногах и станет шнырять по округе. Смотрите в оба и постоянно будьте на связи. Хоть стихи читайте, мне по стебли моиса, но я вас слышать должен, уверенным быть, что вы внезапно не представились. Места здесь гиблые, времена хуже не бывает. Нравы — деятельность инквизиции просто благотворительность по сравнению.

— Мальчиков можно поискать в тельпочкалли, — заметила Стася. — Внешность у них колоритная, вряд ли их продали или в жертву отдали. А девочка... с ней хуже. Сейчас по местному времени начало радостного месяца.

— В смысле особой радости можно не ждать? — поморщился Ян.

— Нам — не знаю, девочке точно. В это время они приносят жертву Богине Молодого Зерна — девочку-рабыню и обедают кукурузой.

— За-ши-бись, — протянул забывшийся Николай, вглядываясь в очертания внизу. Лес конечно хорошее прикрытие, но индейцы особая раса, с феноменальным слухом и чутьем. Незаметно по их земле пройти вряд ли получится.

Шалович хмуро и чуть испуганно поглядывал на городок вдали.

— Аким, только не спи, — предостерегающе качнул перед лицом мужчины пальцем Сван. — Ты нам тыл прикрываешь.

— Шутишь? — насупился тот. — За придурка не держи.

Действительно, каждый понимал, что попали они куда лучше вовсе не попадать, и не факт, что вернуться, но хуже — не факт, что детей вытащат. И дай Будда, Кришна и Господь, чтобы лишь с боем детей вырвали, а не к ним прорывались. Потому как в таком случае шансы их вытащить вовсе призрачными становятся.

Какой там спать?

— Двинулись ребята, — прошептал Иван, стягивая ремешки с куртки и сцепляя их карабинами. Стася ему свои подала, уже скрепленные — вместе поучилась достаточная длинна для спуска.

Первым спустился Сван. Огляделся и крутанул ладонью как пропеллером: следующий. Стася скользнула вниз, замерла, прислушиваясь и приглядываясь, и кивнула напарнику, выставив сначала три, потом четыре пальца: вперед, идем в трех- четырех метрах на параллели друг от друга.

Тот под козырек взял, фыркнув и нырнул в чащу.

Чапультиепский лес так себе удовольствие, а дикий древний и вовсе экстрим не для слабонервных. Жарко, влажно, насекомых до и после бесконечности, гадов ползучих, хищников голодных, зверья непуганого — кишмя. И все это на просторах лиан, зарослей кустов и деревьев, сучьев, трухлявых остовов, листьев под ногами. Там термитник гудит,

здесь муха жужжит, там леопард зевает сидя на ветке, тут удав на завтрак ползет. И меж всего этого счастья крадутся патрульные и чувствуют, что не одиноки. Индейцы мерещатся.

— Стася?! — вызвал по переговорнику капитан.

— Ну? — остановилась, взглядываясь в силуэты деревьев впереди.

— Что видишь?

— Догадайся, — буркнула, на Сван покосилась. Тот за дерево спрятался и жестом показал: вижу впереди двух чужаков. Женщина тоже за стволом притаилась, передала:

— Замрите.

— Сколько?

— Двое.

— Пропусти.

— Лишь бы нас пропустили, — вклинился Сван. Через минуту мимо него промчались два подростка, с гиканьем догоняя друг друга. Колоритные, хоть с боку, хоть со спины. Глянешь и не ошибешься — ацтеки. Набедренные повязки — маштли, в ушах заглушки из элитного кирпича, на лицах и теле татуировки, на шее сумки — гонцы.

Просвистели как торнадо и опять тихо стало. Первая пара вновь движение начала и оба присели, услышав далекий утробный звук — в городе утро объявили и побудку по всем правилам ацтекской общины. Сейчас весь город дружно потянется на омовение, потом на завтрак и по рабочим местам. Это знали «старики» — довелось с ацтеками познакомиться, было горячее дело, почти в точности такое же хоть и севернее этого места и много раньше — лет триста назад. Тогда ацтеки еще поселеньями обходились и пройти проще было.

— Ну, все, братцы, экстренная молитва, — прошептал Иштван. — У меня четверо по курсу. Охотники, мать их Коатликуэ. Идут на меня.

— Уходи.

— Куда?

— Да хоть в небо!

— Понял.

И выпустив из дополнительного ствола пистолета стрелу, взмыл по леске вверх, завис в воздухе.

— А впереди кактусы командир, за что там зацепимся? — спросил.

— А левее топь.

— Справа тоже топь и тростниковые заросли, — передали, кто что увидел.

— Сбор в тростнике, — объявил Федорович.

И хоть до него было метров триста, добирались почти час, то и дело, пережидая пока не пройдут ацтеки. Время работало против патруля и собравшиеся в тростниковых зарослях это понимали. Капитан снял берет, обтер лицо и объявил:

— Рискнем. Иштван, Ян, занимаете позицию с максимальным обзором, берете под прицел каждого и прикрываете нас. На дислокацию десять минут. Мы двумя группами идем в город напрямую, не скрываясь прочесываем улицы. Очки не снимать, оружие держать наготове.

— Самоубийство командир, — предупредил Сван.

— Дома обсудим, — и нажал кнопку на наушнике. — Аким прикрываешь.

— Понял.

— Что с «зеленкой»?

— Канал держат.

— Хорошо. Разбежались, ребятки.

Пеши и Пацавичус разошлись в разные стороны.

— Предлагаю перевести ботинки на воздушные подошвы. Во-первых, топь и канал иначе не перейдем, во-вторых, аборигенов это наверняка потрясет, — сказала Стася.

— Логично, — кивнул Иван. Бойцы перевели блок стрелы на ботинках и приготовились к выходу на сцену. Сван зажал под мышками пистолеты-автоматы, по одному на каждую руку, и капитан, заметив его решительность, объявил всем. — Работаем чисто, чтобы не вызывать и не подставлять «синих».

— Потом возвращаемся домой и дружно убиваем «оранжевых», чтобы они больше трассы в гиблых местах не прокладывали, — тем же тоном передал Иштван. — Второй позицию занял.

— Седьмой позицию занял, — доложил следом Ян.

— Двинулись, — приказал капитан.

Когда они вышли из тростниковых зарослей, работающие у канала женщины в длинных, расшитых рубашках замерли, кто-то вытянулся, бросив кувшины, но ни одна не закричала и не побежала с визгом в город. Уже хорошо.

Капитан рубанул ладонью, давая понять своим: разделились. И пошел с Николаем чуть левее, а Сван и Стася чуть правее, плавно обтекая глазающих.

— Спокойно, ребята, главное, спокойно.

Вид здоровяков в черном с зелеными головными уборами, бредущих по воде яки посуху произвел неизгладимое впечатление на аборигенов — пара женщин, как только патрульные поплыли уже над землей, рухнули на колени и запричитали благословение Крылатому Змею, пославшему им своих друзей. Остальные так и остались истуканами стоять.

Патруль вышел с «набережной» в город без препятствий.

Стася и Сван переглянулись, увидев почти проспект, прямой, как перпендикуляр.

— Нормально, — ухмыльнулся мужчина.

Улочка идущая меж тростниковых, обмазанных и раскрашенных хижин без окон, прямо к ступенчатому храму была людной. Женщины в каждом дворе занимались одним и тем же — терли маис, готовили пищу. Дети: кто играл, кто помогал родителям. Худой мужчина и подросток поднимали в огромный вкопанный в землю кувшин зерно в корзинах по лестнице. Девушка выкладывала лепешки на плоское блюдо, другая скручивала волокна хлопка веретеном, некоторые детишки крутились возле ритуального столба — жизнь кипела, но как только взгляд ацтеков встречался с фигурами в черном, спокойно идущими по улице — замирала.

Слева на поле юноши играли в тлachtli — разновидность баскетбола, но как только нападающий увидел патруль, мяч выпал из его рук. Команда застыла. Пара секунд и трое сорвались с места, помчались вверх по улице.

— Гонцы ушли, — бросила Стася в переговорник.

— Будьте готовы.

— Вижу тельпочкалли, — бросил Сван и кивнул напарнице на двор справа. Мужчины с завязанными на плече плащами обучали мальчишек от пяти до десяти лет воинскому искусству, один хлопал видно провинившегося мальчика шипастой веткой магея.

При виде незнакомцев в черном все замерли. Дети опустили палки и луки, взрослые настороженно впились глазами в лица пришельцев. Острые взгляды были нехорошими, пытливыми и чуть недоуменными. Было ясно, что ацтеки кинулись бы на гостей, но что-то непонятное сдерживало их.

Сван остановился перед татуированным пожилым индейцем с орлиным носом, решив, что он старший, и, занял позицию так, что под прицелом сразу оказался и двор школы и улица. Стася пошла искать мальчиков. К ее сожалению их нигде не было, только краснокожие, черноволосые ацтеки темными глазенками следили за каждым ее шагом:

— У меня чисто, — буркнула в переговорник.

— Жаль, — вздохнул Иван и Сван. Последний кивнул Русановой — уходим.

Путешествие по древнему городу продолжалось.

Народ начал стекаться, чтобы посмотреть на пришлых, тихо переговаривался, обсуждая их и строил предположения, зачем появились. Из обрывочных разговоров стало ясно, почему их не трогают: черный цвет ацтеки считали высшим воинским — жреческим, а зеленый королевским. И явление людей в черном с зелеными головными уборами большинством

расценивалось, как высокая честь, знак Богов о избранности народа, который посетили не иначе посланники Тлалока, самого требовательного и бескомпромиссного божества.

— Ребята, как только они поймут, зачем мы появились, на нас кинутся, — сообщил тихо капитан.

— Так и сказали? — спросил Сван.

— Для них честь и радость умереть от рук Богов, — предположила Стася.

— Здорово. Но у меня на всех боезаряда не хватит.

— У нас еще одна школа, — сообщил Чиж. — Кажется, нашли.

— Кого?

— Мальчики. Двое. В состоянии шока.

— А девочка?

— Нет.

— Чиж уведет детей, а мы с вами встречаемся у храма. Стася, ты скорей всего права, девочка там, — передал капитан.

— Дети сказали?

— Мальчики ничего не могут сказать, — с глухим рокотом злости проскрипел Чиж. — Ты бы их видела!

— Я и не такое видела, — угрюмо бросила женщина, обозревая пространство впереди — толпа во главе с мужчиной в набедренной повязке с декорированными черепами концами, которые были обернуты вокруг талии и в черном плаще, завязанном на плече.

— Жрец, — отчего-то сразу определила Стася. — К нам послы.

— Пошли их, — посоветовал Аким.

Сван фыркнул:

— Вряд ли поймут.

— И точно не пойдут.

Им пришлось остановиться, потому что плотная стена индейцев просто не давала возможности пройти без боя, а стрелять не хотелось. Жрец начал приветствовать гостей, махнул рукой, и вмиг раскрывшаяся толпа пропустила процессию из юных богато одетых девушек, несущих дары. Блюда с моисом, авакадо, бусами, кувшины с зерном, травы, полотно с вышивкой, изумруды, нефритовые поделки, золотые статуэтки, начали складывать к ногам пришельцев.

Стася качнула пальцем: не надо.

Жрец тут же выставил руки, останавливая девушек. Чуть склонился, вглядываясь в лицо женщины и, выставил ей открытую ладонь, предлагая сказать, чего она хочет.

— Девочку с золотыми волосами, — почти четко сказала, повторяя за лингватором в ухе.

Жрец выпрямился, закаменел.

— Как отдать то, что не имеет цены и как не отдать тем, кто сами бесценны?

— Отдать, — повторила твердо Стася.

— Ребята, у Чижы проблемы. Его окружают и зажимают, — сообщил Иштван.

— Нас тоже зажали. Девочка у жрецов, — сообщила Русанова.

Жрец, после долгих раздумий, развернулся и, приглашая следовать за собой, нехотя побрел вверх по улочке. Следом толпа, любопытствующей массой шествовала рядом, все больше сужая пространство вокруг гостей.

— Братцы, как хотите, но мальчишек вытаскивайте, — отдал приказ Федорович.

— Мне придется снять засевшего в тростнике плевателя.

— Аккуратно.

— Ааабижаешь! — тихий хлопок был различим лишь в переговорнике.

— Мы идем к храму, — отрапортовал Сван. — Наступают на пятки.

— Командир, у нас намечается заварушка, — передал Иштван.

— Прикрой Чиж с детьми и отходи вместе с ним. Аким прикрой их.

— Понял!

Судя по монотонным хлопкам, начался бой. Стася поморщилась и ускорила шаг: нужно найти девочку и успеть вывести. У них от силы пять минут на это.

— В любом случае, хотя бы двоих вывели, — сказал ей Сван, понимая, что как только слух о бое докатится до центра города, их возьмут в кольцо и они окажутся в самой гуще горячих событий.

— Еще не вывели.

— Чиж в сторону! — донеслось. — Парней сюда, ну!

— Похоже, мы движемся к апогею, — пожевал губы Сван.

— Ребята, прикрываю двойку и четверку. Жарко. Меня пока скидывайте, — сообщил Аким. Сван и Стася переглянулись и ринулись к храму бегом.

— Ян, как "зеленка"? — спросил командир.

— Есть!

— Чиж, уходишь вместе с детьми!

— А-аа! Твою... Су... Б...

— Не засоряйте эфир, юноша.

— Детей прикрывай!!

— Чиж, уходи оттуда!!

— Аким, вниз! «Зеленку» внизу! Нам их не поднять!!

Стася и Сван влетели в храм, отпихивая жреца, Иван подоспел с полминутным опозданием и занял позицию у входа. Чтобы возмущенные подобным непочтением ацтеки сдержали свои страсти, пришлось выпустить очередь в ноги, останавливая их рвение. Пауза в минуту от силы, но все же на минуту, на целых шестьдесят секунд, шестьдесят шагов.

Стася и Сван разделившись, полетели по помещениям, вламываясь в комнаты, вспугивая и возмущая знать. Особо резвые начали отвечать и Сван ввязался в драку. Стасе пока удавалось обойтись менее радикальными способами. Одних выстрелом в пол остановить одних, других ногами в грудь и пистолетом в зубы. Страсти назревали с нешуточной прогрессией, а девочки все не находилось.

— Она здесь!! — закричал Сван. — Меня зажали!

Русанова бросилась к нему чуть не по головам бегущих к ней воинов. Резкий разворот и уход влево, скольжение по краю барельефной стены и женщина разминулась с основной массой желающих взять ее.

— Чиж не уходит!!

— Выкини его на...!! — заорал Иван.

— Я ваш, — объявил Аким. — Мальчишек отправили. Здесь индейцев как муравьев.

— Меняй позицию.

— Я пробью «зеленку» у края тростника справа, — бросил Ян. — Двигайте ко мне, тот коридор закрыт.

— Все стягиваемся к семерке! — постановил Иван. — Стася, Сван? Что у вас?

Стася как раз разминалась с воинами, весьма умелыми натренированными мужчинами, а Сван пытался отбиться от других и при этом прикрыть поскуливающую от страха девочку.

— Не молчать!!

— Бога... Душу... — рыкнули оба.

— Так-то, — вздохнул капитан.

Стася поднырнула под рукой воина и, прокатившись по полу, откинула стопой в колено другого с дороги.

— Ребята, к храму подтягиваются лучники и мальчики с боевыми топориками. Лица приятной суровой раскраски, — предупредил Ян.

— У нас толпа на хвосте, командир, — бросил Иштван. — Будем пока кружить.

— Стася, сколько вам надо времени?

Женщина глянула — до Сван и девочки один зал... и человек двадцать горячих аборигенов.

— Пять минут.

— Иштван, десять минут на круг! — передал приказ Федорович.

— Ясно!

— Ян, пятиминутная готовность!

— Жду.

Стася вспрыгнула и пробежалась по краю стены, плечом откинула наседавшего на товарища индейца, второму оружием по лицу съездила. Перехватила девочку и дала очередь

отпугивая ретивых — ацтеки лишь на секунду дрогнули. Сван развернувшись и выказав потрепанное спаррингом лицо принялся работать локомотивом, прокладывая путь вперед — достали его и разозлили донельзя. Станислава прикрывала его и девочку со спины. По дороге пришлось таки двух индейцев угомонить, иначе либо ребенка, либо мужчину убили.

Патрульные вывалились на улицу и в тот же миг Иван дал залп в гущу толпы, заставляя праздных любопытствующих раздвинуть свои ряды и пропустить гостей.

Сван подхватил икающего от ужаса ребенка на руки и рванул за капитаном, Стасе пришлось отстреливаться. Игра закончилась — в бой вступили лучники и на патруль посыпались стрелы. На удачу, Ян успел нанести удар и произвести смятение в рядах ацтекских стрелков, но второй залп мог оказаться более продуктивным, поэтому мешкать не стоило. «Зеленые» рванули со всех ног, давай предупредительные залпы по желающим их остановить.

— Командир, идем к тебе! — крикнул Аким.

Их зажали на улице. Пришлось воспользоваться дворами и, кружить по ним, уходя от стрел и ретивого воинства с топорами и дубинками. Уже ближе к каналу Сван достали стрелой в руку. Пока Стася перехватывала девочку, мужчины встретили волну лобовой атаки. Индейцы сыпали со всех сторон, намекая, что их много и они упрямы, «зеленые» же злы и с рычанием били всех, кто подступал.

В воздухе уже не только стрелы свистели, но и метательные топоры. Один воткнулся в жердь стены над ухом Ивана и тут же улетел обратно, навстречу со лбом хозяина. Сван злой из-за ранения ревел как морал в брачный период и щедро раздавал удары, стрелял во все, что двигалось. Стасе пришлось вести отстрел, постепенно продвигаясь в сторону от гущи насевших, уводя ребенка.

Аким и Иштван, сходу врубались в драку, образовали коридор. Один схватив Сван за шиворот откинул в сторону от летящего ему в голову топора и выстрелом снял еще одного метателя. Другой прикрыв Стасю и девочку. Перехватил ребенка и потащил к точке уже под прикрытием женщины.

— Уходим!!

Патруль вывалился к реке и был обстрелян из духового оружия. Куртка Ивана как и Акима, превратилась в шкуру ежика, но к счастью никто из людей не пострадал, а второго залпа ядовитых шипов не последовало — Ян систематично угомонил основных «плевателей».

— Зеленка есть, командир, — сообщил.

— Здорово, только нас еще нет, — оттер кровь с губы Иштван и выстрелом откинул особо назойливого ацтека — надоел!

— Вы окружены.

— Новость, — буркнул Аким, перебираясь через канал, окруженный товарищами. Индейцы не остановились — кто на каноэ, кто вплавь кинулись за ними, а те, что засели на другом берегу нетерпеливо ждали гостей, чтобы, наконец, тоже поучаствовать в сражении. Складывалось впечатление, что взять патруль становится делом чести и жизни ацтеков.

— Да откуда их столько?! — взвыл Сван, ступая на другой берег и врезаясь в кусты и притаившихся парней. Двое легли, остальные накнулись.

Сто метров до точки патруль шел больше часа и вконец потрепанный и выдохшийся, влетел в зелень воронки вместе с топориками и стрелами. Одна достала Яна уже в воронке и он выпал в бокс, еще не соображая, что его ужалило в поясницу.

Стася, не устояв, рухнула на колени на пол, Аким просто лег вместе с девочкой, которая давно была в обмороке от пережитых событий. Остальные шатались, но устояли на ногах. И судя по лихим ругательствам Сван, могли еще час мутузить туземцев, щедро возмещая им гостеприимность встречи.

— Обычное дело, да? — тяжело дыша, просипел Аким, недобро уставившись на женщину.

— Ага, — заверила.

— Кто-то недоволен? — вытирая лицо от пота и крови, спросил Федорович.

— Не-е, — приподнявшись, махнул рукой Шалович. — Только просьбочка небольшая, командир: можно на следующее обычное задание я пару ЛП возьму и пару лазерных автоматов?

— Нет, — отрезал тот. — Но можешь написать рапорт о переводе в диспетчерское подразделение.

— Благодарю, — глянул тот недовольно и больше ни слова не сказал.

Иштван засмеялся, указывая на что-то за стеклом.

— Ни-ни-николай-ай!

Чиж метался у дверей последнего коридора, мешаясь медикам, и все норовил прилипнуть к стеклу, чтобы лучше видеть своих. Но встретил он их молча. Яна и девочку тут же приняли медики. Сван же отбился, клятвенно заверив, что явиться сам по их душу, но минут через двадцать. Капитана и Акима вовсе не выпустили за дезинфектор, пока не забрали куртки с приветами от ацтеков — шипами по всей спине.

Потом патруль пополз в арсенальную, приводить себя в порядок в раздевалке, а капитан докладывал по видеофону полковнику о выполненном задании, заверяя, что группу зачистки поднимать не надо.

Иштван плюхнулся на сиденье перед шкафом и глянул на часы, кинув оружие рядом:

— Обалдеть, время девять семнадцать, а вышли в два. Семь часов всего прошло, а такое чувство, что семь суток оттрубили.

— Лихой был спарринг, — согласилась Стася, оседая рядом: переодеться бы, да сил нет. Аким напротив рухнул. Сван раздвинул двери в душевую и сунул голову под струю воды.

— Не, это какой урод детей к этим мясникам на экскурсию посылает?!

— Сейчас Иван явится, у него спросишь, — лениво бросил Иштван.

— Как пацаны, Чиж? — спросила Стася, глянув на каменную физиономию мужчины, который молча стоял у дверей и смотрел на товарищей. Он повел неопределенно плечами и нехотя ответил:

— У психологов в гостях.

— Понятно, — кивнул Пеши, поднимаясь, переодеваться начал.

— И родителям приятно, — заверил Сван, вываливаясь из душевой с одноразовым полотенцем. Вытер лицо, покосился на дыру в куртке:

— Убил бы! Второй раз за месяц в лазарет попасть!

— Яну не повезло, — закрыла глаза Стася, чувствуя блаженную усталость сродную с апатией.

— Повезло. Вытащат.

— А могли всех положить! Всех! Просто так! Из-за каких-то уродов! — процедил Аким. Все уставились на него холодно и недружелюбно.

— Ныть будешь, не сработаемся, — тихо заметил Чиж.

— Да пошел ты!...

— Тихо! — подняла руки Стася. — Не лайте. У него просто нервы шалят, пройдет.

— Мы все при полном комплекте нервных окончаний, давайте закатим дружно истерику и потребуем особо чуткого внимания к себе. Что получится? — пожал плечами Сван, стягивая куртку. Аким же притих, потер лицо ладонями, посидел и кивнул.

— Она права.

— Еще один залет, браток, спишут психологи. Истеричка в патруле — балласт, а балластом у нас всегда полное обеспечение на заданиях, — предупредил Иштван и пошел в душевую, обмотав бедра полотенцем.

Мужчина смутился, полез в шкафчик переодеваться. Стыдно — Стася женщина и то подобного не допустила, а он раскис. Оправдываться и говорить что-то бессмысленно. Остается уповать на понимание товарищей и их не злопамятность, а себя на будущем задании крепче в руках держать.

Чиж неторопливо подошел к женщине, постоял и спросил:

— Стася, такое часто?

— Что? — не поняла та.

— Ну, как сегодня, как с этими ацтеками.

— Обычное дело — она же говорила! Что, не понял что ли?! — сорвался опять Аким. Чиж взгляд отвел, подождал пока тот успокоится и отвернется и, сделал резкую подсечку. Руку, которая опору искала, перехватил, за спину завернул и вовсе мужчину в недра шкафчика сунул. Сказал спокойно, но так, что тот дергаться перестал и желание возмущаться потерял:

— Не смей кричать на сестру, которая с тобой слабаком в дерьме купалась, в частности, и на женщину, в принципе. Услышу еще раз — язык откушу.

— Э, Чиж, хорош, у нас так не принято, — качнул головой Сван.

— Жаль, — выпустил тот Акима. — А у нас еще и темную устроить за подобную истерику могут, и бабой до конца срока службы называть станут. Не отмоешься, — со значением посмотрел на Шаловича. Тот волосами тряхнул из шкафа выбравшись: что с ним, сам понять не мог.

— Ладно, вы здесь повспоминайте каждый свое, претензии списком напишите, можете подраться, если мало было, а я в душ, — поднялась Стася. Брюки, куртку стянула, полотенце взяла и пошлепала босыми ногами прочь. Николай как увидел ее фигурку только в трусиках и майке, так будто утром, когда переодевалась не заметил, обалдел. Его развернуло даже. Уставился, талию, бедра, ножки взглядом оглаживая. В груди жарко стало, в голове зашумело — хороша-то!

Женщина за дверью душевой скрылась, а в лицо Николая полотенце Свана полетело:

— Слюнки утри, — усмехнулся и пошел в медчасть.

До вечера Чиж бродил по центру. Не складывалось у него, вопросы мучили, сомнения, непонимание. К мальчикам заглянул, к Яну и не сдержал себя, пошел к Стасе.

— Почему не отдыхаешь? — спросила она, заметив угрюмость в лице и взгляде мужчины. Он послонялся по комнате, сел, на женщину пытливо уставился — та не получив ответа на свой вопрос, повторять не стала — уткнулась снова в файлы, лежала и читала. Хватило ей истерики Акима и меньше всего хотелось от Чиж тот же импульс получить. Показалось той — с претензиями он пришел. А вроде крепкие парни. Жалко было их и остальных членов группы, что вот с такими нервными теперь рисковать начнут, без уверенности в плече товарища на «зеленку» в ту сторону встанут.

— Стася? — позвал несмело Чиж.

Женщина хмуро покосилась на него.

— Я спросить хочу: зачем все это?

Русанова задумалась, отложила файл и села: другое дело. Тут не истерикой, а жадой понимания пахло. Это все меняло, это понятно было и близко. Важно. По себе знала.

— Сам, как думаешь?

— Не знаю, — голову свесил, покачал. — Ну, мы... ладно. Но зачем детей туда, ты зачем?...

— Зачем? Зачем... Затем, чтобы ребенок не догмами питался и не чужим мнением, а с малых лет свое имел, чтобы понимал, как оно жить вот так, как жили те же ацтеки, как жили в средние века. Чтобы не голословным, а подтвержденным были для него достижения цивилизации, чтобы он ценить научился каждый день свой, окружающих, небо над головой. Чтобы мышление ребенка базировалось не на давлении мнения взрослых, а на собственном видении мира.

— И, получается? — недоверчиво уставился ей в глаза Николай.

— Да. Эти мальчики теперь не понаслышке знают, что такое военное дело, как это когда живут в таких условиях, под давлением, гнетом социума, плановости. Как это бить и убивать. Им не понравилось, они не станут бить, не захотят убивать. Они запомнят урок на всю жизнь и будут ценить данное им, свою жизнь, чужую. У нас давным-давно нет преступности. Нет, случаются такие вещи, как с этими детьми — не намеренная халатность, или отдельные личности думают о себе больше, чем они есть, устраивают эксцессы. Но они не так часты, как было у вас. Войн у нас нет, денег нет, делить нечего, делиться не с кем.

— А что есть?

— Единая земная цивилизация. Сообщество равноправных граждан.

— Миф. Чушь.

— Относительная равноправность. Понятно, рядовой не может то, что полковник, но перед законом равен и тот и другой, и закон морально-этического норматива читится выше юридического. Конечно, наше общество не совершенно, но совершенства в принципе не бывает. Но у нас не убивают за баррель нефти или кусок медной проволоки. Именно потому, что дети со школы прикасаются к тому, что было и могут сравнить с тем, что есть. Они кстати, подрастая, помогают увидеть недоработки, исправляют их.

— Все равно... Ты не видела глаза мальчишек — в них же... Я видел такие не раз, думал хоть здесь этого не встречу.

Стася отвернулась.

— А ты? Тебе это зачем? Поставили, сама попросилась? Рисковать нравится? Крутую из себя изображать?

— Ничего «крутого» в патрулировании нет. Мне нравится выполнять свой долг и быть полезной — все. Нравится не рассуждать, а делать и видеть результат. Рисковать? Разве такой риск позорен или неоправдан? Сегодня мы вытащили трех детей...

— И убили минимум сорок индейцев.

— Ты невнимателен. Мы снимали их, но не убивали. Из сорока предъявленных тобой убито от силы пять, остальные легко ранены.

— Это оправдывает? Если бы вы не шатались во времени, этого бы не было. Не было детей застрывших в самом дерьме, не было бы убийства, потрясений для обеих сторон.

— Возможно, ты прав, но если судить с твоей точки зрения, а у меня своя есть. Для вас история была наукой фактов базирующаяся на домыслах и гипотезах, как правило, но меж тем создала парадигму и впаивала ее в умы. А что давала, чему учила? Многих ли? Вот для тебя, что такое набег Чингисхана? Голый факт, теория вероятности с блеклой картинкой татарина на коне и тьмой его войска ползущего на Русь. Ну и что ты понял, что почувствовал, представив это? Какие иллюзии и заблуждения родились у тебя? А на факты посмотри, не в учебник, на строчки в книге, а на правду, что и как там было. Собственными глазами увидь, как нападают на сонное селение обычных крестьян, которые работали в поле, растили детей, жили честно, спокойно. С вечера еще легли спать, планы строя: корову подоить, репу прополоть. Мать детишек на печи уложила, в лоб поцеловала. Муж с женой любили, о дите думали, о коровке, что скоро отелится и будет у них прибыль в доме. А утром и тех детей, что на печи спали, и мужа на глазах жены и жену — всех убили. Просто так. Изрешетили стрелами, деревню подожгли. Тактика такая была, не щадить никого, степь жженую после себя оставлять. Вчера еще запах душицы, свежего сена, хлеба по деревеньке разносился, голоса детские, радостные, мычание коровенок, мерные приветствия, неспешные беседы, а сегодня только запах дыма и горелого мяса, трупы, кровь, пепелище... Забудешь ты, если это увидишь? Как отнесешься? Что теперь будет стоять перед тобой за сухими строчками — с такого-то по такое-то — нашествие Хана Батыя или Чингисхана. Как к войне вообще отнесешься, и что думать о желающих развязать ее будешь? Куда пошлешь того, кто схематичную версию завоеваний как достижение полководца будет толкать? Человек, только лично испытав, запоминает, только сам понимает, хоть втолковывай, хоть нет. И если после такой экскурсии хоть пара детишек поймет что такое завоевывать и как оно на жизни окружающих сказывается, если поймет лично для себя что хорошо, а что плохо, если

сообразит, что какой-то дядя с дури алчности рванул, кого-то покорять и это будет стоить жизни многих и многих, ради одного, ради собственного тупого самолюбия, то значит не зря экскурсия была, не зря деткам события тех лет воочию показывают. Так рождается понимание истинных и ложных ценностей, принципов вечных и принципов единоличных, понимание правильности и несправедности. Так появляется личность, индивид, а не толпа, вон как у ацтеков. Все так, значит и мы, а иначе против, а против значит к жертвенному столбу или в рабы, подчиненные. Только нет подчиненных, нет рабов и господ, и разницы нет меж нами, и понимаешь это, когда видишь, как тот же ребенок в Африке от голода пухнет, а в средневековой Европе от чумы города вымирают. И понимаешь, что люди независимо от возраста и статуса, цвета кожи и положения в обществе одинаково чувствуют, одинаково страдают от войн и болезней, от несправедливости, теряют близких, любят и ненавидят. Взгляд не «из», а взгляд сверху, со стороны, в объеме, меняет все. Именно это и культивируют у нас, растят не паразитов и приспособленцев, а равноправных членов общества, которые не потянут его вниз, но поднимут, не поставят себя выше, но человечество в целом, не ради покорения космоса или чужой страны, а ради развития и полноценного существования наполненного смыслом. Если ты считаешь, что все это ерунда и миф и ради этого не стоит рисковать, значит так и есть. Для тебя. Переубеждать не стану — твое право иметь свое мнение и его придерживаться. А у меня оно другое, и согласись, я тоже имею на него право.

— Это идеализм, — заметил, внимательно поглядывая на женщину. Понять не мог — кто она, откуда такая?

— Норма.

— А работа обычная, — усмехнулся.

— Хватит подкалывать. Что вы меня этим словом поддеваете? Для нас обычная работа, и я сказала как есть для меня, для вас в нашей работе есть что-то необычное — это ваше дело. Идите, подавайте рапорт и получайте билет на выход, занимайтесь цветоводством или озонированием мегаполисов. Вас никто не держит.

— Не заводись, я не хотел обижать. Просто... Ну да, мне сложно принять обычным, что в принципе необычно. Насколько у нас в мое время работа была сложной, а здесь того хлеще. Там я на курорте отдыхал, такое чувство. Стася, но ведь убить тебя могут.

— И тебя.

— Это другое.

— Нет. Ценность жизни одна, одинаковая для всех. А вот цена прожитых дней и лет у каждого своя. Я знаю, что могу погибнуть в любой момент и знаю за что. И готова, и жалеть не стану, потому что не стыдно за прожитое. Я только здесь ценность каждой минуты поняла, бессмысленность траты нашей жизни на всякие пустяки типа нытья, бед, проблем

личных. Ах, у меня кактус засох, а тут соседка криво посмотрела! Такая чушь! Тебя может завтра, а то и через минуту не будет, а ты драгоценные минуты на ерунду тратишь, прожигаешь. А столько можно было успеть, столько помочь, столько хорошего сделать.

Николай морщился, разглядывая женщину, и видел — она искренне верит в то что говорит, не фальшивит, не повторяет красивые фразы умных дядек и тетек. Она так думает. Это ее кредо. И до боли жаль стало, что вот эта, чистая в своих стремлениях идеалистка, взрослая тетенька и все же наивная девочка встретила ему так поздно, что и хочется верить ей, а не может. И неуютно от понимания, что не одна она такая и люди здесь действительно так думают и так живут, а ты черная ворона в белой стае, никак со своей чернотой расстаться не можешь.

И страшно, что вот это создание, толкающее утопические идеи в жизнь может действительно погибнуть. А главное, знает это и ничуть не печалится. Что же она совершила уже, что успокаивает ее, делая настолько сильной в слабости идеализма? Неправой и все же абсолютно правой, привлекающее заманчивой со своей психологией.

Но такая уж она правильная? — ел червячок сомнения и грызла за него совесть, а прагматизм решил посмотреть, что дальше и присмотреться сильнее.

— Чай предложишь? — улыбнулся.

— Сам не в состоянии себе налить? — бровь выгнула, лукаво улыбнувшись в ответ.

Чиж согласно кивнул и полез в панель за чашками.

Совсем недавно тяжело на сердце было, а сейчас светло стало, спокойно. Хотел он или не хотел, но слова Стаси в душу запали, прижились и начали прорастать.

— К Яну заходил?

— Да. Он нормально. Обещают через неделю поставить в строй. Медицина у вас фантастическая.

— У нас, — поправила. Чиж подумал и согласился.

— У нас.

Они переглянулись и улыбнулись друг другу — недоразумений и непонимания, словно не бывало.

Глава 6

День прошел, второй. Встреча с ацтеками начала блекнуть и вызывать больше улыбок, чем нервозности при воспоминании. Аким ходил слегка пришибленный и видно все ждал осуждения, но никто не вспомнил инцидент в раздевалке.

Взаимопонимание в команде было удивительным, а дружелюбие вообще в центре, феноменальным. Чиж уже и не представлял себя иначе, чем здесь, со своей командой, а атмосферу иной, чем такой.

Постепенно он перезнакомился со всеми патрульными. Особенно сошелся с Дмитрием Варлеевым из третьей команды и с Володей Сазоновым из первой. Оба оказались восьмерками один из Афгана, другой из времени первой Чеченской. На теме воспоминаний мужчины сошлись, а потом оказалось, что и увлечения у них схожи, взгляды. Мужчины все чаще стали общаться, играть в теннис, иногда в карты по вечерам в комнате то одного, то другого, то просто собираться за чашкой чая поболтать. Это не разделяло Николая со своими, наоборот помогало их понять больше. Новые друзья помня себя на его месте охотно делились информацией, разжевывали, что непонятно, и Чиж уже не чувствовал себя неучем среди мудрецов, не принимал сказанное тогда Стасей за идеализм. Оказывается, многие думали как она, а история, старые, давние времена, к которым можешь самолично прикоснуться и узнать, как там было не понаслышке, привлекали и увлекали всех, кто работал в центре. Складывалось впечатление, что здесь работают одержимые. А некоторые и вовсе рискованные сорви-головы — трассеры.

У Дмитрия была мечта перейти к ним и, он мог часами рассказывать о физике времени, параллелях вселенной и пространственных пересечениях, о незнакомом, будоражащем кровь адреналином ощущении неизвестности, когда заглядываешь туда, где тебя может ждать что угодно. Ты можешь попасть в болото или выйти к пирующему викингу — и в этом самый интерес, самый риск и острое «жизни», как он называл. Мечта же Володи была проще — он хотел побывать в древней Руси, помять хазар и кинуть ответку тевтонским рыцарям, позжать руку Невскому и Донскому.

— А я бы Гитлера грохнул, — тихо сказал Чиж. Мужчины внимательно посмотрели на него и, Сазонов кисло выдал:

— Нельзя. Жизнь выдающихся деятелей истории менять нельзя, они стоят в основании временной ленты, как маячки прогресса.

— Вообще, ничего нельзя оттуда брать. Контрабанда. И туда нельзя, чтобы не мешать чистоте происходящих событий и не повлиять плохо.

— Не поверю, что наши не прихватывают каких-нибудь мелочей на память.

— Экскурсии серьезно досматривают и наказывают строго.

— Ну, и правильно, — заметил Митя. — Представь, что будет, если каждый напишет на основании плиты пирамиды Гиза: здесь был такой и такой, и прихватит камешек со строительства. От фундамента одни воспоминания останутся.

— Все отбирается и передается ученым. Только они могут изымать с санкции какие-то определенные вещи. Или там пробы грунта, растений. Остальным банзай за это. Общественное фи и косяк до конца жизни.

— И только? — удивился Николай.

— Да пойми ты, чудака — человек, здесь не так как у нас, здесь люди сами по себе другие. У них просто в голове не уложится взять чужое, пронести втихаря. Зачем? Спрашивают. Я Ромку Левшина из трассеров просил, мол, меч там или какое оружие древнее наше пронеси, если занесет. А он мне — ты чего, Дима? Оно же чужое. И зачем тебе? Любоваться? Иди в местный музей времен и любуйся на здоровье, хочешь и потрогай, а просто так брать, чтобы на стену повесить или посмотреть на него, глупо и тупо. Оно, мол, там кому-то пригодится. Зачем у человека его отнимать? Для тебя это раритет, для него возможность выжить или память. Короче, грузил, наверное, часа два и я одно понял, они ко всему с умом подходят, но вывернутым каким-то.

— Да ничего не вывернутым — правильно все, — заметил Володя.

— Не, не спорю, — выставил ладонь тот. — Но здесь все на рациональности и трепетном отношении к личности и собственности этой личности, но собственности своеобразной. Не дай тебе Бог там из Помпей перед самым извержением любимую статуэтку Юноны у торгаша взять. Это его огорчит, а тебя заклемит.

— Да потому что неизвестно что случиться может. Он с огорчения побежит ее искать и изменит все события, или накажет ни в чем не повинного раба, или там еще, что у него не так сложится, пойдет сдвиг в цепи исторических событий. А так как чужая душа потемки и ты не знаешь, что и отчего у него сдвинется, лучше ничего не трогать.

— Но! Купить можно или обменять, или там взять на прокат.

— И с собой сюда принести.

— Если санкция есть. Подаешь прошение: хочу меч династии Али какого-нибудь. И обоснования — зачем он тебе нужен. Если веские аргументы — выдают разрешение посетить рынок этого времени и если повезет — покупаешь, нет, извини.

— На что покупаешь?

— Ну, обмениваешь. Если очень хочешь, значит, знаешь на что. Да что ты к нам с этим вопросом? У Стаси спроси, она лучше знает.

— Откуда? — насторожился. Мужчины переглянулись, замялись.

— Только меж нами браток, — выставил ладонь Володя. — А то пойдут слухи, хорошего человека подведем. Я-то что брякнул — ты же с ней в одной группе, вот и думал — знаешь. Она монеты древней Руси собирает. Пунктик такой.

— Нумизматка?

— Ага. Но начальством не приветствуется.

— Почему?

— Потому что контрабанда. Просто в каждой группе свои секреты и свои пунктики, каждая о них знает и молчит, потому что и твоих другие знают. Мне, например пацаны из второй группы подарили на День Рождения, клинок самой настоящей булатной стали. Представляешь? Пронесли. Рисковали. Обменивали на что-то, это точно, потому что красть ни у кого и в голову не войдет. Но сам факт!

— Марина вон из нашей группы, ракушки собирает, — сказал Дима. — Тоже проблема пронести, хотя кому плохо? Но как радуется девочка! Блин, я бы ей все побережье сгреб. Нельзя. Так, периодически получается прихватить. Она визжит от радости. Вроде ерундовина такая, а Марина в восторге. Тоже пунктик.

— А у Стаси значит монеты?

— Ага.

И засмеялись, видя, как заблестели глаза мужчины.

— Слушай, брат, а ты часом в свою сестренку не того? — подмигнул ему Володя.

— Ну-у, — помялся. — Хорошая она.

— Ха! — фыркнул Дима. — Здесь плохих нет. Наша вон...

— Да ты сам того!

— И чего?! Да! Я ей даже предложение делал.

— Но с ответом она не торопиться, — поняли по лицу товарищи и рассмеялись.

— Ребят, монеты будут вы... ага? — подмигнул им Чиж.

— Ага, — улыбнулся Вова. — Прямо сейчас один алтын отдать могу. Нашел, а передать все не мог. Зажал ваш Федорович в последнее время, конфисковывает только услышит.

— Что так?

— Твой командир ты и спрашивай. Может, слушок до начальства дошел, вот и придерживает, может что личное.

— Что-то было у них?

— Ну, Чиж, сплетни не к нам. Но отношения у них особые — давние. Если я правильно запомнил — лет пять они вместе в патруле. Здесь сам почувствовал, неделя, пара заданий, и уже все свои. А тут пять лет!

— Ну, да, — ежик волос потер, соображая. — Монету-то давай.

— Ох, хитер, — посмеялся Дима.

Николай шел к себе, сжимая в кулаке неприглядную монетку и, думал, как Стасе ее передать, под каким соусом? И как вывести что к чему? Что с Иваном у нее? Тот разговор в раздевалке ему крепко помнился и сейчас в свете последних новостей тон и, суть разговора казались непростыми, на ревность со стороны капитана похожие. Хотя посмотришь — нормальные дружеские отношения. Конечно, для этого времени и этого места нормальные.

Был бы он у себя — точно служебный роман заподозрил. А тут все друг с другом как родня и влюбленные. Что Иштван, что Сван к Стасе, что она к ним, и к капитану так же и, капитан тоже. Иди, разберись.

А хочется. И думать про Стасю хорошо и верить, что ни с кем она, сама по себе, что чистая, настоящая, вот какой кажется такая и есть. Но с другой стороны — с Федоровичем, если — естественно, нормально. Пять лет вместе по времени шатаются, это и крокодила с бегемотом сблизит, а тут двух правильных, замечательных людей. Капитан мужик что надо, Станислава, женщина редкая. Одно по сердцу царапает — Чижу в этом раскладе места нет.

Братишка ей? Здорово. Только чувства у него к ней далеко не братские и мысли не целомудренные.

Нет, не стает он торопиться, подождет с монетой удобного случая.

Мимо Бродвей — трассер Борис Орвий с радостным криком пробежал.

— Борь, ты чего?! — окликнул его Николай.

— Наши «синих» сделали в гандбол!! — подпрыгнул почти до потолка и дальше помчался, встреченных о победе оповещаая.

И все новости за день. А сколько радости?

Вот времена чумовые, — не сдержал улыбки мужчина: вернуться бы, ребятам рассказать, что в будущем людей волнует, что радует. Они бы тоже порадовались, потому что поняли — не зря, значит, воевали, не зря жили, если к такому удивительному знаменателю все пришло. А еще концом света пугали! Хотя, правда, конец — пуганию, лжи да грязи. И хорошо, что те времена ушли. Очень хорошо.

Плохо, что до этих эволюций цивилизации еще ползти и ползти.

Эволюция эволюцией, а реакция и скорость для патрульного прежде всего, поэтому ежедневно перед тренажерным залом и тиром разминались в спортивном, с обязательной программой из любого вида спортивных игр. Сегодня был гандбол. Иван гонял всех не щадя и не давая постоять на месте. Ян, которого перевели на щадящий режим и с помощью капитана отпустили из медцентра, подгонял мячами зазевавшихся. Мячи летели, игроки путались в них и подбирали, ловили, отправляя обратно в большую корзину, но при этом должны были успеть не пропустить основной мяч.

Несмотря на заданный темп, игра шла вяло. Сван, вместо того чтобы ловить мячи, уворачивался от них, Стася вовсе ползала по полю то за одним, то за другим, а Иштвана не было — его на задание отправили, и львиная доля нападений и беготни досталась «молодым».

Федорович был недоволен, поворчал, прикрикнул, погонял, пытаясь расшевелить «стариков» и сдался, решив отыгаться в тире.

— Переодевайтесь, жду на стрельбах.

Группа пошла в раздевалку. Чиж внимательно посматривал на Стасю, видел, что девушка не в настроении и думал, как ей подарок передать, порадует ли он ее.

— Тебя сегодня, как сварили, — заметил, останавливаясь у ее отсека. Женщина поморщилась:

— Геопатогенная обстановка, наверное.

— У нее застой от бездеятельности, — бросил Сван, натягивая брюки. Николай покосился на него: быстрее бы ты ушел, и опять на женщину уставился, привалился плечом к соседней панельной дверце шкафа.

— У меня вещица одна есть.

Стася брюки вытащила, зевнула:

— Как интересно.

— Монетка.

— Ага.

И повернулась к мужчине, задумалась. Жетон поверх майки Чижа поправила:

— Времен социалистического застоя или демократии Прешты Будовича?

— Алтын.

— А-а, — протянула, на Сван зыркнула — тот копался в своем отсеке не обращая ни на кого внимания. — И чего ты хочешь мне сказать? — качнулась к Николаю, а в глазах действительно интерес появился.

— Не сказать — отдать. Если надо. Нет, так нет...

— Надо! — заверила и ладонь выставила. — Давай.

А сама верит и не верит.

Чиж улыбнулся: дитя, ей Богу. Свой отдел открыл, полез на полочку, а Стася за ним наблюдает, выглядывая из-за дверцы.

— Прошу, — прямо в ладонь вложил, своей рукой накрыл. Женщина, торопясь убедиться, что не солгал, руку отодвинула, увидела монету и заулыбалась, будто мужчина ей ключи от авто подарил.

— Мне? — уточнила.

— Если надо, — невольно заулыбался Чиж, видя как улыбка Стаси все шире и лучистей делается и, в глазах искорки появились, радость такая, что сам запрыгать готов.

— Коля? — со счастливой улыбкой до ушей прошептала, приманивая пальцем. Мужчина к ней поддался:

— Чего? — спросил тихо.

— Я тебя обожаю! — засмеялась, прыгнув ему на шею. Николая качнуло больше от растерянности, чем от неожиданности. Знал бы он, что на такую древнюю мелочь женщина как на предложение о женитьбе прореагирует, он бы всю параллель групп потряс на предмет этих монет.

Я тебя тоже, — ответил взглядом, обнял ласково, сам себе не веря, что вот она, в кругу его рук и не отталкивает. Она монету рассматривала, а Чиж ее за талию обнимал, любовался, млея от тепла под руками, у груди, от близости женщины. И робел отчего-то, еле сдерживался, чтобы не поцеловать ее, под майку руки не запустить, кожей к коже прикоснуться.

Стася зажала алтын в кулаке, чмокнула Чижа:

— Да, да! — подпрыгнула. А на лицо — цветник благоухающий.

— Поздравляю, — похлопал в ладоши Сван, развернувшись к ним. — Завтра свадьба, — хохотнул. К неудовольствию Николая Станислава засмеялась в ответ на шутку и к своему шкафчику ушла, выскользнув из рук мужчины.

— Так! Долго еще коал в сончас изображать будите?! — распахнув двери в раздевалку, рыкнул Иван. — Бегом в тир!

— Две секунды, командор! — заверила Русанова радостно, дурашливо приложив ладонь к виску. Федорович подозрительно оглядел ее, потом Чижа, что с расстроенной физиономией мялся рядом и, приказав:

— Минута на сборы! — вышел.

Тир место своеобразное — темное, крытое помещение с зеркальным потолком аркой высотой метров шесть от пола, сплошь засыпанного песком. Входишь из-за барьера и идешь в бесконечность, потому что конечного пункта из начального совсем не видно и каждый раз подходя, кажется, что он то приблизился, то отдвинулся. И в любой момент, когда ты идешь с командой, тебя могут отделить и запутать, с помощью вырастающих стен. Мишени выскакивают произвольно, так что и не угадать: то с потолка белка прыгнет, то из песка манекен выскочит. И каждый раз голограммы живых существ настолько четкие, что Чиж на первом занятии слегка растерялся, пару животных пропустил — жалко было красоту такую бить. Но палить нужно было не во все, что движется, появляется и проявляется — только то, что с зеленой меткой. А она у кого есть, у кого нет, у кого маленькая, как пятнышко, у кого огромная.

На что Чиж себя неплохим стрелком считал, но как ни старался, все равно из занятия в занятие больше девяти баллов из возможных десяти не зарабатывал и раньше всех к точке сбора не приходил. И постоянно появлялся тогда, когда Стася на месте была, разоружалась.

— Как у вас получается? — бухнул с досады автомат пистолет на стойку.

— Многолетние, упорные тренировки, — посмеялся Сван. Федорович на экран смотрел:

— Девять, Чижов, опять только девять, — бросил ему. — А можешь десятку легко взять. Белку, почему упустил?

— Красивая, — улыбнулся Сван.

— У нее метка на зубах — пока показала, пока увидел — ушла, — ответил Николай, поглядывая на Стасю. Сван на него косился, примечая эти взгляды — не первый раз, и голову мог на отсечение дать — не последний. На женщину зыркнул — та пояс и лифчик снимала, сдавая в арсенал, а на Николая ноль внимания.

— А лейтенант сколько? — спросил осторожно Чиж у капитана. Тот уставился на него с прищуром:

— Десятка.

— Как обычно, — хлопнул по плечу Сван. — Сдавай оружие.

— Аким на подходе и Ян, — заглянула из-за плеча Ивана на экран Стася, при этом прижавшись к мужчине, руку положив ему на спину. Чижа перевернуло, по лицу как по неисправному экрану рябью пошли недовольство, обида, ревность.

— Э, да ты всерьез на Стасю глаз положил, — тихо, так что только он услышал, сказал Сван, за плечо его придержав, чтобы сдуру чего не натворил — пистолет-то он интересно держал — на капитан ствол направив. Мужчина вниз оружие опустил и забрал осторожно — от греха. Николай не сопротивлялся — загрузил только, вконец расстроился.

— Я бы ничего...

— Так и понял.

Мужчины переглянулись.

Сван понял, что до точки Чиж доходит и, бросил так же тихо, как и остальное говорил:

— Хочешь, с хорошей девушкой познакомлю?

— Нет, — отвернулся.

— Я серьезно. Пошли сегодня с нами, отдохнешь, развеешься. Тебе надо.

— Куда?

— К диспетчерам. Посидим, пошепчемся. Я, Иштван, ты, и девушки.

Чиж хмыкнул: понятно. И поморщился: что тебе понятно? Здесь все шиворот на выворот. Приглашение ясное, и чем в компании заниматься будут тоже, но вот неувязка — это бы он про свое время точно знал, а здешние нравы другие и вряд ли трах под водку и гитару намечается. Тогда как развлекаются, расслабляются?

— Идем, — согласился, расстегнул пояс и лифчик, оружие на стойку капитану положил. — Оружие сдал.

— Свободен. После обеда встречаемся в тренажерном зале, — не глядя ответил Федорович. Стася хоть бы ухом в сторону Николая повела. Сван хмыкнул, умиляясь Чижову, который все стоял и ждал, когда же реакция с ее стороны последует хоть банальное «пока» она ему скажет. И подтолкнул его к выходу, увлек за собой.

Глава 7

Вечером Стася стояла в холле между входом в столовую и продуктовый отдел, и соображала, как ей без подозрений, что нужно взять? Понятно никто, что кто берет проверять, не станет, но может быть и наоборот. Три года назад так одного списали, засекли несанкционированное сёрферство: лаборанты из очередного рейда вернулись и принесли странную вещицу, которая неумышленно во времена Людовика XIV попасть не могла. И все бы обошлось, если бы доказательств не нашлось, спустили бы на тормозах, забыли. Но на его беду, подняли, как положено, все файлы по контингенту и доказали, что эту ручку с фонариком именно этот патрульный брал на свой жетон. Выяснили, что еще брал и в каком количестве и поняли, что дело нечисто. Начали разбираться, дотошно к каждому фактику придираясь и, составили полную картину падения «зеленого». Парень повадился мелочь всякую в виде ширпотреба и продукты на ту сторону исторической ленты таскать и обменивать их на ценности: монеты, оружие, украшения. Свинство с его стороны, конечно, но факт в другом примечательный — Стася ту историю запомнила и старалась не наследить. И неважно, что ничего она не обменивала — случись и не докажет — вылетит из патруля со свистом, поэтому лучше подстраховаться. Она две недели назад нагребла приметно, сейчас нужно было получить по чужому жетону. Не проблема и все же, трудность.

И тут Сван увидела, что получал в нише конфеты, пирожное, фрукты, а рядом Чиж и Иштван стояли, переговаривались. Стася к ним направилась:

— Затариваемся, мальчики? Томный вечерок намечается? — спросила с хитрющей улыбкой, упаковки на руках обалдевшего Сван перебирая.

Чижу не по себе стало, отвернулся, взгляд спрятал. Иштван на стойку облокотился, внимательно на Стасю посмотрел. Ну, его взгляд ей понятен — понял намек. И так же ясно — не даст жетон. Сван же только набрал нужное.

— Коля, а ты ничего не брал?

— Нет, — буркнул.

— Дай свой жетон.

— Нет! — отрезали разом Сван и Иштван. Чиж с удивлением на них посмотрел, а Стася холодно уставилась на Пеши: не лезь, а? Мужчины непримиримо скривились: сама не лезь. Чиж не понимал, что случилось, косил на одного и другого, недоумевая и насторожившись: ой, нечисто. Знают, что-то ребята про Стасю и та знает, что они знают, но все молчат. Что за тайны и недомолвки?

Шнур с жетоном стянул, подал женщине. Та улыбнулась ему с благодарностью и пошла к панели. Вставила в паз жетон, отбила нужное: пальцы по ряду названий пробежали и пару раз нажали кнопки напротив странных продуктов. В нишу выкатились пакеты муки, соли, пшена, перловки, сухари, хлеб.

Что за ерунда?

Чиж нахмурился и посмотрел на мужчин — те, застыв смотрели на Стасю и явно были недовольны и обеспокоены. Лица замкнутые, взгляды с укором и сожалением.

— Зачем ей перловка? — спросил Николай.

— Кашу любит, — буркнул Иштван, не спуская нехорошего взгляда с женщины.

— В столовой этой каши выше головы.

— Она есть не любит, она варить любит, — едким тоном сказал Сван и, наконец, вспомнив о своей закупке, расстался со сладким скинув его на стойку перед другом. Уперся руками в поверхность и ставился прямо ему в глаза. Тот поморщился и только. Стоят, смотрят друг на друга, на Стасю взгляды переводят и опять друг на друга, словно переговариваются, решают что-то для себя.

— Я не мешаю? — прищурился Чиж, чувствуя обиду. Похоже все всё знают, один он в недоумении и неведении находится.

— Уже помешал, — выдохнул Иштван с недовольным видом, выпрямился.

Стася полученное в корзину скидала, жетон вытащила, с улыбкой Чижу подала:

— Спасибо, ты настоящий брат.

Тот заулыбался, невольно залюбовавшись довольной женщиной: красивая она, когда улыбается, глаз не отвести, и потом — ему улыбается, только ему, и приятно от этого, на душе светло. И мыслей в голове ноль.

Стася развернулась и к себе пошла, думая про себя, что Чиж все-таки отличный человек. А тот так и стоял ее взглядом провожая, улыбка блекла, спадала с губ и в глазах радость сменялась печалью.

Мужчины пихнули его с двух сторон:

— Влип, пчел?

— Забудь, — посоветовал Иштван, сгребая со стойки конфеты, сунул в руку Николая.
— Не ты первый взгляд о Стасю мозолишь, не ты последний.

— Она как колобок, песенку споешь и укатится, а ты останешься дурак дураком, — сказал Сван, разделив оставшееся подарки меж собой и Пеши. — Об одном прошу, не давай ей больше жетон.

— Почему?

Мужчины пошли к лифту и сделали вид, что не слышали вопроса.

— Все-таки, почему она на свой жетон не взяла, почему "не давай", зачем ей пшенка, перловка? Что за странности?

— Николя, брат, — положил ему на плечо ладонь Иштван. — Стася чудесная женщина, замечательная, но как любая женщина имеет свой пунтик. Не забивай голову, и помни — она нам сестра. И только.

— И тебе? — посмотрел на него в упор Чиж. Тот поморщился, к напарнику обратился с

фальшивым непониманием:

— Слушай, что он хочет? Мы к девочкам идем конфетами кидаться или к Стасе перловку жевать?

Сван засмеялся и запихнул товарищей в лифт.

Потом под шуточки и смешки мужчины дошли до гостиной третьей диспетчерской команды и ввалились прямо на вечернее чаепитие красавиц. Им были рады больше, чем их подаркам, но, как и подумал Чиж, никаких намеков на адюльтер не последовало. Шутки, игры, веселые рассказы, интима — массаж шеи и плеч под истории из жизни трассеров и статистов, о службе и погоде.

Николай, сначала насторожился, почувствовав нежные ручки шатенки Зои на своих плечах, потом удивился, чувствуя, как она осторожно разминает ему мышцы. Покосился и удивился еще больше — девушка смотрела на рассказывающую о каком-то Хабибуле подругу, абсолютно не смущаясь тем, что делает. Николай посмотрел на ребят, которые уже были в руках других девушек, откровенно млели от массажа, и расслабился. Отчего, правда, нет? И так разомлел, что глаза закрыл и чуть не уснул, и пропустил уход Иштвана.

— Ничего себе расслабились, — чувствуя себя полупьяным, сказал Чиж. Девушки дружно улыбнулись ему, а Сван не открывая глаза, пояснил, продолжая наслаждаться разминкой мышц:

— Каждый диспетчер проходит медицинские курсы по оказанию первой помощи. Массаж входит в программу обучения.

— Заглядывайте почаще, — закивала блондинка Ольга. — У нас хоть практика будет.

Николай потряс головой, избавляясь от дурмана в ней и, рассмеялся: видели бы его пацаны! На вечеринку пошел! С девушками! Пьян, хотя и не пил, и в состоянии полной прострации как после ночи любви с гарнизоном блондинок, хотя ни с одной не был.

— Погусарили, однако, — поднялся, желая выйти на свежий воздух и немного прийти в себя.

— Вы вернетесь, Николай? — спросила Зоя. — Я еще не закончила.

Чиж лишь моргнул, не зная как реагировать на подобную непосредственность.

— Возвращайся, — посоветовал Сван, не оборачиваясь.

— Можно еще сделать массаж стоп, это улучшает циркуляцию крови и работу внутренних органов.

— Иммуитет повышает, — поддакнула Оля.

Чиж понял, что лучше уйти совсем и вывалился из гостиной, мечтая рухнуть в постель и заснуть. Так бы и сделал, но на беду проходя мимо комнат патрульных, заметил, что дверь в комнату Стаси открыта, а за ней голоса слышались — Иштвана и Стаси. Николай затаился, прислушиваясь и, весь сон потерял, оттого что услышал.

— Стася, ну зачем тебе? Здесь мужчин мало? Влетишь ведь по полной программе.

— Не влечу.

— Слушай, ну, чем он лучше?

— Это любовь.

— Стасенька, какая к чертям любовь?

— Иштван, иди спать.

— А ты пойдешь к своему, да?

— Да.

— А если нас по тревоге поднимут? На плановое задание наша очередь.

— Иштван, не учи, сама знаю. Иди спать, ты устал.

— Не пойду, буду сидеть у тебя и никуда не пушу.

— Не вредничай.

Чиж лбом к стене прислонился — теперь все ясно. У Русановой есть любовник, который живет где-то в Древней Руси. Женщина ему деньги таскает, продукты, собой рискует, чтобы увидаться, подставляется. Кто он? Княжич, боярин, купец, крестьянин? Что за мужчина такой, которого женщина обеспечивает?

Какая разница?! Сам факт — у Стаси любовник, там, далеко-далеко в истории.

— Стася, два перехода — огромная нагрузка.

— Не факт, что мы в ближайшие сутки пойдем.

— Не факт, но может случиться.

— Переживу.

— Ради чего? Мужчина нужен?... Стася...

— Руки убери.

Чижа подкинуло, рванул дверь на себя, шагнул в комнату. Иштван уставился на него недобро, выпустил женщину из объятий:

— Стучаться не пытался?

— Дверь закрывать не научились?

Пока мужчины взглядами мерились, Станислава мешки со стола на пол убрала:

— Что вам не спится, ребята?

— Я за монетой, — из вредности заявил Чиж.

— Ты же мне ее подарил, — уставилась на него хмуро.

— Передумал. Отдай, — руку протянул. Паршивый, конечно, поступок, но снабжать любовника любимой он не нанимался. Иштван внимательно на него посмотрел, потом на Стасю и присоединился к требованию Николая:

— Отдай.

Русанова насупилась, оглядывая двух упрямцев и, головой мотнула:

— Не отдам!

— Я капитану скажу, — мысленно ругая себя за эти слова, заявил Чиж. Чувствовал он себя сейчас хорошим подлецом, но ничего поделать с собой не мог — злость и обида распирали. Такая Станислава правильная, умная, красивая, смелая, а с грязью смешала себя. Как какая-то влюбленная дура бежит к альфонсу, не гнушается использовать для этого ни напарников, ни диспетчеров. Сама подставляется, их всех подставляет. Ради какого-то слабака, которому наверняка ее подарки нужны, а не она! И кого же она перед ним изображает? Княгиню — благотельницы, богиню?

Противно.

И Стасе тоже. Она смотрела на мужчин и чувствовала жуткую обиду на них, до слез, до желания ударить.

— Это я с вами «зеленку» обеспечиваю?... Знать вас не хочу.

Иштвану не по себе стало, отвернулся, руки в карманы сунув. А Николаю отступить непривычно и смысла в том не видит. Зачем тогда затевать было, настаивать? Пусть ненавидит, зато лишившись возможности обеспечивать любовника, увидит и узнает нужна ли ему без подачек и подарков. Может тогда что поймет.

— Отдай, — настойчиво повторил, ладонью качнув.

Стася скривилась от брезгливости, из кармашка куртки алтын вытащила, под ноги мужчины кинула.

— Убирайся отсюда, — процедила.

У Чижа в душе смерч и буря пировали. Гадкий он поступок совершил, ничего не скажешь, оттолкнул Стасю, но с другой стороны — не пойдет теперь к своему любовнику, не с чем. Плевать, что она думает, главное дома останется, а не будет по времени шататься, себя из-за какого-то подлеца подставлять. И подумать — одной уходить. Что ее там ждет, сама хоть понимает? Ведь наглухо застрять может, под стрелу попасть или под лихих разбойничков. Времена-то выбрала беспокойные.

Пусть ненавидит, пусть ребята с ней миндальничают, а ему до фонаря на то — куда Стася одна не пойдет, а значит, жива и цела будет, это главное.

Монету поднял, в карман брюк сунул и заявил:

— То, что на мой жетон взяла, тоже сюда давай.

Стася от такой наглости растерялась на минуту, а потом возмутилась:

— Ты немного себе позволяешь?! А ну, кругом марш, рядовой!

— Когда получу свое.

Иштван с любопытством на него посмотрел — не ожидал он, что Чиж на подобное способен. И нехорошо на душе и не признать, что он прав не может. Сам бы так поступил, но не смог, и неприятно то, что он творит, и верно, как не смотри, не думай.

— Вон отсюда, — разозлилась женщина. С души ее переворачивало. — Я с тобой больше шага на «зеленку» не ступлю.

— Пойдешь в диспетчера, тоже вариант.

— Это ты у меня в диспетчера пойдешь, вообще отсюда вылетишь. Я на тебя рапорт подам.

— По какому поводу?

— За несоблюдение субординации, за приставание!

— А я приставал? — бровь выгнул. — Хорошо, катай заяву, а я следом доклад о том, что лейтенант Русанова как сексуально неудовлетворенная, тупая...

Стася не сдержалась, вlepила пощечину хлесткую, звонкую. Чижа мотнуло, на щеке красное пятно расплылось.

— Руки распускает, — продолжил — тон до раздраженного цежения снизился, взгляд

непримиримым стал, колючим. — Пользуется служебным положением, контрабандой занимается и на свое благо подключает к этому бойцов всех параллелей патруля...

Стаю от ненависти и обиды перевернуло. Схватила мужчину, выкинуть вознамерилась, только тот не пушинка и не телок — уперся, ее схватил в ответ.

— Брек!! — заорал Иштван, пытаясь их остановить. Да куда там две горячие головы криком охладить. У одной от ярости заклинило, у другого от ревности. Стася не думая в колено ему пнула и по физиономии кулаком, Чиж же за руку схватил, заломить хотел и придержать.

— Как ты из-за любовника-то, а?! — прошипел вне себя. Иштван разнимать, но Стасю вовсе понесло, как он ее коснулся. Подсекла Чижа ногой, локтем под дых въехала. Как согнулся, перехватила, выкинуть хотела, но тот ее за талию схватил, поднял, на постель отнес, бухнул. И в грудь ногой получил, отлетел к дверям, настезь их распахивая.

Проходящий мимо боец отряда зачистки остановился, понял, что заварушка неслабая и рванул к капитану «зеленых».

Иштван закричал, меж забияк встав, руки выставил:

— Остыньте!!

Стася вскочив, его откинула в лобовую с Чижом встретилась.

— Помну, дура!

— Я тебя самого помну!

Иштван понял, что драки не избежать, встрял и... вылетел из дверей в коридор с благословения Николая. Стася подпрыгнув, в грудину Чижа обоими ногами дала — плевать, что приземление жестким будет.

— Убьешься дура! — отлетая, закричал тот. Стася на пол рухнула, вскочила и получила подсечку, но не упала — Чиж перехватил, зажал. Иштван ребром ладони ему по шее ударил, испугавшись, что помнет сестренку. Тот разозлился, развернулся с брыкающейся женщиной в объятьях. Она Иштвана и отправила обратно к дверям и прямо на грудь Ивана:

— Отставить!! — заорал тот. Перехватил за шиворот взбешенного Пеши, в коридор

выкинул — охладись. И двумя ударами по физиономиям Стасю и Чиж в разные углы отправил:

— Что за хрянь?! — встал посередине комнаты, зло то на одного, то на другого поглядывая. Чиж в углу у входа в санкомнату сидел, губу разбитую трогал, на постели в другом конце комнаты Стася сидела, кровь со своей губы вытирала и взглядом всех встречных душила.

У дверей Иштван застыл, Сван, что, возвращаясь от диспетчеров, о драке услышал.

— Чего здесь? — оглядев драчунов, спросил шепотом у Пеши. Тот поморщился, но промолчал — не до объяснений — капитан зол, как стадо голодных тираннозавров. Сейчас все «повеселятся».

— Причина драки?! Быстро!! — упер руки в бока. Чиж на пол сплюнул, взгляд опустил, Стася уставилась на Федоровича исподлобья, тоже молчала.

— Сержант Пеши! Не слышу объяснений! — гаркнул не оборачиваясь.

Иштван выпрямился и взгляд в пол — все объяснения.

— Речь потеряли или с языком проблемы?!... Сержант Сергеев?!

— Я не в курсе, только подошел.

Иван оглядел всех и рыкнул:

— Рапорт от каждого! Через десять минут принесете в мой кабинет! Время пошло!! — и вышел, откидывая в стороны патрульных.

Чиж тяжело поднялся, взял вещмешки, что Стася сложила и, пошел на выход под ее ненавидящим взглядом.

— Убила бы, — прошипела, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать. — Сволочь!

Чиж глянул на нее через плечо, но промолчал, вышел. На душе паршиво было, но он уверил себя, что переживет. Главное, женщина никуда больше одна не пойдет. Накрылась ее любовная связь. Баста!

И зло глянул на Иштвана и Вадима: вы-то какого черта столько терпели?!

Через десять минут Пеши, Чижов и Русанова положили рапорты на стол перед капитаном и вытянулись, ожидая дальнейших приказаний. Взгляды куда угодно, только не друг на друга и не на Федоровича.

Сван, Ян и Аким в коридоре у кабинета маялись, ожидая развязки и правдивых разъяснений от товарищей. К ним то из других групп ребята подтягивались, то из отряда зачистки, даже трассеры кружились неподалеку. Шутка ли: драка в патруле!

Федорович лениво встал, пересел на стол перед своими бойцами и взял рапорты. Начал вслух читать:

— "Я, сержант Иштван Пеши, зеленый патруль группа 5 личный номер 8 — 2009989 М, заглянул к лейтенанту Русановой за прогнозом погоды на завтра"... Это что за лапша на мои уши? — скривился Федорович, в упор уставившись на Пеши. Тот с непроницаемым лицом взглядом потолок протирал. — Ладно."...Прогноза я не получил, так как лейтенант была занята — разговаривала"...Мирно беседовала, да?..."... с рядовым Чижовым. Тему беседы не знаю. Я не стал им мешать и вышел"... В смысле — вылетел. Замечательный рапорт. Пойдешь на ковер к полковнику Казакову и лично повторишь ему эту ахинею.

— Так точно, повторяю, — заверил Иштван. Иван побагровел, качнул листом и... бросил его на стол, взял другой.

— "Я, рядовой Николай Чижов.... Никакой драки не видел и соответственно, не почувствовал. К лейтенанту Русановой приходил за объяснением"... Чего?!"... постулатов квантовой физики"? За идиота меня принимаете?!

— Нет.

Капитан бухнул лист на стол и взял третий рапорт. Мужчины замерли, уверенные, что Стася раскатала их по полной программе и лететь им теперь сизыми голубями в любом направлении из центра.

— "Я, лейтенант Русанова... спала"... — протянул, подавившись на последнем слове. Уставился на Станиславу. — А губу тебе...

— Вы разбили.

Повисла тишина. Мужчины, не ожидавшие подобного от Стаси, хуже некуда себя чувствовали. Капитан понял, что внятных объяснений от них не дождется, проворчал:

— Пеши остается, остальные очистили пейзаж моего кабинета и подождали в коридоре.

Чижов и Русанова развернулись и вышли.

— Ну, чего там? Чего вы сцепились? — пристали к ним напарники. Чиж молчал, стоя у окна с одной стороны, Стася молчала, стоя с другой. Пару раз она многообещающе глянула на Николая и, тот вовсе приуныл:

— Извини, я...

— Пошел ты! — прошипела. — И не «ты», а «вы»! Прошу не забываться рядовой!

Мужчины притихли насторожившись. Ссора видно нешуточная вышла. Посторонние начали расплзаться по своим комнатам, гадая, что же все-таки приключилось.

— Рассказывай, — налил себе и товарищу кофе Иван.

— Нечего рассказывать.

— Не темни, Иштван, не та ситуация. Мне рапорт полковнику писать. Я должен знать, как вас прикрыть.

— Она опять к нему собралась. Чиж не знал, мы молчали. А тут подслушал видно — дверь не закрыта была. Ну, у него голову и снесло. Понял что к чему.

— К кому "к нему" собралась?

— К любовнику. А то ты не знаешь, к кому она столько лет бегают, сам же мне об этом сказал, когда я ее у диспетчерской засек. Не помнишь? — буркнул. — Правильно Чиж поступил, нам давно так надо было сделать.

Иван вздохнул, потер шею: дела-а.

— Она бы не пошла.

— Конечно. Чиж ей монету дал и жетон. Круп опять набрала.

— Какую монету?

— Алтын.

— Тьфу, ты!... Ладно, свободен. Давай сюда Чиждова.

— Садись, — бросил ему капитан, оценив раздраженный вид.

— Постою, — буркнул.

— Хозяин — барин. Так что скажешь, боец? С какого затмения разума на свою напарницу, женщину напал?

— Я не нападал.

— Нет?...Хорошо, почему она на тебя напала?

— И она не нападала. Понятия не имею о чем речь.

— Понятно. Эта тайна умрет вместе с тобой, — хлебнул чая Федорович. — Ну, а если честно и по-мужски?

— В лоб? — не поверил.

— В лоб.

Николай пытливо посмотрел на Ивана и выдал:

— Почему вы ее не задержали? Почему считаете нормальным, что она одна шатается по времени?

— Только это интересует?

— Еще кое-что, — признался.

— Выкладывай, не стесняйся.

— Любовник.

— А-а!... - чашку на стол поставил. — Это личное дело, не думал?

— Нет.

Иван кивнул, помолчал и сказал:

— А тебе, конечно, хотелось бы, чтобы не тот метафизический человечек Стасю увлекал, а ты. Жили бы вы с ней душа в душу, патрулировали...

— Нет. Ей вообще здесь не место.

— Ты решил?

— Я. И вы того же мнения.

— У нее оно другое.

— Это не имеет значения. Она женщина. Ей не место на этой «обычной» работе. Я не первый год под пулями, привычный вроде ко всему, мне и то не по себе. И риск для жизни в вашем патруле неизмеримо больше, чем у нас в спецназе. Женщине здесь не место.

Иван кивнул, отворачиваясь, руки в карманы брюк засунул:

— Ты прав. Со своей точки зрения. С того угла, к которому привык. А теперь представь ситуацию: наших взяла святая инквизиция. Одна женщина, помещена в женский монастырь. Как пробраться туда? Взять с боем, устроить шум и привлечь внимание, положить толпу обывателей и подарить шикарную пищу для сплетен? Воображение у людей того времени ого-го, такую картинку нарисуют, что тебе в голову не придет. Чертей и дьявола начнут в ботинках и очках изображать. Мало это может повлиять на ход истории и изменить уже устоявшееся, это вообще черт знает, к чему привести может. А женщина спокойно и тихо

проникнет в монастырь, вытащит без напряжения нужного человека и никто ничего не поймет. Что скажешь, умник? Что лучше: ставить под угрозу века и миллионы жизней, саму цивилизацию или рискнуть одной женщиной? Отчего, ты думаешь, в каждом отряде есть сестренка? Просто так, да? Чтобы у вас головы срывало? Или от нашей черствости? Вот какие мы звери, женщин на смерть толкаем! А скольких они вытащили, ты знаешь? И при этом сохранили равновесие.

— Все равно, — уперся.

— Н-да?... Знаешь, что, у нас не принято лезть в личное дело человека. И любишь ты, не любишь, меньше всего волнует. У нее есть любимый, и это не ты — смирись и остынь. Мне пара в отряде не нужна.

— Почему?

— Сам подумай, что будет, если муж и жена в одной группе служат. Служебные романы не новость, проходили уже. И отказались, потому что смертность и провал заданий в этом случае много выше, чем в группах, как сейчас.

Чиж прищурился, задумчиво уставился на капитана. Мысль в его голове зародилась, но слишком уж была возмутительной, чтобы ее принять.

— То есть вы запрещаете...

— Ничего подобного.

— Тогда предотвращаете.

Иван пальцами по столу прошелся, отбивая в раздумьях какофоническую мелодию: слишком умен Чиж, слишком.

— Она любит другого. Да, он не местный, да, она нарушает и рискует, уходя к нему на свидания, но это ее право. У тебя тоже есть права. Никто не мешает тебе ухаживать за ней, добиваться. Сладитесь, пожалуйста, нет — извини. Никто, запомни, никто не имеет права вмешиваться в личную жизнь, ущемлять свободу и права человека. Если женщина против, если ты ей не нравишься — не повод кидаться на нее, насиловать своим обществом.

— Но вы же претите ей. Я слышал, как вы давили на нее, запрещая уходить. Знаю, что монеты конфисковываете.

— Это другое.

— В чем другое?

— Я отвечаю за нее, прикрываю. Но не могу заниматься этим до бесконечности.

— Может все проще? Понимаете, что тот к кому она бежит альфонс и придурок, и не хотите, чтобы она рисковала собой ради какого-то ублюдка. Кстати, кто он?

— Мужчина, — отрезал Федорович.

— Значит, пусть лучше к нему бежит, грозит попасть под стрелу, в плен, беду, вовсе не вернуться, чем заведет нормальные отношения с мужчиной из группы?

— Ты лезешь на запрещенную территорию. Все это решать Стасе, а не тебе и не мне. Запомни это крепко.

— Я буду за ней ухаживать...

— Вперед. Но если замечу, что назойлив к неудовольствию Стаси, или третируешь ее, угрожаешь спокойствию в команде, спишу к чертовой матери. Здесь действуют другие законы. Если ты их еще не понял...

— Понял.

— Тогда будем считать разговор законченным. Монету сюда, — поманил ладонью.

— Какую?

— Алтын.

— У меня нет, — а почему это заявил, сам не понял.

Федорович нехорошо посмотрел на него и, качнувшись к лицу, прошипел:

— Если монета окажется у Стаси, я тебя в ближайшем рейде закопаю, понял?

Чижов внимательно посмотрел на него:

— А ты сам ее отбить не пытался?

Иван моргнул. Во взгляде четко отпечталось: думаешь один умный?

— Она его любит. Понятно?

— Нет.

Федорович отвернулся, потер шею:

— Надоел ты мне. Проблем с вами восьмерками всегда море, — протянул с печалью.
— Куда ты все ляпаешься? Что ж тебя в чужую душу тянет влезть? Хреново тебе? Так не тебе одному!

Чиж кивнул: это он уже понял. Не понял другое — отчего остальные бездействуют?

— Пошел вон, — тихо бросил Федорович, отворачиваясь. Чиж молча развернулся и вышел.

— Русанова!! — крикнул капитан.

— Стасенька, ну, не ходи ты больше, прошу тебя, — присел перед ней Иван, в подлокотники кресла вцепился. Женщина хмуро смотрела на него:

— Не могу.

Федорович вздохнув, уткнулся ей в колени лбом:

— Погибнешь ведь. Без страховки, без напарника в такую тьму лезешь. На черта, Стася?

— Люблю.

— Любишь? — уставился на нее недоверчиво. Встал, отошел к окну, руки в карманы сунув, чтобы она не увидела, как они в кулаки сжались. — Когда я версию с любовником придумывал, чтобы к тебе не приставали, я не думал, что она реальностью обернется.

— Я счастлива, Иван.

Тот кивнул не поворачиваясь: больно.

Сам дурак. Отпускал ее, чтобы развеялась. Светлая приходила, счастливая, оживала на глазах. Он тому радовался — в себя приходит и, мысли не допускал, что Стася, Стася! Способна на такое. И осуждать не может — столько лет прошло, понятно, она же живая, живущая, чувствующая, но принять тоже — не может. Чувствует себя в угол загнанным сами же собой, клятвой той дурацкой!

— Я тебя спишу, — заметил тихо. Стася напряглась:

— Нет, — и мольба и укор в голосе.

— Еще раз пойдешь — спишу, — повторил тверже.

— За что?... Нет, ну, за что?! — кулаком по столу грохнула, вскочив: сговорились они что ли?! Это все Чиж! Ну, поганка! И хоть плачь, хоть иди и его застрели. На свое горе она его сюда притащила, не иначе!

— Все, Русанова, разговор окончен, — отрезал, пряча тоску под официальность.

— Он тебя не простит, — бросила Стася последний аргумент, в упор уставившись на Ивана. Того подкинуло:

— Он?!... А тебя?!

— Ты обещал!...

— Я обещал защищать тебя и беречь! Обещал, что никто тебя не потревожит! И я сдержу слова, как держал!

— Ревнуешь? — прошипела, прекрасно понимая причину упертости Ивана. — Не стыдно?

— Нет!... Тебе ведь стыдно.

Они уставились друг на друга: в глазах капитана мольба и укор, в глазах лейтенанта растерянность и упрямство.

Сказать? — думала Стася: но тогда он точно ее одну не отпустит, а вдвоем идти верх безумия. Он себя подставит и ей выбора не оставит.

Я готов простить и пронять, что ты клин клином вышибла, но что рискуешь — нет, — думал Иван.

Стася отвернулась:

— Потом поговорим, когда остынем.

— И потом тоже самое скажу. Из центра ни шагу Стася. Иначе — спишу.

Женщину переворачивало от отчаянья, закричать хотелось, заистерить, как последней неврастеничке, но смысл, толк?

— Поймай, — бросила и вышла, громко грохнув дверью. Облила презрительным взглядом Чижа и направилась в тир. Хоть там всю боль выместить, растерять горечь и обиду, безысходность. Думать себя заставить. Нет, тупиков, нет. Есть тупиковое настроение. Оно уйдет, найдется выход.

Часа не прошло, поняла, что все равно, что нужным считает — сделает.

Получила нужное на свой жетон и к себе в комнату, упаковываться — пока Кристина дежурит, нужно успеть. Тишина уже в коридора, ночь, угомонились все, только Чиж, будь он неладен мается, бродит из конца в конец. Стасю увидел, остановился, уставился, сказать видно, что-то хотел, но ей до него, как до пустого места — ровно. Прошла мимо даже не взглянув, дверью перед носом схлопала.

Упаковалась быстро и в центр, пока тихо, пока нет никого.

Чиж за ней, за руку перехватил:

— Стася?...

Женщина, не думая под дых ударила со всей силы. Николай не ожидал, пропустил удар и согнулся, задохнувшись. Пока в себя приходил, Стася убежала. Он за ней, но с остановками, дыхание восстанавливая. Знал, куда она направилась, упрямая, к центру, в бокс.

Чуть-чуть опоздал — двери в коридор прохода заклинили, но Русанова еще в боксе была, переодевалась в сарафан. Чиж с досады кулак в стену впечатал и зло на женщину диспетчера посмотрел, а той все равно, ответила той же миной, тумблер отжала.

Чиж у дверей на пол сел, руки на коленях сложил: и что теперь? Настучать на диспетчера? На Стасю? Поднять Ивана?

И что ж ей там, медом намазано, что ли?!!

Утро. Еще прохладно и роса на траве, но уже светло.

Стася улыбнулась деревьям, пробираясь к дороге, к щебету птиц прислушалась, теряя последние крохи неприятного осадка в душе. Пусть что будет, то будет, но она хоть раз еще здесь побудет, проведает подопечных, может еще, кому помочь успеет. А иначе, зачем еще жить, зачем иметь «зеленку» и возможность перемещаться во времени? И что плохого, что она еще пару, тройку от голода и нищеты спасет, надежду на лучшее и веру в справедливость подарит? Да, очень, очень хочется больше сделать — набег остановить, в строй с воинами встать против экспансии, вывести Рязанцев до того, как их перебьют, а город спалят, и много чего хочется... но нельзя. И оттого мутно, больно, и одно только чуть-чуть глушит сожаление, помогает себя хоть немного человеком чувствовать — вот такие вылазки. Помощь минимальная, незаметная, но хоть такая. Не оправдание, конечно, но что еще она может?

На дорогу телегами изъезженную выбралась в траве и платье путаясь, дальше пошла. Впереди телегу заметила с мешками — не иначе на торжище направился мужик. Двое детишек — девочка лет десяти и мальчик лет шести, ободранные, худые милостыню у него давай выпрашивать. Девочка что-то говорила, за край телеги зацепившись. Мужик оттолкнул ее, дальше поехал. Дети отстали, побрели. Мальчик видно не хотел отставать, надежду не оставил — рвался за уезжающим. Девочка унимала, но тот вырвался и к телеге опять, узелок за спиной мужика стащить хотел. Девочка за ним — удержать, но парень худой, верткий, запрыгнул на телегу. Тут мужик обернулся и кнутом постреленка, потом рукой прочь.

Стася к ним рванула — зашибет ведь парня!

Мальчишка в мешок вцепился, висит — мужик его и руками и кнутом — прочь,

девочка вступаться и ей досталось. Русанова подлетела, кнут выхватила, откинула, мальчишку на себя рванула.

— Езжай! — рывкнула обалдевшему мужику. Тот вожжами надал и помчал быстрее вон.

Мальчик в крик, вырваться норовит, девочка причитать:

— Отпусти, госпожа, отпусти, помилуй!

— Да Бог с вами! — в траву пацана усадила, еле сдержав — царапнул, укусил постреленок. — Воровать нехорошо! — пальцем пригрозила, потирая укус. Да куда там и кому грозить — худющему, чумазому и голодному ребенку не докажешь что хорошо, что плохо. Глаза у мальчика с обидой, злостью и упреком.

— Это с голоду он, помутился, — заступилась за него девочка, собой прикрыть норовя.

— А ты неголодная?

— Он маленький еще, несмышленный.

— Сядь! — спорить не стала, на траву рядом с мальчишкой указала. Девочка оробела вовсе, рухнула куда сказано, руку проказнику сжала и на Стасю испуганно уставилась. Та оглядела их, вздохнула: нищета.

— Давно побираетесь?

— С весны, — протянула девочка. Парень носом шмыгнул, оглядываться начал, куда бы сбежать, если б не сестренка сразу бы наутек пустился.

— Что же приключилось?

Девочка голову опустила, навернувшиеся слезы скрывая.

— Ну-ка, рассказывай, — присела перед ней Стася. Мальчик исподлобья на нее уставился недобро: чего к сестре пристала? И оба молчат.

— Родители живы?

Девочка головой мотнула, всхлипнула.

— Родичи есть?

Опять отрицательно покачала головой.

— Если к хорошей женщине отведу, не батрачить, а сыном да дочерью быть, обидите ее?

Мальчик насторожился, девочка недоверчиво на непонятную тетку уставилась. Шуткует?

— Думайте. Да — значит догоняйте, нет... не советую.

И пошла, мешки половчее на плечи закинув. Десяти метров не прошагала, как за спиной сопение услышала. Обернулась — дети остановились, замерли, на нее поглядывая. Стася улыбнулась им, поманила. Подошли робко.

— Женщину Пелагея зовут. Добрая женщина. Дочь у нее Любаша и сын, авось подружитесь, — за руки их взяла. — Только слово дайте — не обижать понапрасну, не воровать. Дурно это, особо у своих. Хоть голод, хоть мор, но человечье надобно в себе беречь. Согласны?

Девочка неуверенно кивнула. Мальчик нахмурился соображая.

— Я точно знаю, что мамка ваша и тятя добрыми людьми были, вас любили. К чему же вам их огорчать? Вот смотрят они на вас и плачут — что же вы делаете? А встретитесь, час придет, что родителям скажите, чем оправдаетесь? Кушать хотелось? Оно понятно, да опять же — повод ли себя за краюху пачкать? То-то.

Больше слова не сказала — дала возможность детям слова обдумать. Зерно кинула, и если почва благодатная — взойдет, а нет, опять же не ей судить.

До ворот знакомого дома дошла, порадовалась — крепкие, подправили уже. Толкнула и заулыбалась — во дворе прибрано, справно. Видно — крепко живут, обустроились. Из сарайки Любаша вышла: похорошевшая, чистенькая, в новом сарафане.

— Здравствуй! — засмеялась Стася, увидев как вспыхнули от радости глаза девочки.

— Матушка!! — закричала, призывая Пелагею и к Стасе ринулась, обняла. — Цельных два лета ждали!

— А к чему? Все у вас ладно и то главное. Вот сестренку тебе привела и братика, — кивнула на застывших у ворот детей. — Рада?

— А чего? Вместе-то лучше, — улыбнулась им. На крыльцо Пелагея вышла, охнула и к Стасе с поклоном.

— Ну, — остановила. — Чего удумала? Как живете?

— Ладно, — степенно кивнула женщина, чуть робея перед гостьей, фартук мять начала в руках, а те в муке — стряпню видно затеяла.

— Ребят тебе привела, возьмешь под крыло?

— А чего? — оглядела заробевших, переглядывающихся детей. Улыбнулась. — Где двоим место, там и четверым найдется.

Подошла, обняла, в лица заглядывая и погладила мальчика по голове:

— Как же моего старшего сына зовут?

— Ярослав, — хлопнул ресницами.

— Ох ты! Доброе имя, славное. А тебя доченька?

— Дуня.

— Ну, вот и узнались. Пошли-ка в дом, гостыюшку дорогую потчевать, с хозяйством знакомиться. Любаша, баньку затопи, надобно сполоснуть брата с сестрой.

Девочка закивала, лукаво на них поглядывая. Понимала какво им, себя помнила и прильнула к ногам Стаси, засмеявшись: ай, проказница, государыня! Не каждому кажется да помогает! А эти глупые заробели, честь-то еще не поняли!

— Конец мытарствам! — засмеялась залиvistо.

— Во как! — и Стася не удержалась. — Вы ей верьте, она знает, — по голове погладила. — На-ка, Любаша гостинцы, да пойду я.

— Опять! — всплеснула руками Пелагея. — И пирогов с квасом отведасть? А отдохнуть с дороги. Да и сынком моим не повидалась. Он поблагодарить должен...

Стася отмахнулась, спросила только:

— Где же он?

— Так с пастухом ушел. Помогает ему, за то, то грибов, то ягод насобирает, то молока принесет. И за коровкой нашей приглянет. Отелилась ведь она, вот какой прибыток в дом! А он бережит. Мал, а уж помощник какой, — похвасталась.

— Это хорошо. Ну, вот и еще один помощник тебе. А Ярослав?

Мальчик кивнул слабо еще понимая, что к чему. Рука ласковая Пелагеи беспокоила, слезы вызвала.

Стася поспешила отвлечь его и, в дом не проходя, из мешков начала на лавку во дворе продукты выкладывать.

— Денег нынче не дам, а вот в приданное девочкам кое-что подарю, — вытащила янтарные бусы. Одни Любаше одела, другие Дуняше. Та оторопела. Моргает, пальцами бусины щупает и то на Пелагею, то на Стасю взгляд растерянный переводит.

— Пошла я, — женщина Любашу в лоб поцеловала. — Живите ладно.

За ворота вышла, за ней все семейство. Застыли взглядами провожая.

— Вернешься?! — не сдержала сокровенное Любаша.

— Я всегда с вами, — рукой ей помахала и шаг ускорила. До точки семь минут осталось. Из деревни вышла и бегом, дороги не разбирая. На силу успела.

— Что-то мало вместе побыли. Не в форме любовник? — раздалось глухое за спиной, когда Стася в темноту общего коридора вышла. Женщина замерла, обернулась: так и есть — Чиж стоит, смотрит на нее, как на вошь. Только если так относится — чего же не спит, а ее караулит?

К нему пошла: много чего сказать хотела, но тут часы у обоих запиликали — тревога. Патрульные развернулись и бегом к месту сбора.

Глава 8

Влетели в кабинет капитана и уселись подальше друг от друга, под подозрительные взгляды ребят. Следом вошел Ян и Аким.

— Все в сборе, — констатировал Федорович. — Выходим, возможно, надолго, поэтому Шалович и Пеши идут за сухпайком. Оснащение получает — Сергеев, Пацавичус. Чижев и Русанова — боекомплект. На все двадцать минут. Встречаемся в арсенале.

— Задание?

— Трассеры пропали. Трое.

И покосился на Стасю. Та побледнела и с места сорвавшись, пошла, выполнять приказ. А в сердце как кол вбили. Пять лет почти прошло — пять! А он сидит зараза.

Иван хмуро ей в спину посмотрел потом на Чижа и видно хотел что-то сказать, но промолчал, передумав в последнюю секунду.

— Это что? — спросил Николай, кивнув на неоновые трубки, которые Стася сняла со стеллажа и кинула в тележку.

— Зонды.

— А это? — приподнял плоскую сумку с отверстием-кнопкой сбоку.

— Время придет, узнаешь! — отрезала, одарив мужчину презрительным взглядом. — Ваше дело рядовой, брать больше, нести дальше. А тупые вопросы нужно на подготовительных занятиях задавать!

Чиж голову опустил, язык прикусил, еле сдерживаясь, чтобы не нахамить.

— "Веселая" будет вылазка.

— Обычная!

— Угу. Ацтекское танго.

— Разговоры отставить!

У Николая степень кипения повысилась, чуть и сорвало бы. Белоснежка, блин, нашлась, чистоплюйка, командирша! Правильная она. Ага. Оч-чень!

— Почему мы этим занимаемся? — пожал плечами, глядя на пребывающую аппаратуру и оружейные комплекты.

— Потому что ночь, рядовой, самообслуживание! Мама с папой спят и носик утереть некому!

Чиж все же не сдержался — схватил ее за пояс брюк и рванул к себе, желая много и нудно процедить прямо в хорошенькое личико, но глянул в глаза и отчего-то промолчал, выпустил ее и сам начал скидывать нужное со стеллажей.

— Странная ты, ох, странная. Понять тебя не могу. Вроде дитя наивное, вроде дура шалая, вроде нормальная девчонка, а вроде сука заносчивая. Вот убил бы порой, а порой... — развернулся, поставил коробку пластида и, глянув на Стасю, что взглядом его таранила, подтянул к себе и впился в губы. И тут же отлетел в стеллажи, сполз по ним, коробки телом скидывая. Посидел на полу, сам над собой посмеиваясь и, продолжил боекомплекты доставать, ведя диалог уже мысленно.

Первый поцелуй, самый горячий, — напелзала улыбка на губы сама собой.

После полной подготовки к выходу, укомплектовке нужного и традиционного шмяканья ботинками об пол в стиле хип-хопа, капитан объявил:

— Лично для новеньких: все претензии, страхи, дразги, любовь, ненависть, и прочую муру оставить здесь до возвращения. Там мы команда — один за всех, все за одного.

Никаких разборок и переперательств не потерплю. Скину на хрен! Всем ясно?!

Аким и Чиж нехотя кивнули, Ян озадачился:

— Скину это?...

— Оставлю динозаврам на обед! Десертом пойдете!

— Строго, но справедливо, — усмехнулся Иштван и сунул в рот кубик жвачки. — У?
— предложил другой Стасе. Та хмыкнула:

— Замяли до возвращения. Не подлизывайся.

— Тоже справедливо, — заулыбался он. Чижев даже позавидовал — если бы он с такой же легкостью мог с женщиной помириться. А впрочем, хотел ли? Ревность и любовь в одной связке — гремучая смесь, рождающая противоречивые желания.

— Кругом марш!

Группа развернулась и побежала к боксу номер семь. Здесь было четыре камеры перехода и стекла меж коридорами много толще.

— Далеко направляемся? — любопытствовал Чиж.

— Триасовый период мезозойской эры, — с усмешкой поведал Сван.

Николай невольно присвистнул.

— Отставить свист, — приказал капитан.

— Примета плохая, — пояснил проходящий вперед Чижа Пеши.

— Тогда спою.

— Не советую, — хмыкнул. — Первый такт застрянет на голосовых связках. Командир шутить не любит.

— Это потому что он с динозаврами общий язык найти не может, — хохотнул Сван.

Патруль загрузился в бокс, плотно прижавшись плечами к плечам.

— Приготовится к перегрузке. Если товарищу плохо...

— Поможем ему отмучиться, — хохотнул Сван.

— Ты смотрю, в ударе? — покосился на него Иван. — Еще слово...

— И удар будет за тобой. Понял, замолкаю.

Перегрузка была дикой. Чижа словно пережевало и выплюнуло. А ведь подумать — в первый ознакомительный рейд еще дальше забирались.

Патруль не вышел — вывалился на песок и замер, забыв на пару минут и кто, и где, и зачем. Постепенно бойцы начали подниматься. Первый Иван — сел тяжело дыша, стал эфир слушать — помехи и трещание. Скверно. Товарищей взглядом обвел — те мухами полусонными по песку ползали в попытке подняться, а вот Стася вообще не двигалась.

Федоровича в пот бросило, рванул к ней, подхватил, переворачивая на спину, пальцами сонную прижал — пульс есть. Встряхнул, по щекам чуток хлопнул — ноль реакции. Вытащил из кармана ампулу раздражителя и, отломав ее, провел жидкостью по вискам и над верхней губой. Женщина резко открыла глаза и, задыхаясь, попыталась отползти — ее затошнило. Иван, перехватив ее за талию, утащил к воде. Умыл как ребенка.

— Ты все-таки уходила! — процедил, схватив ее за лицо. — Ну?!

Та не соображала — тело как кисель, мыслей ноль, взгляд пустой.

— Стаська! — опять водой в лицо брызнул.

— Что с ней? — подошел Чиж.

— Перегрузка. Сто процентов два перехода сделала! — сплюнул в сторону Сван, возвышаясь над остальными.

— Связь давай! — бросил Иван Яну, чтобы лишнее не болтали и не глазели на женщину.

— Так нет связи, помехи одни, — пожал тот плечами.

— Лихо, — прищурился Иштван, огляделся.

За песчаной косой красного цвета, вгрызаясь в океан, шел буро-красный разлом скалистых пород. Прямо заросли древовидных хвощей, возвышающиеся столбами, достигающими до десяти метров. Под их вершинами торчали тяжелые и твердые початки. Этот «живописный» лес дополняли их родственники — хвощи поменьше, вздыбливающие своими корнями ил и песок. Их мелкие листики и мутовки немного разбавляли унылость вида старших родственников, но особого оптимизма не внушали. Заросли были слишком густыми, слишком однообразными и угнетающими в своем сопротивлении даже ветру — ни один стебелек не колыбался. Он навевал неприятные ощущения опасности и отстраненности от мира. Лес был в нем, но как бы и не был, существовал на илисто-песчаной почве, а вроде бы и не держался на ней, и как фрагмент неожиданной трагедии, вставленный посреди самой романтической комедии, перекрывал любые стремления и надежды, удручал и намекал о могуществе природы, о том неизведанном, что, не смотря на весь прогресс, человек так и не смог познать и даже прикоснуться к нему.

Воздух влажный и жаркий до духоты, насыщенный запахами испарений, гниющих растений, застойной воды, доносившейся с легким ветерком именно от хвощового леса, намекал, что он хранит более печальные и опасные тайны, чем может показаться изначально.

Тихо. Океан спокоен и темен, безграничен. Такое ощущение, что есть только он и полоса суши уже занятая хвощем, а больше ничего и никого. Потому что все остальное здесь неуместно и неприемлемо и будет отвергнуто, изгнано или принято лишь в рациональном качестве.

— Выходит, мы в полной заднице мезозоя.

И вдруг с тихим шелестом разрывая тишину, на песок почти перед группой шлепнулось нечто. Противное членистое тело с щупальцами выростами, две пары крупных крыльев и третья маленьких, два огромных глаза и три маленьких, и ко всему этому счастьем природа добавила мощную устрашающую челюсть.

— Стрекоза, блин, — передернуло Акима. Мужчина достал пистолет. Остальные бойцы встали рядом, образовав полукруг обороны для Ивана и Николая, что приводили в себя Станиславу.

— Вот что не люблю, — заметил с шипением Сван, пристально с брезгливостью и

опаской наблюдая за насекомым. — Так это карбон, мезозой, юрский период, каменный век, палеолит, неолит, древние, средние века, эпоху Возрождения, времена капитализма, социализма и социал-дарвинизма, демократического капитализма.

Ян нахмурился, складывая услышанное и, выдал сакраментальный вопрос:

— Что не вошло в список?

Товарищи дружно уставились на него, будто это не Сван, а именно Пацавичус фигню сморозил.

В это время Стася наконец пришла в себя и даже чуть изменила цветовую гамму лица — просто побелела.

— Стасенька, — начал тихо и вкрадчиво вещать Иван, придерживая ее, чтобы не упала. — Вернемся домой, знаешь, что я с тобой сделаю?

— Э-э-э...а...

— Я тебя спишу! — рявкнул, не найдя нового аргумента воздействия. Стася встала и отрицательно качнула пальцем: ничего подобного! Яснее она выразиться пока еще не могла. И стоять тоже — ее штормило и заваливало на бок. Вернуть координацию помогла чудовищная животина, идущая на них прямо из океана. Стекланный взгляд, морда змеи, шипастый огромный панцирь из костяных пластин — все это медленно и натужно выбиралось на берег, загребая песок когтистыми лапами.

— Черепаха, — пискнула Стася.

— К нашей девочке вернулась речь, — улыбнулся ей Иван и скорчил жуткую рожицу. — Все? Можно двигаться?

А Стася уже двинулась — подальше от прапрапрабабки упомянутой черепахи, что, наплевав на занятый пляж, ползла и ползла, наступая на гостей.

Группа перебазировалась ближе к скалам и начала совещание:

— Три трассера пропали где-то здесь.

— Вряд ли мы их найдем, — с «оптимизмом» заметил Аким, намекая: а не пора ли

ребята уже и домой. Прогулка была томной, спасибо, но пора и честь знать.

Но его чаяньям не дано было сбыться.

— Найдем. Это наша задача, — заявил командир. — Трасса не стабильная, поэтому связь неустойчивая. Приказываю быть максимально внимательными, из зоны видимости друг друга не исчезать, слушать эфир, если возьмется волна, обязательно передать координаты и попытаться наладить «зеленку». Выжить в этих местах тяжело, но возможно. Будьте осторожны. Спать скорей всего не придется, путь прохождения самый паршивый: болота, пески, скалы, насекомые, рептилии всех мастей. Собрались ребята. Для начала прочешем скалы и береговую линию этого квадрата.

Патруль, настороженно оглядываясь и переглядываясь, двинулся в сторону разлома и камней. Реликтовая черепаха тупо посмотрела им вслед и потащила свой тяжелый панцирь дальше.

Чем ближе к скалам, тем меньше песка. Вокруг все было усыпано ракушками, скала облеплена ими со стороны океана до самой верхушки. Одни присосались к камню намертво, другие ползли упорно вверх или в сторону по уже умершими и живыми сородичам. Создавалось впечатление, что камень шевелиться, кипит.

Патруль оглядел почти вертикальную стену, соображая, как бы на нее взобраться и при этом не быть затоптанными моллюсками, и пришел к выводу, что лучше не мучиться, а пустить стрелы, закрепиться и подняться. Так и сделали.

Подъем был весьма опасным. Камень под ботинками крошился, видимая опора при прикосновении превращалась в песок, но какие-то вкрапления оказывались крепче гранита и грозили устроить обвал. Когда последний боец забрался на покрытый желто-зеленым мхом склон и стрелы вернулись в пазы на пистолетах, команда уставилась вдаль, зачарованная открывшимся видом.

Хвощи всех мастей, папоротник и плауны с высокими стволами, покрытыми рубцами, огромные столбы с вихрастыми куполами, заросли палок, похожих на бамбук, только с мохнатыми вытянутыми кистями на концах, тонкие высокие стволы с развесистой кроной из длинных листьев. Густые заросли всего этого перемежались с мутной гладью воды, из которой торчали то корни хвоей, то зонтичных растений, мшистыми буграми и листьями. Куда не глянь — везде густота лесного массива. Только скальный хребет проридился через эту чащу, уходя далеко к горизонту, как хвост диплодока извиваясь среди яркой, буйной зелени. Далеко на конце «хвоста» еле угадывались силуэты буро-серых гор.

— По хребту идем, — постановил Иван.

Мудрое решение, — кивнула дружно команда и двинулась цепью по каменистой насыпи.

Из зарослей то и дело выныривала какая-нибудь особо жуткая, жужжащая дрянь, слышались звуки то ли чмокания, то ли чавканья, шлепки и резкий стрекот.

Две ящерицы со сплюснутыми головами гревшиеся на солнышке на валуне, даже не обратили внимания на проходящим мимо людей.

Под ноги Стаси нырнула огромная сороконожка и, женщина, взвизгнув от неожиданности, отпрянула и впечаталась прямо в Чижа.

— Осторожно, — придержал ее тот. — Боишься насекомых?

— Как все женщины, — ответил за нее Аким, проходя мимо и, с хрустом раздавил сороконожку ботинком. Стасю передернуло.

— Возьми жвачку, — кинул ей кубик Иштван. — Мутить от этих тварей не будет.

Женщина сунула ее в рот и тряхнула волосами, надеясь избавиться от омерзения и страха перед местной фауной.

— Кошмар, да? — с сочувствием покосился на нее Николай. — Держись рядом.

Какая она все-таки глупенькая, маленькая, слабенькая, — улыбнулся подбадривающе, с нежностью и сочувствием поглядывая на Стасю. А та не замечала взгляда Чижа — под ноги смотрела, боясь напороться на нечто подобное тому, что геройски победил Аким. Ей было ужасно стыдно своего детского, глупого страха, но она никак не могла с ним справиться и готова была визжать ежеминутно и по делу и просто так, в качестве репетиции встречи. У нее даже волосы на голове дыбом встали как у кошки шерсть, и шла она как балерина, почти на носках, и почти выплясывая то менуэт, то па-де-де.

Наблюдать за ней было смешно и трогательно. Чиж улыбался, Иштван косился, поблескивая смеющимися глазами. Сван щерился во весь зубной состав, лукаво шурясь на сестренку. Да, сейчас они чувствовали себя рядом с ней воистину сильными и могучими мужчинами, братьями — богатырями.

— Кви! — подпрыгнула Стася, увидев паука, огромного и грозного как ей показалось и, поняла, что через пару часов такого марша заработает сразу все нервные болезни, какие существуют на свете.

А тут еще какая-то жуткая каракатица наклонила вершушку хвоща в ее сторону и прыгнула.

С криком:

— Аааааа, — Стася впечаталась в Чижа и накрепко прилипла к нему, не понимая этого. Тот и рад, обнял успокаивая, взгляд гордый — к нему кинулась, не к Ивану или Иштвану. Сердце от радости чуть не в висках билось: малыыышкаа.

— Что за оперные арии, Русанова?! — обернулся капитан. Увидел огромные от ужаса глаза женщины, белое лицо и вздыбленные черные волосы и притормозил, понимая, что Стася близка к банальному обмороку.

— Камрад, у сестренки финиш нервной системы, — хмыкнул Сван. — Пора доставать успокаивающее.

— Нет! — очнулась женщина, ладони выставила и умоляюще на капитана посмотрела. — Иван, пожалуйста, дай мне пять минут!

— Привал, — объявил тот, кивнув Стасе. Женщина рухнула на колени и закрыла глаза, начала приводить нервы в порядок, прогонять страх и настраиваться на спокойствие. В свое время она избавилась от страха перед насекомыми, но тут то ли программа сбилась после двойной нагрузки, то ли слишком много, слишком больших и мерзких экземпляров было, старый страх вернулся. Чтобы победить его требовалось время и усилие воли, здоровая злость на себя и на насекомых, что женщина и пыталась аккумулировать.

Чиж расстроено топтался рядом, готовый вновь предоставить ей свои объятья для успокоения.

Иштван и Иван обзревали в оптику стекол очков окружающее пространство. Ян бродил по камням, выискивая место, где бы ловила волна и наладилась связь. Аким сидел на валуне и, морщась, смотрел на заросли древнейшей флоры.

— Все, — поднялась женщина. Увидела паука, ползущего к ней и со злостью отпнула его. — Кыш!!

— Подъем, — бросил капитан, и группа опять двинулась в путь.

Бойцы то и дело поглядывали вокруг, на маячок часов, и прикладывали пальцы к ушному наушнику, вслушиваясь то в тишину, то в слабые эфирные всполохи. Но ничего не

говорило о присутствии людей, о возможности связи.

После двенадцатичасового марша, группа вышла на холмистое пространство с превалированием каменистых насыпей и, илистых прогалин воды. Первым движение маячка заметил Иштван и крикнул:

— Есть! Капитан, кажется есть!

Патруль дружно уставился на свои часы — маячок дрожал у всех.

Стася повела рукой, пытаясь понять направление, а значит и местоположение своих и отметила на северо-западе более четкое колебание. Двинулась в сторону лежащей там каменной гряды и мутных луж.

— Русанова, куда?

— Иван, здесь более четкое определение. Это где-то здесь, — повела над насыпью рукой, взобралась вверх и приметила у камня бусину наушника.

— Худо, — кинула его капитану.

— И у меня! — бросил найденный на самой вершине наушник Сван.

— Два. Где третий? Ищем, братцы.

— Что искать? Больше ничего и никак, — бросил Аким, показывая, что маяк на часах замер.

— Да-а, — проверил свои часы Федорович. — Значит третий с наушником.

— Или потерял его много дальше, — заметил Иштван.

— Одно радует, ни крови, ни останков, ни признаков борьбы не видно.

— Видимо бежали, ног не чуя.

— Ага.

— Э-э-э-эй!!! — закричал с высоты Сван, сложив ладони рупором.

Крик эхом разнесся по долине и стих. Минут пять слушали — ответа нет. Забрались к мужчине на гребень и дружно грянули в семь голосов:

— "Оранжевые"!!!

Опять тихо.

— Глупо, — поморщился Аким.

— Есть другие предложения?

— Домой вернуться.

— И бросить своих, — кивнул Сван, презрительно глянув на мужчину. Бойцы переглянулись — не сработаемся, говорили их взгляды. Капитан недобро глянул на Шаловича:

— Истерику отставить. Есть задание и, пока оно не будет выполнено, никто никуда не вернется.

— "Сначала дело", — бросила Стася.

— "Главное вера", — поддакнул Иштван.

— Все равно здесь не выжить. Бред искать кости или трупы.

— Рот закрой и мысли свои умные при себе оставь! — процедил Пеши. — Пока мы их не нашли, они живы, понял?!

Аким отвернулся, не видя смысла спорить.

— Доставайте зонд, — приказал Федорович.

Тубус с зондом был воткнут в расщелину меж камней, крышка отвернута, нажат пуск. Через полминуты в небо взметнулся факел и распался, трассирующими линиями уходя в стороны, завис в воздухе, напоминая огромный остов зонта.

Бойцы зашатались по периметру вызывая пропавших и вскоре слышали тихое, но явное в эфире:

— База, база! Вас вызывает двойка. База, двойка на связи. База!

— Кто на связи? Кто на связи, двойка? — тут же забубнил капитан. В эфире наступила тишина, а потом грянуло бодрое, обрадованное:

— База, я два дробь три! Как на счет «зеленки» база?!!

— Зеленые тебя и слушают. Где ты находишься?

— Пещеры в десятом квадрате. Ребята, это вы? А где база?

— Дома. Не отвлекайся, координаты точнее.

— Северное направление, квадрат десять. Здесь пещеры, я в одной засел.

— Кто с тобой?

— Я один. Мы только вышли, напоролись на танистроферуса, потом на нотозавра. Пока отбивались, четверка и пятерка ушли брать пробы. Связь нулевая, докричаться до них не смогли. Пошли искать и нас атаковали прокомсогнаты, а затем халтикозавры. Здесь все кишит рептилиями!

— Как ты на севере оказался?

— Нас в разные стороны разметало. У меня из всех приборов: часы и наушник. Из оружия — один пистолет. Я искал своих, но напоролся на платезавра...

— Понятно, все ящеры сползлись к вам. Почему бежал? Как вас могли «разметать»?

— Халтикозавры шли стадом, стадом и ринулись на нас. Их было девять особей.

— Где это случилось? Мы не нашли трупов рептилий.

— Вы где?

— Шестой квадрат.

— Это далеко от меня и от места происшествия.

Не так уж далеко, — подкинул в ладони наушники капитан: скорей всего это те, кто ушел брать пробы.

— Ты цел?

— Да.

— Мы в шестом квадрате, горный хребет. Добраться сможешь или за тобой послать?

— Я постараюсь. Но скоро будет темно, это опасное время суток — хищники бродят и холод дикий.

— Предлагаешь заночевать у тебя? Я не против, но как-нибудь потом. У тебя зонд есть?

— Израсходовал.

— Понятно. Тогда делаем так: ты остаешься на месте и ждешь нас. Мы поищем твоих товарищей и придем к тебе. Насколько высокие горы?

— Я не поднимался, но вершины довольно приметные.

— Хорошо.

И отключил связь, оглядел ребят:

— Обувь перевели на воздушки. Рассредоточились и прочесали периметр. Все слышали, кто здесь бродит? Смотрим в оба, наушники не теряем. Встречаемся здесь же через

час. Разошлись.

Бойцы веером разошлись в разные стороны от пеленга зонда.

Вечерело. Холод уже ощутимо касался лица, а мрак отвратимо пробирался в лесную чащу.

Заросли древовидного папоротника, плаун, хвощ и цикадовые особо ирреально смотрелись на закате. Солнце катилось за горизонт, уступая место красно-лиловому закатному зареву и серо-синей постели небес.

Огромные деревья с вздыбленными корнями, под которыми что-то копошиться, шорох сухих опавших листьев, игольчатые лапы хвощей, качающиеся в такт движения какого-то насекомого, но ни единого признака человека или крупного животного.

Время убегало безвозвратно: минута, час, день, и можно было попасть в карбон или меловой период, но невозможно было вернуться в то место и тот момент, когда трассеры появились здесь, нельзя было дважды войти в воды времени ни им, ни патрулю.

Лес хранил свои тайны, как и временное пространство, окутывая дымкой темноты, как время туманом забвения, где только силуэты наиболее выдающихся деревьев впереди еще угадываются, а что за ними, далеко за горизонтом, уже увидеть из этой точки не дано, как не дано ни одному человеку в одной жизни испытать дважды рождение и смерть, прочувствовать одну эмоцию с точностью до оттенка второй раз, встретить рассвет на одном месте и точно такой же, как первый, и в точно таком же моральном, физическом и энергетическом состоянии, и получить точно такие же ощущения. Скорость течения временной реки много сильнее, чем думает человек. Он как камень кидает себя с одного берега на другой, но не может понять, что та вода уже ушла и ее не нагнать. Время не река, его не обуздать. Можно построить мост и перебраться на тот берег, но это не значит, что человек стал сильнее и выше стихии, что покорил ее.

Уже в темноте патруль собрался у зонда и молча осел на насыпь, обозревая непокорное пространство, глухое, дремучее, наплевавшее на все достижения человеческой мысли. Новостей не было, признаков потерявшихся трассеров и связи с базой тоже, и настроение было отвратительным.

Природа смеялась над прогрессом и человеческим разумом, намекая, что как бы далеко он не зашел, он все равно дитя по сравнению с ней. Если подумать, становится ясно, что человек открыл новое лишь для себя, а природе это открытие давно известно, не только в постулате, но и в действии. География же, если разобраться, всего лишь история пространства, а сама история, всего лишь география времени. И хоть перескакивая временные барьеры, хоть преодолевая огромные расстояния, перелетая с места на место — суть остается одна и неизблема: "не откладывай на завтра, что можно сделать сегодня",

потому что «сегодня» не вернешь, а «завтра» и ты и мир вокруг тебя будет другим, и сюда, этот момент, в этот миг ты уже никогда не вернешься.

— Она пропали всего сутки назад, — тихо сказал капитан. — Всего двадцать четыре часа назад.

— Целых двадцать четыре часа, — поправила Стася.

За это время во всей спирали вселенских миров умерло и родилось миллиард существ и идей, погибли и возродились цивилизации.

Сутки. Кажется безумно мало, всего песчинка в пустыне времени и пространства, но все же безумно много в маленьком бархане человеческой жизни. Сколько за это время может успеть человек и сколько не успевает или забывает, или не желает совершить?

24 часа, 1 440 минут, 86 400 секунд — уникальное богатство, сокровище, не имеющее аналогов. Но на что оно потрачено?

Человек как мот, избалованный сынок богатейшего родителя, получивший баснословное наследство от отца, не считая, тратит его, потому что не зарабатывал, не знает его истинную цену. По началу все прекрасно, идет своим чередом без забот и хлопот, без мысли что беззаботность тоже имеет свою цену, но вот бездумному моту намекают на оплату счетов, и он оплачивает из раз, два, десять, но опять же не задумывается, что скоро платить будет нечем. И этот момент наступает. Как бы он не был легкомыслен, ему придется осознать, что все имеет свою цену, свое начало и конец. Приходит время, когда казалось, безграничное богатство, иссякает. В запасе не остается и гранулы — минуты. В этот, последний миг, глупец спешит успеть то, что не успел и даже не думал совершить за весь отмерянный ему срок.

Блажен, кто замечает, что «наследство» подходит к концу и пусть на последнем гроше, но начинает с умом относиться к оставшемуся, перестает транжирить, бездумно тратя «золото» на «свинец», как святое на пустое.

Но большинство не понимают этого до последнего мига и продолжают бежать за иллюзией эго, доходят до финиша строя рожицы отстающим и пропадают, падают в бездну небытия, не успев сообразить: что это было? Куда бежал, зачем? К чему был затеян бег? Что ты оставил там — уничижительную рожицу соседу, ехидную ремарку сопернику? Да, стоило бежать, кутить и тратить силы...

Стася вздохнула: ее двадцать четыре «гроша» прошли впустую, тупо. А предыдущие?

Женщина покосилась на притихшего, нахохлившегося Чижа, что вглядывался в

темноту и думал о своем, как остальные.

— Извини, — протянула ладонь.

— За что? — очнулся, внимательно посмотрел на нее.

— За то, что ударила и оскорбила.

Николай улыбнулся и с нежностью пожал ладонь Стаси:

— Ты меня прости. Я был неправ и вел себя, как последний идиот.

— Забыли.

— В смысле вы уже прощаетесь? Последний долг, последнее прости? — усмехнулся Сван.

— Не рано? — поинтересовался Иштван.

— В самый раз, — буркнул Аким.

— Можно, я за себя сама отвечу? — хмуро глянула на него Стася. — Никто ни с кем не прощается. Я лично всего лишь сделала то, что должна была сделать еще сутки назад. Если кто-то усмотрел в простом осознании неправоты и извинении нотку прощания или упадничества, его трудности.

— Смотрю на тебя, какой раз удивляюсь: что же ты пессимист такой? — положил на плечо Акима руку Сван.

— Ну, вот что, отдохнули, перекусили — подъем, — приказал капитан.

— Поспать бы, — стряхнул с плеча руку мужчины Шалович.

— Дома выспишься, — поднялся Сван. Следом остальные.

— Оружие на готовность, фонарики на ближний свет, — отдал распоряжение Федорович. — Ян, каждые десять минут давай сигнальный огонь. Всем внимательно

слушать и смотреть по сторонам. Пошли.

Отдых закончился.

Всю ночь патруль шел на северо-запад в десятый квадрат и очень надеялся по пути встретить еще двух пропавших трассеров.

— Если не найдем — что будет? — тихо спросил Стасю Чиж, высвечивая подсветкой на пистолете каменные россыпи под ногами, валуны и холмистые насыпи невдалеке.

— Ясно что, — буркнул Ян.

— А с нами, что будет? — любопытствовал Аким. — Связи-то с базой нет.

— Слушай, пацан, ты меня конкретно доставать начинаешь со своим "оптимизмом", — процедил Сван.

— Патруль никуда не уйдет пока не узнает судьбу пропавших, не найдет их, — объявила Стася.

— А если их динозавры съели? — уставился на нее Шалович. — Будем интервью брать?

— Надо будет, и у облаков интервью возьмешь, — заявил Иван. — Ногами двигаем резвей, рядовой, вперед.

— Кто-нибудь может объяснить, почему нас неслабо сплющило при переходе? — перевел на другую тему разговор Чиж.

— Элементарно, — взялся Иштван. — Трасса еще сюда не проложена, ребята только появились здесь.

— И что?

— Есть астрономическое время, есть биологическое, а есть мировое. Поле мирового пошло на конфликт с биологическим, потому что поле проявления нестабильно плюс сопротивление при внедрении образует большее давление на атомарные частицы, чем при близком переходе. Разность гравитации в точке исхода и прибытия, создает дополнительную нагрузку, а вычисления сделать невозможно, пока здесь не побываешь.

— Трассеры делают замеры силового поля, гравитационного уровня, геологическое и эволюционное состояние Земли, анализируют ее массу и радиус, плотности пространства в новых точках. После идет пара экспериментальных рейсов для дополнительного исследования и стабилизации пути. Когда трасса налажена, она становится открытой для других, — пояснил Иван.

— То есть, при перемещении из точки А, нужно знать что ждет тебя в точке В включая геологию?

— Да. Расчеты идут в совокупности, иначе есть угроза приземлиться где угодно в полевом состоянии.

— Но мы же не распались.

— Мы патруль.

— В смысле — особые?

— Да. Тепловое излучение наших тел, уровень энергобаланса, плотность физического и энергетических тел, биологическое время — все имеет значение. Чем выше энергонасыщенность биологического объекта, в частности человека, тем быстрее течет его время. А энергонасыщенность составная удельной плотности объекта, что важно при перемещении, потому что время тоже имеет свою плотность и увеличивает внутреннюю энергию — повышает температуру тела сёрфера. За это отвечает уже личный заряд хронала тела, чем он выше, тем выше темп процесса и ниже течение времени. То есть, оно замедляется, а ты ускоряешься. Различие температур, влечет за собой изменение веса и вызывает нарушение равновесия двух структур — биологической — твоей, и времен-пространственной. А так как время кроме пассивных свойств имеет активные: направленность хода и плотность, а так же, физическую реальность, начинается процесс взаимодействия двух физических плотностей, где время автоматически выталкивает тебя в месте наименьшего сопротивления — той точке, куда ты направился, потому что в боксе состояние твоего энергетического и физического тела доводят до соответствия точке выхода.

— Почему я не замечаю этого?

— Потому что скорость света всегда остается неизменной, а свет не подчиняется правилу сложения скоростей, но сам по себе является электромагнитным полем, способным перемещаться в пространстве.

— Тебе энергетическую оболочку разогревают до соответствия точки выхода, — перевел Сван. — И как фотон отправляют в нее. Чем быстрее перемещаешься, тем сильнее

замедляется биологическое время. Короче, перекидывают тебя с предельной скоростью, за счет которой внутреннее время организма в разогретой оболочке останавливается и, ты не замечаешь перехода, не старишься, не рассыпаешься. Для тебя миг прошел, для человечества века.

— В боксе начинает, набирая обороты, крутиться кварцевый обод на полу. Видел? Это для доведения тела до равного состояния гравитации в точке выхода и дополнительная страховка для сохранения объекта перемещения в целости. Когда гравитация исходной точки известна, а конечной нет, происходит перегрузка. Как оно — уже прочувствовал. Разбалансировка биологической системы — следствие подобных переходов. Поэтому перемещения во времени были долгое время мифом.

— Да еще физические постулаты помогали тормозить этот эксперимент, — вставил Иштван. — Слышал о теории Пригожина?

— Нет. Кто такой?

— Здравствуйте! Лауреат Нобелевской премии, твой современник. Ну, и мой, в смысле там, где мы жили. Он заявил что: "необратимость и неустойчивость жестко связаны меж собой: необратимое неориентированное время может проявляться лишь потому, что будущее не содержится в настоящем".

— Бред.

— Точно. Если пойти от обратного, то как раз все и получается, потому что полностью подтверждается сначала на энергетическом уровне пси-частотных колебаний и тахионной связи — мгновенной между прочим, потом на физическом уровне. Это доказали в 2543 году. Наши желания подкрепленные волей и верой из настоящего, сиюмоментного переносят проекцию этого желания вперед и начинается подстройка ситуаций, окружающей среды и самого объекта к встрече с этим исполненным уже желанием в будущем. Причем не из прошлого, ни из будущего сделать это нельзя. Нужно разогреть энергоструктуру, довести до максимума плотность энерго поля, то есть, до четкого светового излучения на псиволновом поле и тем, замедлив биологическое время, четко и реально представить себе необходимое. Потом отпустить тормоз, давая возможность времени течь по заданной проекции и процесс пошел. Чем выше моральные качества человека, тем чище и выше энергетика, тем сильнее свечение, тем больше шансов внедрения тахионов ауры в псиволновое пространство, которое является частью вселенского временного пространства. Вспомни наше время? Есть йоги, гуру там, они многое могут, но не хотят, на том уровне духовного развития, на котором они находятся, им нафиг ничего не надо. А те, кто до фига хочет, ничего не получает. Странно, да? Закономерно.

— Скомпилировав данные и изучив процесс исполнения желаний, ученые пришли к выводу, что человек сам строит свое будущее, а значит и прошлое принадлежит ему и не запрограммировано кем-то левым. И все беды, проблемы — часть задумки самого человека.

— Ага. Ну, нравиться человеку маяться, он страдает и ему кажется, это его к чему-то высшему приобщает, чуть не святым мучеником делает. Фанатизм религиозных концессий пагубно повлияли на психическое состояние личности, а раздробленность науки не давала скомпилировать знания и перейти на панорамный — синтезирующий уровень мышления. Пришел момент осознания и начались исследования. Психология встала на рельсы физических экспериментов, к ней присоединилась биология, генетика, медицина. К 3000 году стало ясно, что магия — не что иное, как влияние психических волн особо развитых в духовном плане личностей и чем выше духовное состояние, тем сильнее энергетика, тем выше процент "исполненных желаний". А это уже влияние на общество и историю. Подключились социологи и историки. Выяснилось, что личности с высокой энергетикой, но нестабильной психикой оказывают отрицательное — разрушающее влияние на себя и окружающих, на исторический процесс и прогресс, а личности со стабильным высоким уровнем духовного развития, морально-этическим кодексом, автоматически повышают уровень и плотность своего энергополя и положительно влияют на окружающих и остальные процессы. Вспомни Гитлера и сравни с... с Невским, например. Их энергетика через века сохраняется и ощущается. Один отталкивает, рождая дрожь омерзения, другой подспудно возбуждает желание прикоснуться к нему, соответствовать уровню и соответственно поступать. Разницу улавливаешь? Без объяснений на чисто интуитивном уровне прослушай свои ощущения? От первого, желание морду набить, явная агрессия исходит, от второго патриотизм, вера усиливается, ощущение благородства целей появляется.

— Ну и? — прищурился Чиж: интересная дискуссия.

— И все. Наука, наконец, стала исследовать мир, в котором живет человек и самого человека, а не бежать в космос от всей хряни, что на Земле твориться.

— В начале третьего тысячелетия были открыты специальные заведения для тех детей, что в дальнейшем могли своей силой психической энергии повлиять на будущее и начали постепенно его видоизменять в лучшую сторону. Параллельно продолжались исследования времени и пространства, — сказала Стася. — И пошли от постулата Пригожина в обратную сторону с уже научно доказанными и подтвержденными фактами. Время ориентировано и устойчиво, а значит и обратимо, потому что будущее стоит из настоящего, вернее из-за того, что будущее строится из настоящего оно может быть и ориентировано и стабильно и обратимо. Но воздействие на него происходит на высоком энерго-психическом уровне, поле к которому еще не подходили с исследованиями, потому что как тахионы, предполагали лишь, что они есть, но не доказали.

— Причем доказывать нужно больше ученому совету всяких закостеневших академиков. А это блок-пост, дальше не пройдешь. Знаешь сколько самых интересных, самых продвинутых открытий и изобретений было зарезано с 95 по 2000 год? Ни нефть бы не нужна была, ни бензин, и голодных было бы в два раза меньше, а кому из вышестоящих это было надо? Та же нефть — это деньги, а на остальное — плевать, — сказал Иштван.

— Откуда же ты про открытия узнал?

— Архив, — бросила Стася.

— Между прочим, старичок, еще в древности архив существовал — тростниковая библиотека. Все данные по всем процессам, от судьбы незначительного человечка до величайшего открытия которое еще только через век или два произойдет. Откуда и что знали древние? А вот тебе, выходило, что они более продвинуты, чем будущие поколения.

— Значит, чем выше энергетика человека, чем он чище, так скажем, тем проще ему путешествовать во времени?

— Точно. Это не феномен, брат, это факт. Когда его открыли, он возмутил своей смелостью общественность, но вскоре стало ясно, отчего ни раньше, ни позже не было предпосылок для создания стабильной системы перемещений — уровень развития человека и общества был слишком низок, мышление застыло. В социальной структуре превалировало эго, вокруг него все крутилось. Представь НАТО вломившееся не в Ирак, а на Куликовское поле. Они бы изменили ход истории как нужно им, вошли в противоречие с мировым течением времени и дали по тормозам всей эволюционной системе. Чтобы этого не случилось, "машина времени" никак не создавалась.

— Поэтому у вас в будущее не ходят?

— Уровень развития для этого еще слишком низок. Не доросли мы до той планки. Влияем потихоньку и то ладно, — сказала Русанова.

— Ничего себе как закручено, — качнул головой Чиж. — Сложно.

— Это только кажется. На деле все просто.

— Сложностей вообще не бывает, сложности только у тебя с самим собой могут быть, они тебе дискомфорт и колебания устраивают, отсюда и их внешнее проявление — нестабильность в окружении, непонятки с будущим, — усмехнулся Иштван. — Это мышление, брат, его сломать много сил надо и смелости, а нам проще в бой ринуться с видимым врагом, чем с невидимым, хотя последний как раз важнее. Я года три все это переваривал. Слом системы мышления переживал. Но отголоски до сих пор есть. Не выветривается полностью, хоть ты тресни.

— Выветрится, — заверил Николай.

— Дай Бог. Хотя безумно сложно. У нас же вмонтирована модель поведения с рождения. Еще один Пригожин, доктор философских наук классифицируя катастрофы определил один из их видов как возмездие за попытку человека решить простым способом сложную задачу, карой за грешные попытки перескочить через трудности и страдания. То

есть, он лишний раз намекнул — мучайтесь, люди добрые, страдайте больше, и тем отодвинете беды от себя и человечества. Взял так лихо и кинул на плечи человеческого сообщества груз вины за ошибки, как всей цивилизации, так и ее единицы, да еще ответственностью за все что происходило, наградил. А! Землетрясение?! Вот, вот, это ты дикобраз, лапки свои не прополоскал перед тем как на священное место взобраться! Это ты дундук виноват, потому что фантик от конфеты мимо урны бросил — вот тебе за то гиена огненная — терзайся осознанием вины и греха. И ведь мучаешься, на составные каждый поступок раскладываешь, каждое качество перетряхиваешь, шлифуешь и мучаешься, мучаешься от неудовлетворенности, нереализованности, молчания, когда орать хочется, безответности, когда ударить надо. Ну, и что после такого с психикой происходит? Открытых Невских нет, одни скрытые Гитлеры бродят, декомпенсируются в воображении. Начальник прижал, а мы его мысленно удавим, а потом всплакнем и покаемся, пострадаем оттого, что так нехорошо поступили, потом порадуемся, что он ногу сломал, и опять помучаемся, принимая это на свой счет, признавая за травму свою вину.

Стася фыркнула:

— Шикарно. Как вы там жили?

— Как продеться, потому что как надо и хочется, не получалось.

— Если я правильно понял, все в наших руках.

— Не все, но наши мысли и энергетика оказывает влияние. А "сила мысли" единицы определенного излучения, способна влиять на общее пси-поле и мировое время.

— Существенное влияние.

— Существенное, при стечении массы психо-физических факторов.

— Значит, нужно дружно подумать и увериться, что найдем пропавших трассеров и мы их найдем, — перевел на удобный для себя язык Чиж.

— Можно попробовать, — с сомнением протянул Ян.

— Так может, подумаем, товарищ капитан?! — окликнул Чижов Федоровича. Тот покосился на него через плечо и кивнул:

— Думай. О своем.

— В смысле?

— Мало желать, нужно понимать что желаешь. И просчитать последствия желания, чтобы четко и емко сформулировать его. Тогда есть шанс, а в противном случае больше навредишь, чем поможешь, — сказала женщина.

— Я хочу найти трассеров, — начал рассуждать Чиж.

— Неправда. Первый минус — ты лично, хочешь вернуться домой или съесть бифштекс, заняться любовью с женщиной или получить десятку по стрельбам, — с насмешкой заметил капитан. — Трассеров ты в глаза не видел, они для тебя виртуальны и ничего желать, ты от них и для них не можешь. Нет никакой энергетической и психической связи меж вами, кроме вынужденной, а значит угнетающей и раздражающей тебя. Значит, больше навредишь, чем поможешь, причем и им, и себе. Отрицательный заряд рождает отрицательный импульс.

— Хорошо, понял — личное да? Хочу выполнить задание.

— Опять прокол, — хмыкнула Стася. — Где задание, какое задание?

— Найти трассеров.

— Ну, найдешь. Мертвых и что? — покосился на него Аким. Сван не удержался и толкнул его в плечо:

— Достал ты «оптимист»!

— Вот еще один отрицательный факт, — кивнул Иштван. — Ты, я, Стася, Сван, капитан будем желать найти трассеров живыми и невредимыми, Ян — не знаю, не обижайся, брат, плохо еще тебя изучили, а этот, господин Шалович точно — чисто вернуться домой будет думать. Толк будет? Нет. И потом в нашей ситуации слишком много желаний, которые в одно не вкладываются: найти, живыми, вернуться, всем, опять же, живыми, но это не значит, что целыми, не значит, что не при смерти и так далее, — отмахнулся.

— Лучше не лезть, — посоветовал Ян.

— А вот это мудро, — согласился Федорович. — Тем более здешняя психо-энергетическая атмосфера неизвестна нам и как наше желание на ней отразится и на всех наших — вопрос. Обойдемся без опасных экспериментов. Собой рисковать — дело личное, чужими жизнями — уже общее и допустить я этого не могу. Так что, тему закрыли, умные мысли из головы убрали. И не отвлекайтесь братцы, поглядывайте по сторонам.

— Закончили разговоры, — кивнул Иштван.

— Жаль, интересная тема, — искренне огорчился Николай.

— Дома поболтаем, — успокоила его Стася.

— Ты обещала, — улыбнулся, выставив палец.

Глава 9

В предрассветной дымке узколистные травы казались острыми и колючими.

Гористая местность закончилась и патруль двигался по холмистой равнине в сторону виднеющихся в тумане скал, окруженных лесом цикадовых и хвощовых.

До конечного квадрата оставалось не больше десяти километров.

Солнце розовыми красками рассвета окрашивало небеса и окружающий пейзаж уже не казался отталкивающе опасным, непривычным глазу. Ко всему привыкаешь и к ирреальности тоже.

Стася с любопытством поглядывала по сторонам и заметила на опушке леса слева странные предметы. Пригляделась и поняла: приплыли. На краю леса ночевало стадо огромных рептилий со столбообразными ногами, тяжелыми хвостами, маленькими когтистыми лапками. Один поднял голову и уставился на Стасю желто-зелеными сонными глазами.

— Ребята, у нас неприятности. Слева около десятка рептилий, — тихо сообщила женщина. Мужчины подобрались, узрев их и, группа с шага перешла на бег.

На счастье, то ли рептилии оказались травоядными, то ли сытыми, то ли еще сонными, за людьми никто не погнался и патруль благополучно миновал холм, вклинился в заросли жутких дубин древовидного хвоща. С полкилометра продираясь через лес этих исполинов, отряд вышел на берег пруда, врезавшегося в скалистые берега, мшистые камни и чащу папоротника и хвощей. На берегу под поваленным стволом лежал здоровый уродливый пупырчатый короткохвостый ящер, отдаленно напоминающий крокодила. Он приоткрыл свою пасть, выказывая ряды острых зубов и щуря маленькие хищные глазки, вертко

скользнул в воду, на счастье путников, решив не связываться с ними. На месте, где он лежал, что-то блеснуло. Аким двинулся к бревну и, подняв предмет, показал товарищам: это был жетон с оранжевым лабиринтом.

Федорович взял его за цепочку и оглядел потерянно ребят:

— Боря Орвий.

— Странно, что маяк молчит, — постучал по стеклу хрономера Сван.

Чижу не по себе стало — на глянце пластика явственно виднелось пятно засохшей крови и красные разводы, и вывод напрашивался сам — Боря погиб.

Борька! Пацан совсем, тот самый весельчак, что прыгал до потолка, оповещая о победе группы трассеров над группой зачистки.

— Может, жив еще? — тихо спросил неизвестно кого Ян.

Федорович хмуро глянул на него и пошел к бревну, пряча жетон в кармане куртки.

— Ищем по двое. Больше чем на сто метров не удаляться. Разошлись.

Чиж пошел за Стасей, опередив Иштвана. Тот посмотрел ему вслед и двинулся с Акимом, Сван пошел с Яном, Федорович принялся осматривать периметр вокруг поваленного ствола. Маячки попискивали, проснувшись вдруг, шалили, в наушниках не с того ни с чего, прервав тридцатичасовое молчание, вещала база.

— Пятерка, пятерка! Пятерка!

— Здесь!

— Связь нестабильна! Передаю координаты перехода. Квадрат двенадцать, квадрат двенадцать, коридор через двенадцать часов, постарайтесь успеть! Пятерка как поняли?!

— Поняли, база: двенадцатый квадрат, двенадцать часов, — присев у кустов, чтобы не стать хорошей мишенью для праздношатающихся диплодоков, и оглядывая муть воды и, прибрежные заросли, ответил Иван.

— Новости есть, пятерка?

— Нашли одного, ищем второго. Если найдем то десятка точно. Первый в норме.

— Что с третьим?

— Неизвестно.

— Пятерка, ждем всех.

— Мы тоже надеемся.

— Следующий коридор через сутки, интервалы в двенадцать часов. Интервалы в двенадцать часов! Как поняли пятерка?!

— Да поняли, поняли. Интервал двенадцать часов...

В наушнике затрещало и опять стихло.

— Тьфу! — в сердцах бросил Иван.

Стася переглянулась с Чижом — его маячок и ее стих вместе с наушником.

— Глухие места, — поморщился мужчина.

— Весьма отдаленные, — согласилась женщина, раздвигая ветку хвоща. Чиж остановился — нога оперлась на что-то твердое, хотя вокруг болотистая местность. Взгляд ушел вниз и, в наушник полетело, оповещая весь патруль:

— Нашел куртку.

Николай подобрал лохмотья куртки и переглянулся со Стасей — эта часть одежды больше напоминала нарезку ремней.

— Это еще ничего не значит, — упрямо заявила женщина.

— Идем к вам, — оповестил Федорович. — Всем сгруппироваться.

Стася и Николай пошли дальше, внимательно оглядывая заросли, прислушиваясь. Первыми к ним присоединились Аким и Иштван. Последний забрал останки куртки, сунул их в заплечную сумку.

— Ребята, вижу! — рванул к стволу хвоща прямо по курсу Чиж, приметив человеческую руку, выглядывающую в прогалине меж водой и листьями.

Все побежали за ним, начали раздвигать ветки папоротника и хвоща, освобождая тело. Мужчина был грязен и изранен, почти утоплен в болоте.

— Шалыгин Марат, — сплюнул в сторону Сван, когда Стася чуть оттерла лицо бедолаги.

— Орвий-то где? — спросил Аким, но его будто не услышали.

— Жив! — порадовала товарищей женщина, нащупав пульс на сонной.

— Вытащили! — приказал Иштван. Мужчины наклонившись, поддели тело руками вчетвером и высвободили из объятий грязи, понесли на берег. Там обмыв его водой из пруда и, осмотрев раны, Стася впрыснула в вену стабилизатор. Ян, помог обработать раны — жуткие глубокие борозды на груди и спине. Ногу и руку пришлось фиксировать — они явно были сломаны, а кисть и вовсе словно пережевана.

Иван и Сван расстелили палаточные носилки, надули пазы. Марата осторожно переложили и, группа в быстром темпе двинулась в десятый квадрат, чтобы, прихватив второго трассера, успеть переправить обоих домой, а потом уже продолжить поиски третьего. Хотя ясно, что с Борей стало, учитывая найденный жетон.

— Ян, зонд вон на той скале, бегом! — приказал капитан. Мужчина оторвался от группы и проворно вскарабкался наверх. Пока патруль осторожно поднимал раненого Пацавичус успел наладить связь с обнаруженным вчера.

— Я жду, жду.

— Мы у десятки. Где ты точно? Координаты!

— Капитан, приборы не работают, часы стоят.

— Хорошо, пруд переходил?

— Да. Если вы там, то через скалу, в сторону горы с тремя вершинами, я с краю.

Патрульные начали оглядываться.

— Вон, — махнул рукой Пеши в сторону невысоких гор поросших мхом и папоротником в километре от них справа.

— Мы идем, — сообщил капитан.

— Патруль... ребята, вы нашли еще кого-нибудь?

— Марата Шалыгина.

— Марата?! — трассер обрадовался, еще не зная, что радости пока мало и его товарищ в плачевном состоянии. Капитан обрезал его, не давая развить тему и раньше времени уйти в печаль. На подъеме настроения человек может многое, и не обуза, а помощник.

— Тебя как зовут?

— Серый... Сергей, личный номер...

— Вот что, Серый, сингалки остались?

— Нет. Я израсходовал их.

— Жаль. Тогда пойдем от обратного — выходишь и смотришь на сигнальные огни. Мы их запустим.

— Понял. Иду.

— И готовься к маршу — «зеленку» дают в двенадцатом квадрате.

— Понял!

Федорович достал сигналку и дал залп. В небо взмыла красная ракета и зависла. Отряд же двигался дальше, лавируя меж валунов. За одним из поворотов они увидели человека, стоящего на камне и обзирающего с высоты просторы тираса.

— Мы тебя видим. Градусов тридцать левее тебя, — сообщил капитан.

— Вижу! И я вас вижу!... Что с Маратом? — голос резко сменился с восторженного на расстроенный.

— Присоединяйся к нам.

Но говорить не надо было — мужчина уже прыгал по камням вниз.

— Серый! — порадовался ему Сван. — А я думаю: ты — не ты?

— Я, — протянул трассер, разглядывая осунувшееся лицо друга — Марата. — Ранен.

— Истерзан, — поделился знанием Аким. Лучше бы молчал.

— Разговоры отставили. Бегом, марш! — приказал Федорович.

Патруль перешел на бег.

Вскоре гористая местность сменилась на равнину межгорного плато, заросшую по краям лесом, которая как широкое шоссе протянулась почти до заданного квадрата. Бежать было удобно, но кроме удобства была и опасность — с краю леса невдалеке завтракали ящеры подобные тем, что патруль уже встречал, и привлекать их внимание отчего-то не хотелось. Скорей всего это были травоядные рептилии — они обдирали хвощевые ветки и валили стволы, продираясь вглубь за самыми сочными и вкусными листьями. Однако не факт, что кроме травоядных, поблизости не было плотоядных. Быть мишенью для любых — не хотелось, но с другой стороны бег по пересеченной местности значительно бы задержал группу, помешал прибыть в точку вовремя, а значит, лишил помощи тяжелораненого.

Федорович рискнул, повел патруль по равнине в ускоренном темпе.

Они шли с хорошим запасом времени, но каждый понимал, что пока не достигнут заданной точки, расслабляться нельзя. И оказались правы — прямо по курсу появились две огромные особи.

— К лесу, — скомандовал капитан и, отряд, не сбавляя темп, ринулся под защиту зарослей. Из них навстречу патрулю выскочило два молоденьких ящера с зелеными спинками и буроватыми глазными перепонками. Они заклацали челюстями, производя жуткие звуки. Зашипели, обступая людей, и то ли пугали, то ли сами испугались.

Короткие передние лапы были прижаты к туловищам, хвост ходил ходуном, зеленые глаза хищно блестели и можно было испугаться, подумать, что ящеры приняли патруль за пищу, если бы не смешные размеры детенышей, по сравнению с их сородичами, приближающимися к ним со спины. Те были не меньше трех метров, эти и метра в высоту не достигли, но все же это были ящеры явно из одного класса, и явно — не травоядные.

— В заросли и замерли, — приказал Федорович и взял на прицел юные особи, вместе со Стасей и Акимом прикрывая товарищей. Мужчины углубились в лес, вспугивая еще более мелких представителей прокомпсогнатов и халтикозавров. Их как муравьев в зарослях было немерено. Они ринулись в разные стороны, шипя и смешно клацая челюстями. Над проявлением агрессии в столь маленьких существах — не больше полуметра, можно было бы посмеяться, если б не количество детенышей, что если не съесть, то закусать и затоптать всей толпой смогли бы легко.

Взрослые халтикозавры привлеченные возней помчались к опушке, желая полакомиться сородичами. Первым на зуб попал тот «малыш», что был слишком увлечен показом собственной силы перед незнакомыми существами и вовремя не заметил, что стал дичью. Челюсти гиганта сомкнулись на его спинке, исторгая из горла молодого хищника дикое визжание. Он забился, пытаясь хвостом и задними лапами оттолкнуть напавшего, но хватка халтикозавра была мертвой, а кожа слишком грубой и плотной, чтобы юный сородич мог нанести ему вред судорожными нападками. Он замотал головой, довольно щуря зелено-желтые глаза и начал дробить кости добыче, чавкая и издавая предупреждающие звуки для своего собрата, чтобы тот не вздумал покуситься на его завтрак. Но тому было не до него. Оставшийся «малыш», застывший от неожиданности лишь на секунду, рванул прочь, и стал мишенью для второго халтикозавра. Началась гонка за жизнь, в которой патрульные меньше всего хотели принимать участие. Они ринулись в чащу, получив фору пока один ящер завтракает, а другой "готовит пищу". Достаточно удалившись, отряд залег в папоротнике, максимально сравнялся с буйной растительностью на разный вкус и цвет.

Им повезло в который раз — халтикозавр дожевдал прокомпсогната и не полез в чащу. Рыкнул на кого-то и погнался за пробежавшим под ногами малышом из стада, что испугнул патруль.

Мужчины перевели дух, Стася просто осела на землю и листву.

— Десять минут на отдых, — постановил Федорович. Ребята дружно потянулись за водой, поделились питьем с трассером, проверили состояние раненого. Тот так и не пришел в себя и явно начинал гореть. Ему поставили жаропонижающее и патруль вновь двинулся в путь.

На этот раз бегом не получилось — пришлось красться, прислушиваясь и приглядываясь, максимально собравшись. Ящеры всех "мастей и волостей" устроили в долине столпотворение — куда не посмотри, везде динозавры: мелкие, огромные, травоядные, хищные, голодные и сонные после сытного завтрака. Под ногами шныряли малыши, норовя укусить за ботинки пришельцев, нарушивших их покой, взрослые особи травоядных затеяли построить просеку в чащу, как раз на пути патрульных. На змей, мелких ящериц, пауков и насекомых «зеленые» уже не обращали внимания — были враги крупнее и опаснее. Каждый шаг давался, как будто двигались по минному полю.

К прибытию на точку они были измотаны вконец напряженной трассой. Засели в зарослях у валунов и начали бубнить передавая эстафету от одного к другому:

— База, база.

— База, ответьте пятому. База!

— Пятый на точке, база, со мной десятка. Давайте, братцы!

— База!

— Сдохнем здесь! — вдруг заявил Аким. Его лицо перекошилось, пошло судорогой отчаянья.

Стася посмотрела на Ивана: это уже нехорошо, очень плохо, командир.

— Истерику отставить! — рывкнул на мужчину капитан, пресекая его попытку снять перенапряжение банальным выплеском обвинений и сетований. Тот оскалился и закрыл лицо ладонью:

— Ненавижу, — прошипел.

Патрульные переглянулись, словно сговорились: с этим больше ни шагу на временную ленту. Федорович спокойно смотрел на истерика — он уже решил: Шалович в группе до возвращения домой, а дальше сам по себе, куда начальство пошлет.

— Пятый! — прорвалось в эфир.

— Пятый на связи! — порадовался Иван. — Мы на точке, база. С нами десятка, тяжелая десятка, база!

— Координаты!

— Двенадцатый квадрат, левый сектор!

— Десятиминутная готовность!

Все схватились за часы. Ян начал ловить выход поля в сектор, Серый закрыл глаза и помолился, держа за руку раненного товарища.

— Шалович, уходишь с трассерами. Передай базе, что мы остаемся до следующего канала, попытаемся найти третьего. Возможно Орвий все же еще жив.

— Тупо!...

— Отставить!

— Я передам, — кивнул Серый.

— Коридор здесь же через двенадцать часов.

— Хорошо. Двенадцатый квадрат, левый сектор, двенадцать часов.

— Пятый, приготовились! — объявилась опять диспетчерская.

По воздуху прошла волна, превращаясь в густой поток, началось искривление пространства и образование воронки. Дунуло прохладой.

— Шалович, схватил раненного с одной стороны, Сергей, с другой. Давайте.

— Зачем оставаться?! Смысловая нагрузка?! — прокричал Аким.

— Не рассуждать! — рявкнул на него Иван — мужчина сильно вывел его, настолько, что ни разговаривать, ни видеть его капитан не мог.

— Затем, что мы своих не оставляем в беде! — толкнул мужчину к носилкам Сван. —

Иди домой, малыш, чаю с пряниками выпей, мамке на тяжелую службу пожалуйся!

— Ребята, вы не поняли!...

— Мы все поняли! Давай малыш, двигайся!

Мужчин почти втокнули в образовавшееся пространство с зелеными всполохами.

— Я буду вас ждать!! Возвращайтесь все!! — закричал им Серый, утаскивая вместе с Акимом Марата.

Пара минут и воронка закрылась, все резко смолкло, воздух вновь стал жарким и влажным. Бойцы растянулись на листе, давая передышку организму. Еще двенадцать часов этой хряни и, если повезет, они найдут последнего трассера. Хоть бы живого...

Но мечтам не дано было сбыться. Патруль вернулся и прочесал все прилегающие к шестому квадраты, пропустив два коридора домой, но напрасно — даже признаков присутствия человека не было.

Через сутки Иван понял, что задерживаться уже нецелесообразно и диспетчер, словно услышав его мысли, передала приказ о возвращении.

Глава 10

Стася сидела на полу бокса и не верила, что дома, что видит родные пенаты.

— Три дня, как три века, — буркнул Сван, лежащий на полу и разглядывающий всполохи на потолке. — Еще одна такая командировочка, и я поседею. А главное, Борю так и не нашли!

— Может его съели, — выдвинул теорию Ян.

— А жетон не переваривался? — скривился Федорович.

— Еще один «оптимист»!

— Милосердец, — поправил тот. — Я бы лично предпочел, чтобы меня съели, чем жить там и мучиться.

— Мне другое интересно: зачем в тирас трассу прокладывать? — озаботился Чиж. — Неужели экскурсии еще детям устраивать будут?

— Это ты к ученым и начальству обратись, пусть прояснят обстановочку лично для тебя, — сказал Сван.

У остальных даже разговаривать сил не было. Они тупо смотрели на братьев и мечтали четверо как один, о душе и постели.

— "О, времена, о, нравы", — поднялся Николай, волосами тряхнул, чтобы не заснуть стоя.

— Завтракать...

— В следующем веке, командир, — поднялся следом за Чижом Иштван. — А сейчас в душевую и спать. Сутки, не меньше.

— Рано на исходную вышли. Еще семь минут до полной дезактивации, — предупредила Русанова.

— Стасенька, мы уже полностью дезактивированы, — заверил ее Пеши. Сван хохотнул, разглядывая товарища снизу вверх:

— Чудная картина потрепанного венгра!

— У вас, рус Вадим, видок еще хлеще, — заверил тот улыбнувшись.

— "Обычная" работа, — засмеялся Чиж, покосившись на женщину. Стася нахмурилась, недобро глянув на него: заколебал уже!

— Не порти настроение, и так на душе паршиво.

Чиж прекрасно понял отчего — третьего трассера так и не нашли.

— Кстати, я тут подумал: если для перемещений нужна тепловая энергия, которую и вырабатывает тело то, как мы не сгораем, — резко перевел тему, отвлекая Станиславу и товарищей.

— Умная мысль! — фыркнул Иштван.

— Своевременная, — улыбнулся Иван.

— Нет, серьезно, если перемещение идет за счет остановки биологических часов, путем разогрева...

— Не тебя, а твоей тонкой оболочки!

— Температура тела при этом повышается на три-четыре доли градуса максимум.

— Не понял. Я как вода в чайнике, если чайник разогревают, то я буду разогрет.

— Ничего подобного. Если ты начал только нагревать чайник, вода не успеет подогреться, ей время на это надо, а тебя со скоростью света перекидывают, успевая лишь повысить тепловую энергию ауры.

— К сосуду с холодной водой приложи ладони — они нагреют края, к которым прикоснулись своим теплом, но вода от этого не вскипит, — сказал Иштван.

— Энергий масса: тепловая, ядерная, атомная, кинетическая, химическая...

— Ладно, согласен. Хорошо, тогда как вы объясните тот факт, что при перемещении пусть и со скоростью света мы все равно сталкиваемся с находящимися в пространствах микрочастицами, чужеродными пси-частицами, атомами, в конце концов. Они могут разнести нас на части при лобовом столкновении.

— Чем выше скорость, тем ощутимее взаимодействие тел со средой. С помощью тепловой энергии ты не только перемещаешься, но одновременно при внедрении некоторых атомов и атомарных частиц, подготавливаешь организм к нормальной деятельности на точке проявления, — изрек Ян. — Этот эффект не дает тебе превратиться в младенца или получить «кессонную» болезнь. Нагрузка очень большая, перепады среды обитания колоссальны. И потом, время не абстракция, а явление, мера скорости или интенсивности процессов, массы процессов и сложнейших структур, гравитационных процессов, в которые ты внедряешься.

— Угу.

— Подъем, юные физики, — проворчал Иван. — Готовимся к выходу — минута.

— На старт, внимание, — протянул Ян, оглядывая приготовившихся к выходу и услышал:

— Дополнительная стерилизация. Куртки, ботинки, оружие, сумки в контейнеры!

— Фу, ты! — дружно огорчилась команда и начала спешно разоблачаться, складывая имущество в вышедшие из паз стен прямоугольные контейнеры.

— Кажется кто-то, что-то с собой прихватил, — посмеялся Сван. Чиж же побледнел — ракушки!

— Я горсть ракушек в карман нагреб, — признался.

— Зачем? — обалдели мужчины.

— Красивые, — протянул потеряно Николай, не придумав другого объяснения своему желанию принести другу Диме эту мелочь, чтобы то порадовал Марину.

— Какие? — сморщился Федорович в попытке понять, что за аргумент он выдвигает, навис над мужчиной.

— Экибанист, блин, — усмехнулся Сван, стягивая ботинок.

— Тебя попрут из патруля, ты это понимаешь? Любитель прекрасной древности! — возмутился Иван.

— Из-за ракушек? — расстроился Николай, застыл в раздумьях.

— Раздевайся, роденовская скульптура!

— Не ругайся, Иван, скорее всего не в ракушках дело, паук или клещ заполз в шов или сумку, вот и делают повторную дезинфекцию, — влезла Стася.

— А ракушки я как объясню?

— Тебе за драку объяснений хватит, — похлопал его по плачу Иштван, успокаивая. Федорович недоуменно глянул на него и нахмурился: да, точно! А у него из памяти этот факт вылетел напрочь.

— А за ракушки мы сами объяснимся, — поддакнула Стася.

— Скажем: прикалывались, скидывали втихаря Чижову их в карман, а тот не заметил, — кинул свою идею Иштван.

— В конце концов, ракушки не меч самурая, — поддержал его Ян. — Все почувствовали, все собирали. Отвлекались от окружающей действительности таким незамысловатым способом.

Иван головой мотнул: повезло ему с бойцами — один ракушки за каким-то лядом собирает, другой истерит, как барышня, третья по временам одинолично шатается.

— Ладно, — протянул. Что уж тут? Сетуй — не сетуй, а свои, всякое бывает. — Отстреляемся.

— Кто бы сомневался, — улыбнулся Сван, запихнув свой контейнер в паз. — Ну, все что ли? Давайте быстрей, а то мы еще пару веков здесь проведем!

— Коля, тебе очень важно пронести ракушки? — спросила тихо Стася у мужчины, видя его искреннее огорчение.

— Да... не очень... ну, в общем, — замялся.

— Для Марины? — прищурился на него Иштван.

— Для Марины... Нет, не совсем...

И разозлился: что он несет?! Что Станислава подумает о нем, какой вывод сделает из того, что он говорит?

Стасе надоело слушать его мямленье и смотреть на пунцовую физиономию. Она взяла пару ракушек из кармана его куртки и, сунула в свою, задвинула контейнер.

— Зачем? Стася!.. — хотел остановить, но не успел и возмутился. — Спасибо! Так бы одному попало, а сейчас двоим.

— Не наезжай на девушку, она все верно сделала, — бросил Иштван и вытащил еще две ракушки. Одну к себе в карман куртки сунул, вторую кинул Яну, чтобы он убрал. Контейнеры схлопали, войдя в пазы.

— Зачем?! — уже грозно нахмурился Николай.

— А ты думаешь, зачем команда? — спросил Пеши.

— Зачем друзья? — улыбнулся Ян.

— И какие ракушки обнаружат, у кого? — хитро улыбнулась Стася. — Будет у твоей Марины подарок.

— У моей?! Да нет же!...

— Ну, все хватит! Личные дела не обсуждаются! — отрезал Иван и закинул контейнер Чижа в паз.

— Меня просили, если получится... — попытался оправдаться Чижов перед Стасей, но кто бы дал. Сван обнял его за плечи, прерывая речь:

— Мы все поняли. Не поняли, к чему отнекиваться. Нравится тебе Марина. Виват. Девочка правильная, умница, красавица...

— Я ее видел один раз!!

— Для любви больше и не надо, — с томным видом заявил Пеши. Патрульные засмеялись, Николай насупился и прикусил язык, сообразив, что чтобы не говорил, ему же боком выйдет. Эти острословы до абсурда ситуацию доведут и, выйдет, что он чуть не жениться на женщине, которую один раз мельком в столовой видел, и убей, сейчас бы не узнал, из двух не различил.

— Все нормально, не тушуйся, не найдут твои ракушки, порадуешь свою девушку, — «успокоила» его Стася. — А на счет физики времени и истории, если интересуешься, как отдохнем, можно устроить экскурсию по центру, посидеть в аудиториях на лекциях.

— Хорошая мысль, — поддержал ее Иван. — Соглашайся — восполнишь пробелы в знаниях. Но! На отдых два дня! Потом чтобы в тренажерном зале и на стрельбах были обязательно!

— Есть, товарищ капитан! — приставила ладонь к виску и шаркнула, сводя вместе голые пятки Стася. Рядом с ней в той же позе вытянулись Сван и Иштван. Босые ноги обдало паром — началась повторная стерилизация.

На этот раз обошлось и, патруль дружно вывалился в соседний бокс ровно через пятнадцать минут. Прошлепал босыми ступнями по мрамору к выходу, предстала перед диспетчерской службой.

— Капитан, ваша группа получит хрономеры через восемь часов, — объявил дежурный диспетчер. — Найдена патогенная флора. Купались вы в ней что ли, ребята?

— Было, — сухо ответил Иван.

— Что за хрономеры? — озадачился Чиж, качнулся к Стасе.

— Часы! Мы привыкли — часы и часы, а настоящее название хрономеры, — пояснила та.

— А!

— Ага, — подтолкнул его к раздевалке Ян. — Пошлите уже.

— Мудрая мысль, — поддержал его Сван. — Капитан без нас разберется.

И уже на выходе услышали:

— Обнаружены раковины моллюсков у двойки. Их конфисковываем. Докладывать не будем — смысл из-за какой-то ракушки, но объяснительную с двойки все-таки нужно взять.

— Хорошо.

— Отдыхайте, капитан.

— Как там трассеры?

— Нормально. Марат, правда, в плохом состоянии, но встанет, доктора обещают. Вовремя вернулся. Так, что, спасибо и тебе, и твоим...

Стася переглянулась с Чижом и шагнула в раздевалку. Все-таки они не зря существуют, и работа у них незряшная. Жаль, третьего не вытащили. Теперь на стенде в холле центра появиться еще один слайд — еще один пропавший во времени. Их не забывают, их продолжают искать. Годы проходят, десятилетия, но бойцы и простые служащие помнят о них, задерживаются у стенда изучая новые лица пропавших, огорчаются увидев черную полосу под тем снимком что еще вчера был без скорбного украшения, или радуются белой полосе, что означает — найден. Правда, что белых, что черных полос мало, все больше портретов без обозначений — судьба этих пропавших неизвестна. Но люди ждут вестей, надеются встретить ребят, вытащить.

Главное надеяться ни смотря, ни на что и чудо случится — пропавший вернется домой, — говорила ей в свое время Кристина. Но к стыду своему, Стася в это не верила.

— Ты обещала экскурсию по центру, — напомнил ей Чиж.

— Послезавтра, — кивнула, захлопнула шкаф, переодевшись и, пошла к себе — в душ и спать. — Завтра, все завтра.

Глава 11

Первые сутки самые трудные. Организм не смотря на страховку со стороны спецов еще настроен на волну того мира, перед глазами плавают картинки увиденной природы, рептилии, фрагменты пройденного маршрута, моменты общения, беготни, обрывки эмоций. Сознание еще не воспринимает реальность этого мира и путает директории, принимая одно за другое. Что было нормальным там, кажется ненормальным здесь, и точно так же всегда случатся при переходах в другую историческую реальность.

Для «стариков», привычных к подобным перегрузкам, закаленных психически фактически со школьной скамьи, период двухдневной адаптации пройти проще, она у них в сутки укладывается, которые, Стася, например, провела во сне. Для «новичков» же и двух суток мало — мешается в голове, пугаются файлы сознания и подсознания, на автомате на каждый шорох оборачиваешься и, кажется, не боец из столовой в свой корпус возвращаясь мимо идет, а динозавр подкрадывается, не мячик о столешницу шлепнул, а камень под чьей-то лапой соскользнул, на валун упал.

Группа своя как никогда близкой кажется, истинной семьей, и цепляешься за нее подспудно, как за единственно незыблемо реальное, которое в виртуальность ни сегодня, ни

завтра не уплывет. В таком состоянии даже Аким почти симпатичен.

— Шаловича отчисляют, — сообщил Пеши, когда «зеленые» собрались в столовой на завтрак. Столы сдвинули и сели все вместе, оставив место капитану и Стасе, что еще выбирали, чем сегодня свои желудки радовать.

Чиж компота хлебнул, подумал:

— За что?

— За сопли на задании.

— У нас такое не терпят. Всю группу подставить может. Психически неустойчив, — прокомментировал Сван.

— Честно говоря, я себя тоже не совсем устойчиво чувствую, — признался Николай.

— Это нормально.

— Да? Не-езнаааую. Все время, кажется, что в коридоре какого-нибудь ящера встречу, а вместо сортира попаду в заросли хвоща.

Сван чуть не подавился овсянкой, рассмеялся:

— Ну, ты даешь, брат.

— Не, нормально, — заверил Николая Иштван. — Первый год такая ерунда будет, любой психолог тебе скажет. Но психика у тебя устойчивая, я тебе точно говорю.

— Ты психолог?

— Он транспсихолог! — фыркнул Сван.

— Нет, — качнул головой Пеши. — Просто каждая восьмерка обычно пару месяцев адаптации к местным условиям жизни проходит, а потом уже к «синим», "оранжевым", «зеленым» или куда там еще, направляется. А у тебя процесс запараллелился: и к современности и к перемещениям одинаково быстро адаптируешься. Не зря тебя к нам кинули, не зря Стася тебя сюда вытащила.

— Ну, да, там бы сгнил, а здесь хоть какую-то пользу приношу.

— Точно.

— Не «какую-то», а большую, — заверил Сван.

— Не заметил пока.

— У тебя заниженная планка самооценки, — глубокомысленно изрек Ян.

— Угу, — свою личность Чиж меньше всего готов был осуждать, поэтому перевел разговор на другую тему. — Так что с Шаловичем? Получается, с ним начальство ошиблось?

— Бывает, — пожал плечами Сван.

— Ничего подобного. Командир у нас замечательный. Не он бы, так Аким в группе остался, а Федорович рапорт на отстранение на стол Казакову и все, тот без слов на подпись, — сказал Иштван.

— Куда теперь Аким пойдет?

— Недельку взяли на размышление и дополнительное тестирование, — ответил Ян. — Я кстати, слышал, Иван Стасю пугал отстранением.

— Года три уже пугает, — хмыкнул Пеши.

— А если отстранит? Я смотрю, она патрулем живет и дышит, — сказал Чиж, и покосился через плечо на женщину, что ставила тарелку на свой поднос и разговаривала с Иваном. О чем неясно, но что оба в хорошем расположении духа — видно.

— Стасю не отстранит, — заверил Сван. — Иван грозить может, но случись — костями ляжет, но ее отстоит.

— И тебя, и нас, — добавил Иштван, чтобы Николай чего лишнего не подумал. — Сработались.

— Хакима и Гоблина жалко, — тихо заметил Сван, застыв со стаканом чая в руке.

— Лешего, Березкина и Толика, — с тем же скорбным тоном продолжил список Иштван.

— Это ваши? Погибли?

— Да. Замечательные люди были.

— Березкин и Толик может живы.

— Может.

— Это как? — пристал Чиж.

— Так же, как с трассером. Всякие ситуации случаются. Один у инков остался. Пару рейдов делали — искали. Без толку. Второй — неизвестно. Как сквозь землю провалился — был и нет. Главное на «зеленку» вместе зашли, а вышли без него. Куда занесло, как, почему? Никто не знает. Море догадок и столько же вопросов — ответов нет.

— Такое тоже бывает, что уже на пути домой пропадают?

— Редко, но случается. Наши светлые умы, говорят, что объект попадает в пространственно-временную зону по типу черной дыры. Стоял ближе остальных или весовой категорией легче остальных, или скорость движения чуть меньше заданной получилась, его и втянуло.

Чиж опять покосился на Стасю — весовая категория у нее вовсе никакая.

— Что за дыры такие?

— Сходи на лекции если интересно. Стася же обещала тебе сводить.

— Угу. Особенно Чеснокова рекомендую, — улыбнулся насмешливо Иштван. — Как начнет тома физики на уши вешать, мозг непоправимо в квазар превращается. Я после него себя квантовым роботом чувствовал, это примерно как гречка с морской капустой сходится. Но у меня все сходилось: вода с огнем, небо с землей, а баклажан с денатуратом. Легко.

— В смысле: не сдвинулся сам — помоги сдвинуться другому? — усмехнулся Николай. — Лихой ты парень!

— Всегда к твоим услугам, брат! — хохотнул тот.

— О чем ворчим? — улыбнулся им Иван, приземляясь на свободное место. Стася села напротив и просто поздоровалась с ребятами.

— Николай переживает, не забыла ли Стася про свое обещание экскурсию ему устроить по лекционным залам, — хитро глянул на женщину Сван.

— Раз обещала, сделаю.

— Может, в город еще сводишь, покажешь ему современность, — предложил Иван.

— Я очень даже "за", — улыбнулся ей Чиж. — В кафе посидим, в кино там, на танцы сходим.

— Куда? — наморщила лоб женщина, а мужчины дружно рассмеялись. Николай растерялся:

— Что смешного?

— Ничего, — заверил Иштван.

— Одна неувязка: танцев и «кина» у нас нет, — хохотнул Сван.

— Как нет? Совсем?

— А зачем? — удивился Ян. — Есть интерактивные средства массовых коммуникаций — мульти комбайн. Ты разве им еще не пользовался? Он в каждой комнате.

— Он им орехи колол, — засмеялся Сван.

— Хватит вам потешаться над человеком, — попросила Стася.

— Ты, брат, не обижайся, все нормально, — сказал Иштван. — Я сам к этому

привыкнуть не мог. Ну, как же — кино! Это же искусство, это же нечто креативное, заоблачное.

— Разве не так? И как же вы развлекаетесь? Как расслабляетесь, я в курсе, — улыбнулся, глянув на двух закадычных друзей. Те переглянулись, улыбки и хитрые взгляды попрытали.

— Как? — влезла Стася, с хитринкой поглядывая на Чижа.

— Массаж, — поведал тот.

— Здорово, — хмыкнула.

— Мне тоже понравилось, — заверил. — Но без кино он не пошел.

— Какие фильмы, брат? У тебя как у всех машина в комнате — любое кино смотри в любой проекции. Там же миллион радиостанций, мгновенный видео блок связи, инет, факс...

— Феникс...

— Сокол...

— База, база, я фламинго, иду на посадку! — засмеялись опять Сван и Иштван.

— Каналов только около пяти тысяч, — не обратив на их приколы внимания, продолжил Ян.

— Рекомендую канал новостей. Тебе понравится, — заверил Пеши. — Вчера смотрел, очень душевно о праздновании пятисотлетия с открытия «стрелы» рассказывали...

— "Стрела" у нас что?

— Хм. Скоростная линия общественного транспорта, — пояснил Иван.

— Пример: ты работаешь в Новом Орлеане, а живешь в Белграде. Добираться два часа туда и два обратно...

— Сколько?!

— Два! По здешним меркам ужас как долго и нудно. Но открыли «стрелу» и гражданин федерации преодолевает это расстояние в четыре раза быстрее, — ответил Иштван. — Здесь очень трепетно ко времени относятся.

— Ну-у... — ничего себе прогресс!

— И с кино тоже самое, — видя некоторую растерянность Николая, хмыкнул Иштван. — Представь какой-нибудь фильм.

— Ну... «Мимино» или «Сталкер» Тарковского.

— "Сталкер" видел, — кивнул. — А теперь представь этот фильм в своих руках и делай с ним что хочешь. Переделывается на свой вкус все что угодно от цветов до сюжета. Любой, кому охота, легко это делает. Ну, и сколько вариантов «Сталкера» будет? И зачем идти куда-то что-то смотреть, если все скачивается и как ты хочешь строится. Танцы? Задай режим, например «ретро» и будет тебе нон-стопом до тошноты от Глинки до "Машины времени" все что угодно — танцуй — не хочу. Кафе, магазины? Точно так же заказываешь все через комп и получаешь в течение максимум часа.

— Лихо, — кинул в рот орешек в шоколаде Чиж, пережевал, переваривая информацию. — А как здесь тогда развлекаются, увлекаются чем?

— Книги.

— Книги?

— Именно, — заверил капитан. — Одно время их вообще не читали, а потом...

— Это целая магия, — влезла Стася. — Читать написанные слова и искать глубинные смысл в каждой фразе.

— Угу. Это лучше, чем фильмы под свой вкус переделывать, увлекательнее, — согласился Ян. — Я тут прочел:

"Утро весеннее, тополь седой,

красный закат над листвою молодой,

тихая ночь с одинокой звездой —

первыми вы научили любить

мальчика некогда бывшего мной.

Было моим только то, что любил.

Животворящей весною я был,

не был бы я весной настоящей,

если не стал бы листвою шумящей,

если б закат и листву позабыл"!

Как сочно, ярко, как глубоко! Это написал человек. Сложил из обычных слов целый мир, постиг его суть и щедро нам отдал.

Чиж потер ершик волос на затылке: однако.

— А ты стихи какие-нибудь знаешь? — спросила Стася.

Попасть впросак не хотелось и Николай поспешил выдать первое пришедшее на ум:

— "Белеет парус одинокий в тумане моря голубом,

что ищет он в стране далекой, что кинул он в краю родном".

Мужчины с уважением уставились на него, Ян даже рот открыл от восхищения, а Стася посмотрела с удивлением. Один Иштван с насмешкой:

— Ну, ты романтик...

— Чьи это стихи? — потянул за рукав легкой куртки мужчину Ян.

— Лермонтов, — протянул Чиж, умиляясь чудаку.

— Красиво и глубоко, — кивнула Стася.

— Почти про нас, — поддакнул Пацавичус. У Николая тик глазного века от непонимания образовался:

— В смысле?

— Парус — странник. Во времени как мы. И... чего он там? Кинул и ищет, вот и мы здесь оставляем, туда идем искать, потом возвращаемся и, никто не знает, куда и откуда мы.

— Хм, — только и выдал Чиж.

— Ян, ты философ, — заверил его Иштван.

— Не-а, он поэт, — влез Сван.

— Поэт у нас Чиж.

— Коля, а прочитай еще что-нибудь, — попросила Русакова.

— Э-э-э, — чтобы такое вспомнить? — " В лесу родилась елочка...

Иштван чуть не подавился чаем, заржал к смущению Николая, который итак понял, что не то сморозил.

— Что смешного? — удивились остальные.

— Не обращайтесь внимания, — выставил ладонь Пеши, еле сдерживая смех. — Старик, продолжай. Стихи замечательные, просто за душу берут!

И опять покатылся со смеху. Сван не церемонясь хлопнул ему ладонью по спине и тот притих, но в глазах все равно прыгали веселые чертенята, раззадоривали.

— Продолжай, Николай, — попросила Стася. Чиж посмотрел в ее глаза и выдал неожиданно для самого себя:

— "Тобою полон день, твоею сутью,

и этот день так долг, так велик,

что время все с его бескрайней сутью,

теперь ничтожно для меня как миг.

Сверкающие звезды в отдаленье

на небе вышивают плащ ночной.

Благодарю о вечное мгновенье,

за день, когда она была со мной".

Станислава задумчиво смотрела на Николая. Она поняла, что он хотел сказать этими стихами, оценила его откровенность, но ей нечего было ему ответить. Сердце царапнуло грусть о давно минувшем. Женщина отвела взгляд и очень пожалела, что вообще просила почитать мужчину стихи. Перед глазами стоял тот, кого она долго и мучительно забывала и, вроде получилось и, вроде забыла, но нет, нет, а в такие минуты вдруг накатывала память как волна на песок и смывала все замки, преграды и запруды, что она выстроила, чтобы жить дальше.

Иван внимательно посмотрел на нее, потом на Николая, что, смутившись собственной смелости, вспомнил вдруг о десерте и спешно, но слишком тщательно стал дегустировать крем на пирожном.

Федорович видел — Стасе нравится Николай, и точно знал — тот равнодушен к женщине, но вот беда — ему что делать? Помочь? Вмешаться? Первое больно, на второе он не имеет право, да и подло. Пустить все на самотек?

Капитан встал и пошел на выход, ни слова не сказав своей команде.

Иштван хмуро выковыривал из булочки изюм, Сван попивал компот и поглядывал на окружающих, словно только прием пищи третьей группой зачистки его и интересовал. Ян единственный ничего не заметил — он переваривал услышанные стихи и искал в них глубокий смысл. Мужчина был еще слишком молод, чтобы понять, что весь их смысл на поверхности и ничуть ни от кого не скрывался.

— Пойдем со мной, — поднялась Стася. Она решила для себя, как разрубить этот узел, лишив разом себя неловкости положения, а Николая иллюзий.

Русанова пошла к выходу, Чиж за ней, мгновенно забыв про привлечший его еще минуту назад десерт.

Сван и Иштван переглянулись, подумали, каждый, разглядывая столешницу перед собой и Пеши заметил:

— Лучше он, чем тот, к кому она бежит.

— Н-да? Думаешь, будет толк? Сомневаюсь. Стасю не знаешь?

— Ну, не ледяная же она.

— Не ледяная — отстраненная, на истории помешанная. Сёрфер-фанат. Остальное мимо.

— Вы о чем? — очнулся Пацавичус.

— О булочке, Ян, — растянул губы в улыбке Иштван. — Изюма много — к добру ли?

Станислава привела Николая к главному входу центра, на балкон у парадной лестницы над холлом. Мужчина здесь еще не был и с любопытством оглядывался.

Желтоватое стекло уличной стены шло под углом. Остальные стены были ровными, из светлого, почти зеркального материала. Фонтанчик с подсветкой, буйная зелень и тяжелые скамейки — внизу, в огромном вестибюле, где толпился народ, стайками девушек и юношей, редкими парами зрелых мужчин и женщин. Наверху же, между коридорным разветвлением и стеклянными кабинками лифта на всю стену были лишь фотографии мужчин и реже женщин. Это очень напоминало своеобразный мемориал и, Чиж хотел уточнить у Русановой, что же на самом деле означает такое количество снимков, но Стася встала у перил и кивнула ему на группу девушек внизу. Зачем? — не проходило — взгляд женщины был слишком строг, чтобы возражать или уточнять. Чиж честно потратил на изучение фигурок и

улыбчивых лиц минуты три и все же спросил:

— И что?

— Смотри внимательно. Красивые, правда?

Мужчина с постной физиономией неопределенно пожал плечами.

— Ты присмотрись. Вон белокурая, видишь? Маша Дроздова, будущий трансбиолог, умница.

Николай хмуро уставился на Стасю, сообразив, к чему она ему на студенток кивает. Это было обидно немного и сильно огорчительно. Если женщина готова передать мужчину как выпел в руки другой, значит не испытывает к нему и доли трепетных чувств.

— Или Ростислава Доновская, черненькая, курносая, видишь? — продолжала кивать на девушек Стася, не заметив, что Николай уже стоит к ним спиной, опершись о перила и сложив руки на груди, внимательно рассматривает ее:

— Не проходит, — ответил сухо.

— Зиновия Рулямис — рыженькая...

— Мимо.

Стася подняла взгляд и заметила, наконец, что Николай и не смотрит на девушек — ее изучает.

— Это достойные...

— Кто? — поморщился: неужели он настолько низок и слаб в ее глазах? — Невесты, подруги, секспартнерши?

Русанова приуныла, встала, копируя его позу и покосившись на стенд пропавших во времени, тихо сказала:

— Ты можешь найти нужную тебе среди них. Они перспективны, умны, красивы...

— Стася, ты кем меня считаешь? Не думаешь, что унижаешь меня?

— Чем?

Она действительно не понимала. Оказание помощи и поддержки, участие в судьбе товарища по ее разумению оскорбить не могло, унижить, тем более.

— Я взрослый мальчик.

— Кто спорит?

— Хорошо. Тогда скажи мне, что ни с кем знакомить меня не затевала, громоотвод в виде белокурой или черноволосой умницы, красавицы, не предлагала.

— Предлагаю. Именно. Но не громоотвод, как ты выразился, а подругу, близкую тебе по духу и мышлению, способную польстить твоему мужскому самолюбию и поднять твоё самосознание.

— Интересно. О мужском самолюбии знаешь, даже заботишься, а то что «топором» по нему как по бревну, ничуть не волнуешься. Может у вас это норма, искать своему неудачливому ухажеру другую подружку, а для меня нет. Меня это оскорбляет, понимаешь? Причем во всех отношениях. Я не вещь, не бездушная машина, не робот, у которого тумблер переключил, и, пожалуйста, другую программу задал, ориентиры сменил. Мне ты нравишься и, плевать мне на белых, серых, голубых. Ты хотела сказать: не надейся? Для этого слова есть, а речь я понимаю, не глух еще, смею надеяться — не туп.

Чиж говорил спокойно, тихо, без тени обвинения, нотки укора, но в его пространной интонации слышалось огорчение и усталость. Стасе стало нехорошо, неприятно, она словно совершила нечто низкое, хотя разобраться — хотела как лучше.

Восьмерка, пойдй, пойми ее.

— У нас разное мышление, — кивнула, найдя объяснение недоразумению.

— Не согласен. Мы прекрасно поняли друг друга, значит, наши взгляды не так уж расхожи. А то, что я не считаю нормальным, что считаешь ты, не факт разногласий. Скажи, я тебе противен, неприятен?

— Нет.

— Может, не в твоём вкусе?

— Это как?

— Ну-у, цвет волос, глаз, размеры бицепсов, рост. Не знаю, по каким параметрам вы женщины себе любимого подбираете.

— Любимого любовь и выбирает. Ты противоречишь сам себе.

— Н-да?... А тот, к кому ты бегаешь за тридевять времен, какой?

Стася непонимающе уставилась на мужчину: о чем, о ком он?

— Твой друг из Древней Руси, — уточнил, немного удивившись реакции женщины. Странно, что она не сразу поняла о ком речь. Забыла под воздействием последнего задания, путешествия к динозаврам? Что же тогда за отношения у них с тем «богатырем»?

— Я не хочу об этом говорить. Очень жаль, что ты меня неправильно понял, — решила уйти Русанова.

— Да нет, понял я тебя правильно, — придержал ее за руку. — Не сбегай. Не хочешь — оставим тему древности и еж с ней. Ты экскурсию обещала. Жду. И даже пару вопросов имею.

— Задавай, — согласилась, хоть и с большим удовольствием ушла.

— Что за стенд? — кивнул на слайды на стене.

— Пропавшие во времени.

Ничего себе!

— За сколько лет?

— За последние тридцать лет. Остальные в архиве. Сданы за давностью лет и низким процентом вероятности их найти.

— Любопытно.

Особенно то, что женщина, судя по тону и виду, говорить об этом не хотела. Еще одна загадка. Сколько их еще у Станиславы?

— Ничего любопытного, — помрачнела.

— Отчего же. Расскажи, как пропадают?

— Как трассер, которого не нашли.

— Или как Толик?

— Откуда про Толика знаешь?

— Ребята поведали. И о Березкине.

— Даже о нем?... Тогда, что рассказывать?

— Есть ли шанс их найти.

— Есть. Многие приспособляются к той действительности, благополучно проживают отмерянный им срок, если соблюден зеркальный эффект. То есть, если точка попадания не выходит за границы плюса и минуса от zero до нашего времени. И если не восьмерка. Последние быстро дряхлеют и умирают. Но случаются такие, которые специально уходят в глубь веков — им там комфортнее, лучше. Они намеренно остаются. Приспособленцы, предатели! Таких мы ловим и наказываем. По закону их отправляют на диагностику и перепрофилирование в мед центр закрытого типа. Как правило, это испорченные гордыней и тщеславием личности. Там без них таких хватает, а если учесть знания, с которыми они появляются в Древность, то сам понимаешь, стать королями им нетрудно, устроить хаос себе на радость, пару тиранических выпадов, геноцидных зон. Короче, хорошие подлецы!... Но случаются потерявшие память. Они заново начинают жить там, но навыки сохранены и периодически у них возникают видения из будущего, которые они принимают как посыл свыше, сообразно мировоззрению времени, в которое попали. Да Винчи один из примеров. Школьником пропал, потерял память, был принят в семье, которая потеряла сына, воспитан как родной. Никто не знал, что он приемный сын Винчи, все принимали его за того, который умер, а колоссальные знания по тем временам и пылливость ума принимали за Дух Божий, снизошедши к нему во время болезни. Он прожил прекрасную жизнь, оставил значительный след в истории, и до конца своих дней не вспомнил кто он и откуда. А что современники, что потомки констатировали, что он родился не в свое время и значительно его опережал.

Феномен, да? — улыбнулась.

— Его не стали возвращать?

— Нет. Он не помнил и остался не специально. А вот те, кто целенаправленно ищут свое место в истории, заслуживают наказания.

— Ты говоришь это с таким презрением, будто они совершают самое низкое преступление.

— А что может быть ниже трусости, и как называется бегство от действительности, трудностей в своем времени? Они, как правило, связаны с личностными, психологическими качествами. Возьми Акима. Неплохой мужчина, но случись — останется, предаст не думая. Быстро сообразит, что лучше быть королем в Галии, чем посредственностью в Федерации, лучше быть возвеличенным за силу и ум, чем жить в неуважении за свои слабости характера и воли. Атавизмы и архаизмы прошлого порой случаются у нас, проявляются самым гнусным образом, редко, но метко. Гипертрофия эго и атрофия духовного начала, моральных принципов. Ими движет удобство, гордыня, алчность, самолюбие. Им всего мало. Декомпенсация того, что они о себе воображают и действительность восприятия их окружением, выливается в бунтарство, вот в такие низкие поступки. Недавно один профессор ушел туда, решил, что здесь ему не развернуться, что не ценят его, не возносят, а там... там он да-аа! Ушел, с собой людей утянул и прибор прихватил, который создает помехи в полевых структурах, смешивает трассы и закрывает путь. Пятнадцать групп из-за этого гегемона остались во времени и не могли вернуться, среди них школьники и студенты с гидами.

— Что с ним стало?

— А чтобы ты сделал?

— Шею свернул, — ответил честно. Он прекрасно помнил напуганных мальчишек, что они вытащили из Теночтитлана.

— Заслуженно, согласись. Я не понимаю и не принимаю тех, кто решает остаться там, но это их дело и по большому счету не мне судить, однако, уходя сам — не подвергай опасности другого. Твое желание — твое дело, но уважай и желания других. Почему дети и остальные должны страдать из-за самодурства и отвратности мышления одного подлеца?

— Согласен.

— Но вообще, нужно было доставить его домой, — поморщилась в задумчивости.

Чиж хмыкнул, сообразив, что Стася, как-то замешана в аутодафе профессора — выскочки и сама себе удивляется, что не жалеет о совершенном, хоть поступок и идет в разрез с законами ее времени и долгом.

— Почему уличная стена под наклоном? — перевел на другую тему.

— Мы в пирамиде. Это здание — огромная пирамида в центре пирамидального комплекса.

— Особенности вашей архитектуры?

— Нет, — улыбнулась, встала рядом с Николаем, поглядывая вниз, на уже разбегающиеся по аудиториям и корпусам группы. — Разумное просчитанное решение для большей целесообразности работы центра научных исследований. У нас давно все живут под пирамидальными куполами. Это улучшает энергетику, положительно влияет на организм, повышает работоспособность, интеллект, иммунитет, устойчивость, как к физическим, так и к психологическим перегрузкам. В пирамиде процесс старения замедлен, благоприятная атмосфера сохраняется веками, воздух озонируется и стерилизуется, процессы происходящие внутри фигуры положительно влияют на все биологические и органические организмы. Всего не перечислишь. Пирамида уникальная и универсальная система, аналогов которой, в общем объеме эффектов, нет. Об этом знали еще древние, но потом знания начали утрачиваться и, долгие века сохранялась уверенность, что пирамиды в том же Египте, всего лишь гробницы фараонов, а все остальное слухи, домыслы, догадки. Но пришло время, когда феномен пирамиды начали принимать всерьез, занялись вплотную научные мужи. Экспериментально было доказано, что пирамида действительно комплексная система вселенского уровня. Кстати, занятия начались, хочешь послушать лекции?

— А ты со мной?

— С тобой. Правда, физику не люблю.

— Я понял, — улыбнулся в ответ. — Ты любишь историю. С удовольствием послушаю о временах, куда нам наверняка продеться отправится рано или поздно,

— Тогда пошли, — обрадовалась, к лифту потянула, потом по коридору влево, к цветам, стойкам, креслам и дверям. А с угла у стеклянной стены перила и круглая мраморная лестница, закругляющаяся балконом. Чиж глянул вниз, Стася засмеялась, увидев его лицо:

— Что напоминает?

— Трилобита.

— Точно!

Уж куда точнее. Даже цвет отделки лестниц и перил, был «трилобитный». Смотришь и кажется, что перед тобой не лестница, а гигантская раковина древнего моллюска лежит, каким-то образом попавшая сюда, вмонтированная в стекло, мрамор.

— Красиво?

— Впечатляет, — согласился.

— Я в свое время очень любила здесь кататься.

— Это как?

Стася лукаво улыбнулась и к ужасу Николая села на перила и поехала вниз. Высота немалая, спираль довольно крутая — упасть, разбиться ничего не стоит. Мужчина за женщиной рванул, ступени перепрыгивая и не спуская с нее глаз:

— Стася!

А та со звонким смехом катилась вниз по перилам, как с горки-серпантина.

— Ты ненормальная, — заявил, притормаживая к последним ступеням и видя, что женщина цела, невредима. Она спокойно стояла и с насмешливой улыбкой ждала товарища.

— Как раз наоборот. Это же здорово скатится с десятого этажа без лифта! — Стасю распирало от радости и веселья, а от улыбки лицо буквально светилось. Чиж замер, любуясь женщиной: лучезарная, иного сравнения ему в голову не приходило.

Пара минут в тишине и покое, в единении и близости, хоть и, не касаясь и все же будто в объятьях и, время словно остановилось. Ощущение вечности в мгновении было острым, внезапным и четким, вопреки законам физики и логики.

— Что ты чувствуешь? — тихо спросила Стася. Чиж шагнул к ней, но осмелился лишь локон со щеки убрать, чуть прикоснуться к нежной коже:

— Будто мы одни и никого, ничего вокруг.

— И время будто замерло.

— Да.

Женщина улыбнулась:

— Вот из таких минут настоящего и строят будущее. Кажется, ничего не происходит, а на деле формируется фундамент будущих событий, самой истории, часть которой нам суждено узнать, прожив написанный нами отрезок.

— Не понимаю.

Какой там понимать — смотреть бы и смотреть на Стасю, не думая и ничего не зная. Зачем? Сейчас есть она и рядом, с ним.

— Тебе кажется, что мы ничего не делаем, отдыхаем, дурачимся, на деле же рисуем эскиз картины будущего. Каким мы его представляем, как правило, зависит от нашего настроения. Но разве не абсурд, когда от такой безделицы зависит будущее? И разве зная это, ты будешь предаваться печали, горю, глубочайшим сожалениям, депрессии и унынию и тем рисовать картину мрачную, в пастели темных красок? Нет, конечно, ты постарайся запомнить этот миг со всей яркостью и из него нарисуешь яркую картину, наполненную светом, а не мраком. Правильно — потому что это и есть эскиз будущего, а оно не бывает на одного, мы связаны друг с другом с этим моментом. Значит от тебя, как и от каждого из нас зависит будущее. Ты создаешь свой образ, корректируешь, окружающие вносят немного своих красок и если посыл положительный, из таких вот минут умиротворения, насыщенное светом добра и радости, будущее не сможет огорчить тебя и этот мир, принести боль и сожаление.

Думай о хорошем, только о хорошем. Даже если грамм, один процент их ста этого исполнится и мир на тон, на оттенок станет чище, ярче, добрее и светлее, оно того стоит, правда?

Это было похоже на колдовство. Чиж зачарованно слушал Стасю и не мог возразить. Ему казалось, она не фантазирует, а констатирует и — верилось. Вопреки рассудку, смотрел на нее и думал: ты меня полюбишь. Нас будет двое — ты и я, потом родятся дети. Конечно мальчик и девочка. И никаких заданий, опасностей для тебя. Я буду рядом, с тобой, всегда. Мы будем жить долго в любви согласии, спокойно, счастливо.

Мир и покой, синонимы счастья для него, связались с именем любимой, которая как будто он сам, а он как она.

— Конечно это колоссальный труд, прежде всего над собой, но ты сможешь, я уверена, — сколько искренности, света в глазах, лице? Чиж как околдованный смотрел на нее, не в силах оторвать взгляда и слушал, слушал. — Знаешь, иногда меня посещают малодушные мысли о том, что не надо искать и возвращать тех, кто добровольно, ведомый своими архаичными инстинктами, низкими качествами души уходит в прошлое. Без них здесь чище и будущее лучше, не загаженное негативом алчности, тупых амбиций, стремлений себялюбивых. Ведь их мышление сродни тому времени, что они выбирают для себя, оно привычно и нормально там, в среде ограниченных материей существ, и мыслеформы жутки и примитивны. Но как подумаю об этом, так сразу стыдно, — покаялась, прикоснувшись к Николаю. Он обнял ее, внимательно слушая и вдыхая аромат волос и слов. — Именно потому что, они такие их и нельзя оставлять там. Низко, недостойно отдавать свою боль другому и так же здесь — отдать предкам негатив и радоваться жизни? Подло, — поморщилась. — Кошмарно, правда? Там, в глубине веков без наших отрицательных стремлений и эмоций хватает грязи, неприятностей и зла. Здесь, мы, знаем, как и можем справиться с носителями негатива, а там нет. Свет и тень аккумулирует человек силой мысли, чаяний. Свет одного способен озарить путь на несколько лет нескольким людям, а те другим, но уже сотням, по типу "цепной реакции". Так же мрак одного, способен утопить сначала одного, двух, десять, потом сотню, тысячу. Но здесь это невозможно, мы знаем механизмы строения будущего и потому здесь света больше, он поглотит и утопит тень. Он тут повсюду, а там бывает мало и на вес золота. И уж если множить что-то в темноте, то свет. Согласен?

— Согласен. Но если честно, мне сложно принять твой постулат и поверить, что один способен повлиять на будущее многих. Свое? Допустим, но других?

— Свое будущее ты представляешь, мечтам предаешься?

— Я приземлен, мечтать не умею.

— И все же мечтаешь, иначе ты не человек.

— Допустим.

— Раз мечтаешь, думаешь, о том, что будет, уже этим строишь свое будущее. Но в нем ты не один, потому что не в пустыне живешь. Кто-то обязательно задействован в твоём сюжете и что-то тоже есть. Четкость данной картинки и есть матрица будущего, а ты не мечтаешь — создаешь проект, потом станешь инженером, строителем, причем уже автоматически, возможно и не ведая того. Ты можешь забыть мысль, но мысль не забудет тебя. Ты создал ее по образу и подобию своему, наделил силой дав часть своей энергии, подумал дважды, окреп в уверенности — это есть, будет — создал фантом, способный жить уже отдельно. Он будет существовать вне зависимости от тебя, твоей памяти и желаний, бродить по тонким мирам искать пристанище — рождение в реальности, реализацию. Не у тебя, так у другого. Он будет крепнуть, получая заряд от второго, третьего, кто хоть краем думал как ты, являться четвертому и манить, получать подпитку от него и крепнуть, крепнуть пока не начнет самостоятельно подстраивать события, строить планы, ступеньку за

ступенькой, блок за блоком, как здание. Задействует не ведающих о том людей, чтобы воплотиться и воплотится — ты его завел, ты зарядил на исполнение. И это будет. Мы все и все вокруг нас взаимосвязано. Обмен идеями, мыслями, тонкими полями, как прикосновениями взглядом рукой идет ежесекундно. Нужно думать, что даришь окружающим, что рождает твой разум.

— Если б все желания сбывались...

— Сбываются, поверь, достаточно познать их механизм. Смотри: Марина. Думаешь, не знаю, что ты с ней не общаешься? А все же о ракушках для нее позаботился. Сам думал как зачем? — заулыбалась лукаво. — Все просто, Коля. Марина порадовалась первой ракушке, она ей сильно приглянулась, они нашли точки соприкосновения, близости не смотря на разность форм и энергоструктур, мышления, развития. Обоим вместе быть понравилось, одной на уровне тепла руки, другой эмоционального подъема. И вот Марина захотела вновь это испытать, получить в свою коллекцию вторую, третью раковину. Она молчала, носила свое желание в себе, но один увидел, как она радуется, разглядывая свою ракушку, второй — пошла реакция. Эмоция заразна, как мысль, бактерия, вирус. Марина заразила всех своим желанием, позитивной эмоцией на пике восхищения, радости, и вы таскаете ей ракушки, исполняя ее желание и напитываясь сами тем положительным зарядом, которым платит ее искренний восторг, краски счастья и улыбки, с которыми она благодарит за новую ракушку. Блажь? А на душе светло, легко, спокойно. Прошло, забыл, а подсознание помнит, и стоит тебе увидеть ракушку, быстро свяжет ее с Мариной, Марину с зарядом радости, что ты получил, и ты не думая возьмешь раковину, принесешь ей. И будешь счастлив что доставил радость другому, причем, не обременяющую тебя, а скорей желанную, как девушке безделушка. И уже намеренно начнешь собирать эти ракушки.

— Хочешь сказать, что если сильно желать, обязательно получишь?

— Прописная истина...

Николай в упор уставился на Стасю: желаю быть с тобой, а ты, чтобы была со мной, желаю, чтобы полюбила, стала моей.

Возможно, глупо, но хочется так остро, сильно, что нет сомнений — будет. Полюбит.

В этот миг Чижов забыл о любовнике Стаси в древности, о разногласиях и драчках, о ревности своей и огорченьях, переживаниях. Все это словно осталось позади, покрылось мхом забвенья, рассыпалось, истлело, а он и она уже в будущем и вместе.

— ... иначе не бывает. Слышал высказывание: "что написано в харатье рода пером, не вырубишь топором"? Пером: пух — дух. Мысль, клетка, атом. То, что закладывается в организм. Произойди зачатие в скверном состоянии души, подумай в это время о плохом и несмотря на крепость родовой ветки, генов, произойдет сбой, ребенок родится больным, ущербным. Мысль сильнее физической действительности, хотя ее потрогать нельзя. И то что

заложено ею, только тем же и исправишь, ни одно действие на физическом уровне не поможет, если не будет иметь подпитки на тонко энергетическом уровне. Духом- пухом создал, начертал в воздухе — пухом- духом и сотрешь. Почему Иван Акима из группы убрал? Чтобы риску не подвергать ни патруль, ни тех, кого мы идем вытаскивать. У него негативные мысли в стрессовой ситуации возникают, а это состояние для воплощения самое действенное. Акима одного в нервном состоянии хватит, чтобы перебить позитивные мысли нас шестерых в спокойствии. Нужно помнить, что сбывается и хорошее и плохое. Поэтому не стоит думать и говорить плохое, мечтать, когда ты обижен или угнетен. Это вредит и тебе, и будущему других людей... Мы, кажется, вернулись к началу разговора, — улыбнулась.

— Я не в претензии, послушаю еще.

— Да вроде бы все сказала.

— Не верю.

— Почему ты загадочно улыбаешься? Тебе кажется смешными мои высказывания?

— Нет. Всего лишь удивляюсь, что не вижу нимба над твоей головой. Судя по выдвинутым тезисам и складу твоего мышления, он должен быть.

Стася рассмеялась и отодвинулась:

— Он есть. У тебя, у меня. Седьмая чакра — Сахастрара. Она дает удивительное свечение, а завихрение энергеполей создают впечатление некого венца. Это норма для всех! "Нимб"! — фыркнула.

— Не знал, — а улыбка с губ не сползала.

— Ну, что смешного?!

— А сама отчего смеешься?

— Легко с тобой, спокойно, вот и радуюсь.

— Кто мешает быть со мной всегда? — посерьезнел мужчина, осторожно обнял женщину, склонился над губами, но поцеловать не решился:

— Я не умею говорить красиво, складно, как ты. Мало знаю... возможно у меня целый

букет отрицательных качеств, но я готов... хоть в воду головой, хоть в кандалы на исправление... ради тебя. Стася...

Женщина отодвинулась, помрачнела:

— Зря.

— Почему? — опять ее к себе прижал. — Почему, Стася, объясни. Пожалуйста! Что во мне не так? Что?!

Русанова с печалью смотрела на мужчину:

— Ты симпатичный. Характер хороший, добрый... Ты очень хороший, Чиж.

— Но? Но, что? Что нам мешает быть вместе? Иван? Он против пар в группе?

— Это тоже.

— Хорошо. Я уйду или ты. Мы оба. Это решаемая проблема, даже не проблема.

— Не горячись. Ничего не решает уход. Проблема совсем в другом...

— В том мужчине из прошлого? Что у вас может быть общего? Он же банальный альфонс, ты ему деньгиносишь...

— Николай, я не хочу обсуждать это, — оттолкнула его и пошла прочь по коридору.

— Ты обещала провести на лекцию, — поплелся за ней Чиж, ругая себя за настырность и неуклюжесть. Взять и сломать так бездарно то, что наметилось, как-то сблизило, сроднило.

— По-моему лекций на сегодня достаточно, но если хочешь, зайди в любую аудиторию и слушай сколько хочешь.

Стася откровенно сбегала, но от него ли? От себя. Николай нравился ей все больше, притягивал, но может ли она, имеет право поддаться? Как было просто и здорово придумать любовника из древности, и тем останавливать ухаживания друзей, но Чиж, как будто ничего не знает, его мифический возлюбленный не останавливает. И самое плохое, что Стасе импонирует даже эта упрямость, сродная нахальству.

Нет, так не пойдет, не стоит, ненужно. Нельзя — неправильно — весь спектр «не». А «за» — тоска, желание быть нужной, любимой, любящей — живой.

Стася зашла в лифт и взмыла вверх — Чиж не успел за ней.

Николай смотрел, как женщину уносит кабина вверх и, думал: не спроста Стася побежала от него. От Ивана и Иштвана она не бежит, правда те и не настырны, как он, но вот кто прав, кто не прав — вопрос. Ответ же в Стасе. Может, дрогнула и потому бежала? Значит, нравится ей Чиж, значит, не уверена в себе?

Глава 12

Стася вошла в комнату и открыла нишу над изголовьем постели. Там был своеобразный аналой, тайник в котором только он и больше никого. Прошрое, законсервированное в нише, где он остался каким был, где даже запахи и звуки тех дней, что вместе провели. Илья...

— Это кто? — спросили за спиной. Стася дернулась и поспешила закрыть нишу, огрызнувшись:

— Какая разница?

— Я просто спросил.

— Я ответила, — обернулась, с упреком глянув на Иштвана. — Стучать не пытался?

— У тебя открыто. Ты последнее время вовсе не закрываешься.

— Это повод вламываться без предупреждения?

— Не ворчи.

— Что надо-то?

— Хотел к нам пригласить, посидеть, — сунув руки в карманы брюк, качнулся на пятках мужчина, мучительно вспоминая, где видел того парня, голограмму которого так бережно хранит Станислава. Не спроста — понятно, другое дело, откуда он его знает? А ведь точно знает, во всяком случае, точно видел. Где? — Стася, кто он? Твой... друг?

— Друг, — буркнула — отстань.

Странно, — прищурился. Память быстро сопоставляла все виденные лица за последний месяц и выдала одиночное задание — сопровождение лаборанта к катарам. Там, в монастыре он и видел этого мужчину! Но может не его? Если предположить, что Стася бежит к нему, тогда непонятно, зачем ей монеты Древней Руси? Этого он видел в монастыре Франции, начала тринадцатого века, в то время, когда папа Иннокентий взывал к крестовому походу, а катарская ересь пускала корни в Тулузе, Лангедоке, Гиене и Провансе.

Странно. Не связывается одно с другим.

— Стася, ты лгать не умеешь, не отмахивайся. Ты вообще, понимаешь, куда лезешь? Тулуза начала века — кипящая лава, ящик Пандоры. Она не подчиняется короне, живет сама по себе и машет красной тряпкой еретичества перед бешеными быками папского престола. Куда ты лезешь?

— Причем тут Лангедок? — насторожилась женщина.

— Причем тут алтыны?

— Не поняла.

— Это я не понял, кому и что ты впариваешь? Твоего друга я видел в монастыре близ Каркасона, когда перед трассой в мезозой меня с лаборантом, сопровождающим туда отправили.

— Ты уверен?... — глаза женщины стали огромными и насторожили мужчину еще больше.

— Уверен. И как ты совмещаешь Древнюю Русь и Древнюю Францию, мне не понятно. Для кого и для чего тебе собирать монеты Руси, если твоему дружку они не помогут. Для отвода глаз?

— Подожди, ты видел его?! — качнула рукой в сторону закрытой ниши, пытливо глядя в глаза Иштвана.

— Его. Ты в курсе, что в 1209 году там будет резня? В курсе, что объявят новый крестовый поход и сравняют Лангедок с землей?

Стася не слышала. Она ушла в прострацию, пытаясь сложить одно с другим.

— Ты уверен? — прошептала.

Иштван немного испугался — лицо женщины стало белым, глаза темными, казалось, она услышала нечто ужасное и одновременно, желанное. Она верила и не верила, хотела поверить и не могла. Пеши чуть отстранился, сиюсь понять, отчего ее настолько сильно задела информация о человеке, к которому по ее же словам, она ходит?

— Я-то уверен, — протянул. — Не понял только, почему ты неуверенна. Так ты к нему бегаешь или не к нему?...

— А где конкретно ты его видел?! В каком году?!

— 1203. Май. Очередная попытка папы Иннокентия призвать еретиков в лоно святой церкви, привела к тому, что им в лапы попали два альбигойских проповедника. Не помню, как их фамилии, это у Андрея спроси, он у них интервью брал. Там же этот был и, судя по потрепанной одежде и подавленному виду, его, похоже, тоже прижали. Он сидел в келье, когда мы мимо проходили, рядом с ним сидели монахи и что-то то ли втолковывали, то ли предлагали.

— Он был в оковах?

— В обычном платье. Лиловая туника, трико.

— Так он пленник?!

— Ты меня спрашиваешь?!

Стася расстегнула ворот куртки — душно стало. Илья жив? Илья жив?! Почему же она еще стоит, почему она еще здесь?!

— Ты уверен, что это он?! Ты точно уверен?!

— Да!!... Стася, ты можешь объяснить, что к чему?

— Могу, — кивнула и, развернув Иштвана, выпихала прочь из комнаты, закрыла замок и открыла панель шкафа, где хранила свой арсенал. У нее не было вопросов: что она делает, можно — нельзя, она знала одно — она должна пойти и вытащить Илью. Сказать Ивану? Он не поверит, было уже ни раз, ни два, когда весть о Илье приносили, но надежда пустой оказывалась. Если Иван и поверит на этот раз, начнется волокита: пока доложат, пока проверят, пока отправят группу... Русанова с ума сойдет за это время!

Стася связалась с Кристиной и после долгой нудной проповеди о долге и дружбе, получила вялое согласие переправить ее в нужную точку через час. Прекрасно. Женщина скинула в сумку нужное оружие и вынырнула в коридор.

— Ты уверена, что это он? — качнула головой Кристина, разглядывая приготовившуюся к переходу Стасю.

— Не знаю, но я должна проверить.

— Влетит.

— Ты ни причем.

— Ага, — вздохнула. — Кому я эту сказку расскажу?

— Мне нужны максимум сутки.

— Думаешь, не хватятся?

— Если что, я в городе.

— Ага, — губы поджала и вдруг обняла подругу. — И почему мы бабы, такие дуры?... Ладно, иди.

Стася закинула сумку на плечо и шагнула в бокс.

Иштван маялся. Бродил по гостиной и поглядывал хмуро на ребят, что бурно обсуждали следующий ход Яна и подсказывали Свану, куда ходить ему. Их ум занимали шахматы, его — странное поведение Стаси. Тревожно было на душе, а отчего — понять не

мог, и чувствовал себя виноватым, а в чем и почему — тоже, загадка.

— Где был? — спросил у появившегося Чижа, в надежде завязать разговор и отвлечься.

— Не поверишь, на лекции, — усмехнулся тот, видно сам себе не верил.

— Со Стасей?

— Нет, — сел рядом с Иваном.

— Видел ее?

— Кого?

— Стасю.

— Видел понятно...

— А я нет, — бросил Сван. — Думал с ней партейку сыграем, а сестренка куда-то свинтила.

— Давно заходил? — насторожился Иштван. Федорович внимательно посмотрел на него — тревога в голосе слышалась или действительно с какой-то радости волнуется?

— Часов в девять, — беспечно отмахнулся Вадим.

— Наверняка у диспетчеров зависла. Отрывается от коллектива, — предположил Ян.

Иван взял конфету, медленно развернул фантик и тихо сказал:

— А я ее и за ужином не видел, — и уставился пытливо на Иштвана: что скажешь? Тот отвернулся, занервничал. Выходило, исчезла Русанова часов пять как. Нет, всякое может быть: у подруг засиделась, с другими патрулями байки травит или вовсе в город ушла. Но отчего же тревога на сердце и не верится в то, что думает, хоть ты что делай.

— Иван, ты уверен, что любимый Стаси в Древней Руси?

Иван прищурился, смял фантик и сунул в рот конфету. Мужчины дружно уставились на Пеши:

— Тебе, какая разница? — спросил Ян.

— Я не тебя спрашивал.

Федорович покосился на ребят, потом на Пеши:

— Ян прав — это не наше дело. А если ты с намеком, что она опять во времени одна randevu устроила, — в голосе капитана послышались угрожающие нотки и, Иштван поспешил разуверить его, не желая подвергать взысканиям женщину:

— Нет, я не к тому. Любопытство просто.

— При себе оставь.

— Понял.

— Вот и ладушки, — кивнул Сван и сделал ход. — Шах и мат!

— Подожди!...

— Чего ждать, студент?! — засмеялся довольный победой.

— Со счетом два — три, разбегаемся по койкам, — постановил Иван. — Завтра всем в девять быть в мед центре — плановый осмотр и прививки. Кстати, Николай, ты до сих пор не сдал ткань в цитобанк. Меня сегодня доктора как мальчишку из-за тебя отчитывали. Так что, приказ, завтра же все сдать.

— Зачем моя ткань вашему банку?

— Нашему, — поправил Ян, сгребая фигурки с доски.

— Ну, ты даешь, старичок, — потер затылок Сван, качнувшись на стуле. — Ты думаешь, почему нас так быстро поднимают? Потому что из сданных клеток выращивают донорские органы и хранят на экстренный случай пересадки. Так что ты не тяни. Это не

медикам — тебе надо.

— Прямо из одной клетки любой орган? — усомнился мужчина.

— Конечно. Размножают, делают цитоплазму и на основе ДНК структурируют органы. Древняя практика.

— Что, и кости клонируют?

— И кости, и кровь и твою персону целиком могут, давным-давно, — заявил Федорович поднимаясь. — Все, всем спать.

Бойцы расходились. Сван, обняв Чижа за плечи, шел и рассказывал тому о достижениях медицины, а Иштван отстал. Постучал к Стасе, поравнявшись с дверью в ее комнату. Но на стук никто не открыл.

Все пошло наперекосяк с самого начала.

Самая близкая точка выхода была 29 мая 1203 года в 18. 00. Раньше никак.

Едва сглотнув это, Стася получила от Кристины плащ в обмен на сумку с боекомплектom. Та не проходила по весу, как бы не мечталось. 65 — максимум высвечивалось на контролере. Пришлось смириться и с этим, взяв с собой минимум оружия и, конечно, второй комплект патрульного для Ильи: рацию, хрономер, наушник связи. И обязательно аптечку, чтобы Федоровича не смяло при переходе — слишком долго того не было дома и, слишком его организм мог изнежиться и измениться за время отсутствия. Даже спортсмены, брось они тренировки, через пару месяцев форму теряют, а что о сёрферах говорить?

Но и на этом злключения не закончились: выяснилось, что Кристина может предоставить Стасе лишь двенадцатичасовой коридор, не больше. И выпустить не у Каркасона, а ближе к Фуа. Но выяснилось это уже в боксе и изменить что-то было невозможно — энергостабилизатор начал работу.

Вышла Стася в самом неудачном месте — на дороге метрах в трехста от городских стен Фуа и как назло, в тот момент, когда народу кругом кишмя кишело. Стражники, простолюдины, сеньоры и сеньорчики всех мастей со всех волостей словно специально сбежались в этот день и час в то самое место, где должно было проявиться Русановой. Ярмарка у них или празднование чего-либо, Стася не поняла — не до того было. Она стояла, обозревая толпу, что окружила ее, с ужасом оглядывая неизвестно откуда взявшуюся незнакомку и, понимала, что попала. Мысль «бежать» опоздала при рождении.

Кто-то завизжал, кто-то закричал:

— Дьявол!!

И после секундного замешательства все дружно ринулись на Русанову.

Худшей ситуации для патрульного придумать нельзя, как и специально подстроить подобное стечение обстоятельств. Времени на обдумывание не было — Стася скинула плащ, добивая окружающих своим облачением — черной курткой со светящейся зеленой нашивкой, брюками и литыми ботинками, что естественно какой-то умник тут же принял за копыта и не преминул о том оповестить товарищей. Самое время было бы прочитать проповедь, напомнив, что у катаров терпимость высшее благо, однако, смысла в том не было. Каким бы терпимым не был край, изысканно-утонченных отношений и людей творчества всех направлений, приютивший все виды религиозных течений, средневековые оставались средневековым и интеллектуальный уровень развития людской массы соответствовал характеру того времени. Народ в тупую ринулся на женщину, не желая разбираться что и кто. Она проявилась из воздуха и вся в черном — эти факты были неоспоримы и по любым канонам любой веры и любого мировоззрения того времени, однозначно приписывались к ведьмовству и дружбе с Сатаной. Что может быть больше и лучше победы над самим Отцом Мрака? Этот подвиг уже относится к заслугам перед Всевышним и сразу зачисляет смельчаков в ряды святых. А кто не хочет стать святым и прославиться в веках, разом заработав нимб над головой и славу великого героя? Таких не нашлось, зато ревнителей веры — больше, чем хотелось бы.

На Стасю ринулись без ума и разума. Одни в стойком желании победить нечисть и заработать пожизненную индульгенцию, другие идя наповоду первых, а третьи и хотели бы со страху прочь сбежать, да толпа не спросила и увлекла их за собой. Да и чего бояться если вместе? И количество храбрецов быстро увеличилось. Одни начали хватать Стасю, другие кидать в нее, что под руку попадет: камни, баклажаны, яблоки, не соображая, что в такой толпе попасть во врага рода человеческого шансов мало, зато в своих — много. Одна охнула, второй закричал от боли, третий подхватил и вот уже все галдели, причисляя полученные увечья Сатане и его приспешнице, увеличивая количество ран от трех до трехсот.

Стася не успела и пистолет вытащить — ее просто смяли и начали бить, пихать, раздирать одежду в клочья. Удары сыпались со всех сторон, как женщина не пыталась увернуться.

К беснующейся, орущей толпе уже бежали те, кто не увидел начала представления, одни из любопытства, другие, боясь пропустить зрелище, третьи, мечтая принять участие.

В это время кавалькада всадников подъезжала к городку и с любопытством посматривала на ревущую массу народа.

— Что там? — удивился Теофил.

— Бог знает, — пожал плечами Федерик. И оба направили коней к ватаге, желая понять, что происходит. Кого-то явно мутузили, с остервенением присущем толпе, рвали на части. Крики: "дьявол, в огонь дьяволицу, ведьму на костер, бей чертово семя!" — неслись над местечком, как призывные кличи.

— Ого, кажется, кроме турнира нас ждут другие забавы, — рассмеялся Локлей.

— Да-а, — поморщился Озвар. — Похоже, поймали ведьму.

— Что ж, самое время вмешаться, — махнул рукой Стансу, видя, что простолюдины уже бросают хворост у деревянного столба, к которому обычно привязывали лошадей.

— К чему? — качнул головой Озвар. — Пусть тешатся.

— Хочу узнать, что за несчастный выбран на роль сатаны толпой.

— Ах, какая разница? Не вижу смысла вмешиваться, мой друг.

Стражники графа уже давили лошадьми народ, разгоняя чернь, но особо упрямые не вняли и тащили нечто окровавленное к столбу с победными криками. Тут же появилась веревка и факел. Миг, и хворост был бы подожжен, но Станс, привычный исполнять приказы господина, направил лошадь на доброхота с факелом и заставил того отпрыгнуть.

— Именем графа Локлей прекратить!! — пронеслось над полем. Стражники графа пинками и мечами помогли особо непослушным понять приказ. На пару минут толпа отпрянула, притихла. Привязанную к столбу жертву стало видно и Теофил невольно замер сам, лицо потемнело, сердце сжалось. В избитом существе признать ту незнакомку было трудно, и все же, не было сомнений — она.

Теофил наддал коня, спеша к ней, спрыгнул на ходу у столба и, срезав кинжалом путы, подхватил женщину.

— Ты? — прошептал и, веря и не веря, в ужасе от ее вида. Сознание Стаси плавало в тумане боли. Она с трудом узнала того мужчину, что любезно одолжил ей лошадь на одном из заданий и, усмехнулась разбитыми губами:

— Видно... ты очень сильно хотел меня видеть...

Оставлять женщину было нельзя, как и оставаться. Разъяренная толпа готова была ринуться в бой и отстоять право на развлечение, добить свою жертву. Однако пока сдерживалась — стражники господина вводили в ум.

— Собери ее вещи, все вещи, — приказал Стансу Локлей, придерживая голову потерявшей сознание женщине.

— Господин... — хотел предостеречь тот, понимая, что граф задумал, но встретился с его взглядом и лишь кивнул: как скажете.

— Теофил, — встал рядом Федерик, с тревогой посматривая на друга: ты понимаешь, что творишь? Но взгляд того был тверд и не примерим, и стало ясно, что Локлей скорее умрет вместе с истерзанной ведьмой, чем оставит ее. Глупая блажь, — по мнению Озвар, но было ясно, что взывать к разуму Локлей сейчас было бесполезно. Оставалось либо отойти, либо помочь. Конечно, турнир накрылся, но Бог с ним, если друг в беде.

Озвар махнул рукой, призывая своих людей.

— Обеспечь отход, — приказал начальнику своей стражи Варду. Перехватил женщину и передал на руки, вскочившему на коня Теофилу. В тот же миг толпа поняла, что ее лишают радости разделаться с приспешницей дьявола и, пришла в буйство. Град камней и палок полетел в господ, крики ярости огласили местечко, а вместо ведьмы, не доставшейся им, решили порвать стражников. Если те встали на защиту дьяволицы, значит, сами слуги князя тьмы — иначе никто не мыслил.

Граф, как мог прикрывал Стасю, прорываясь сквозь толпу, топча без раздумий зевак лошадь. В него летели овощи и палки, камень ударил в плечо, второй попал в голову женщине и, взъярил графа.

— Ни кого не жалеть!! — закричал своим и вынул меч из ножен. Толпа отхлынула, пропуская его. Умирать никому не хотелось.

Утром двери Стаси были заперты и никто не отзывался на стук. В столовой ее тоже не было и, Иштван не на шутку встревожился. Он гонял кашу по тарелке и поглядывал на капитана, прикидывая как бы ловчее рассказать ему о своих предположениях. Возможно, он зря переживает, но с другой стороны, лучше подстраховаться или перестраховаться, чем опоздать.

— Ты чего? — спросил Иван, в десятый раз поймав расстроенный и обеспокоенный

взгляд Пеши.

— Стаси нет.

— Спит, — пожал плечами Сван, продолжая уплетать салат. Федорович же насторожился, в упор уставился на Иштвана:

— Выкладывай.

— Вчера я зашел к ней и увидел голограмму мужчины, портрет, что она прятала. Случайно, она не заперлась и... Я видел этого мужчину и, не подумав, сказал ей об этом. Она как-то странно повела себя, занервничала, выпытывать принялась, потом вовсе из комнаты меня выкинула. Стучал потом к ней — ее не было ни вечером, ни ночью, ни утром.

— Таак, — протянул потеряно капитан, отодвинул тарелку.

— Что за мужчина? — уставился на венгра Чиж.

— Не знаю. Я видел его во Франции начала тринадцатого века, а, насколько мне известно, Стася бегала в Древнюю Русь. Не вяжется, как не пытаюсь. Но он точно имеет к ней отношение, Стася слишком заинтересовалась, я бы сказал, явно.

— Какой он? — спросил Николай, заподозрив, что это и есть Стасин любовник.

— На тебя, Иван, чем-то похож.

Федорович отпрянул, с минуту сверлил взглядом лицо товарища и поднялся:

— Пошли ко мне.

Иван и Иштван двинулись к выходу, а бойцы дружно проводили их взглядами. Посидели, и ни слова друг другу не говоря, решили как один идти следом, чтобы выяснить, все ли в порядке. Отсутствие Стаси теперь казалось странным и настораживающим каждому.

Минут пять они ломились в двери к Русановой и, переглянувшись, рванули к капитану, ввалились в кабинет без стука, как раз тогда, когда он выдал Иштвану портрет мужчины:

— Этот?

— Да, — кивнул Пеши.

Мужчины замерли у дверей с напряженными лицами. Федорович хмуро посмотрел на них и кивнул: ну, раз пришли, проходите. Бойцы рассредоточились по комнате, Чиж забрал портрет и вздохнул, узрев весьма привлекательную, мужественную физиономию, действительно похожего на капитана мужчины, только моложе.

— Кто это? — качнул снимком.

— Мой брат, — бросил тихо.

— Кто?!...

— Мой брат Илья Федорович, жених Станиславы. Он пропал пять лет назад при выходе из палеолита. Трассер из бывших патрульных.

Бойцы во все глаза смотрели на капитана, не понимая, почему он молчал и отчего решил открыться сейчас.

— Стася?... — качнул снимком Чиж.

— Стасе не раз говорили, что видели его там и там. Она искала, уходила с группами по наводке. Все тщетно. Потом я запретил, закрыл эту тему наглухо. Вряд ли ты видел его, Иштван. В любом случае, ей зря сказал. Уверен, она уже там.

И развернувшись к видеофону, нажал кнопку связи:

— Разрешите доложить: у нас ЧП товарищ полковник.

Капитан являлся к полковнику и вытянулся у дверей, стараясь не смотреть на Казакова. Тот хмуро глянул:

— Проходи. Садись. Разговор долгий будет. Сначала со мной, потом с комиссией.

"Кто бы сомневался", — сел Иван и получил планшет с рапортом диспетчера Звинчук Кристины.

— Распустил ты своих людей, капитан, — недовольно сказал полковник. — Молчу о соответствии должности: твоя подопечная уходит одна в шесть вечера, а ты узнаешь об этом в девять утра.

— Полдевятого.

— Все равно.

А вот тут он прав, не возразишь, — склонил голову Иван.

— Как видишь, из рапорта Звинчук, Русанова должна была явиться в шесть утра. Ее нет до сих пор.

— Товарищ полковник, у меня предложение.

— Ну-ну.

— Это «семейное» дело. К чему нам комиссии? Русанова горяча, услышала от сержанта Пеши, что он видел ее жениха и рванула. Женщина. Конечно, не права, конечно, нарушила. Но она прекрасный специалист с огромной практикой работы. Позвольте нам самим решить это дело тихо, мирно. Сходим за ней, вытащим и здесь уже решим, что с ней делать.

— Хорошая речь, капитан, но не внятная. Нарушение на лицо и я обязан доложить о нем.

— Понятно... Но жалко, специалист замечательный...

— Я бы твоего замечательного специалиста... — процедил и смолк. Отодвинулся, отвернулся обдумывая. — За твоим братом убежала, все неймется?

— Да, — признался, старательно разглядывая стол.

— А голова где? — и замолчал: смысл сетовать? — Ладно. Сутки даю. Найдешь, сами разберемся, нет... Сдается мне, капитан, повиснет еще один портрет патрульного на стенде. При таком раскладе лучше уж комиссия.

— Мы найдем ее, — заверил Иван, хотя был не уверен. Казаков подтверждал его худшие опасения и, капитану очень хотелось наорать на Пеши, который не сказал сразу, что произошло, но еще больше хотелось найти Стасю и душевно врезать за самовольство и вот эти неприятные минуты, когда сердце от тревоги за нее не на месте. Ну, что за девчонка! Ведь триста раз это проходила! Сколько по времени моталась, услышав: видел, вроде он. И что? Успокоилась вроде... и принялась бегать в другом направлении. Пойди пойми женщин. Если у Стаси дружок в Древней Руси завелся, зачем тогда было сломя голову за фантомом Ильи бежать? Или не было ни какого любовника, отместка это Ивану за выдумку? Куда же она тогда ходила, зачем? Ну, что ей не сидится-то?! Запуталась, его запутала, и вот тебе, финальный фортель — вовсе испарилась! Два часа задержки немного, но для любого патрульного ясно — не вышла в точку, не отрапортовала — беда.

— Думаешь, найдешь? Тогда вперед. И учти, даю сутки. Не явится перед мои очи — рапорт идет выше.

— А если?...

— "А если"!... Меня больше всего и беспокоит. Как бы не попала твоя Русанова с дури в неприятности. Связи с ней нет с момента выхода, в точку не прибыла. Худо, не мне тебе объяснять. Иди, капитан, вытаскивай.

— Слушаюсь, — поднялся. — Со Звинчук могу поговорить?

— Можешь. Иди.

Иван развернулся и вышел.

У кабинета весь состав группы собрался. Мужчины настороженно смотрели на командира. Тот оглядел их и бросил:

— Связи со Стасей нет, на точку выхода в шесть утра, она не явилась.

— Что это значит? — встревожился Чиж. Сван невесело присвистнул. Пеши голову свесил:

— Блин, так и знал!

— Почему тогда молчал?! — рыкнул Иван и тут же рукой махнул: какой смысл воздух сотрясать? — Нужно найти ее. Это не приказ, поэтому, кто не хочет — может остаться.

— Оскорбляешь, командир? — скривился Сван. — Все идем.

— Тогда вперед, в бокс. Нам дали сутки.

Бойцы направились к центру.

— Почему бы не выйти в тот момент, когда она выходила, — предложил Чиж.

— Дважды в одно время не входят, — хмуро поведал Иштван.

— Эффект петли. Один раз вступи дважды в то время, в котором уже был, тебя так и будет по одному отрезку мотать, наглухо в нем замкнут. Временной капкан, — поведал Ян.

— Пытались уже. Группа одна пропала — вторую за ней в то же время послали, минута в минуту. Больше вторую не видели.

— Наслоение пошло. Затянуло вторых и по спирали в параллель увело.

— А может и смяло.

— Временных лент масса. Мы отрабатываем лишь своей действительности. Чуть нарушь равновесие — уйдешь в другую реальность.

— Жаль.

— Кто спорит?

— Так куда мы сейчас?

— Стася вышла 29 мая 1203 года, 28 отменяется, как прилегающие. Значит, 27 выходить, смысла нет...

— Засесть в засаду и ждать!...

— Кого, чего?! Она проявилась 29, находилась там, значит, уже отпечаталась на временной «пленке». Вытащи ее на старте, пойдет сдвиг и ленты и самой Стаси. Разметает по молекулам или утянет неизвестно куда. Трасы будут нарушены и те, кто там, окажутся в

западне. Есть точка выхода, только после нее можно вытащить. Точка — шесть утра 30. Внутреннее время должно соответствовать местному, тогда есть шанс выйти. Сейчас 8. 43. Раньше 9. 30 проявиться 30 мая 1203 года мы не сможем. Наши точки выхода будут соответственно 9.30 вечера и утра следующего дня. Я попросил сутки на поиски, — сказал Федорович. — Получится раньше — замечательно, но контрольное время 9.30.

— Диспетчера могут переиграть, — бросил Пеши.

— Могут, — согласился Пацавичус. Капитан лишь глянул на них через плечо: главное-то не это, главное, чтобы Стася нашлась вне зависимости назначенной патрулю контрольной точки.

Патруль уже был на старте, но бокс еще готовили и бойцы зажав в круг в коридоре перехода Кристину, «пытали» ее, надеясь хоть немного прояснить ситуацию и чуть успокоиться.

— Связи не было сразу, — твердила та потерянно.

— Какого ты меня не подняла?! — прошипел Иван.

— Сдать подругу?

— Лучше пусть в переплет попадет?! — ядовито спросил Сван.

— Она не первый раз уходит...

— Во Францию? — спросил Чиж.

— Нет.

— А куда? Зачем она ходила?!

— Тебя спишут, я позабочусь! — отрезал Федорович.

— Плевать мне на это! Вам, мужчинам, все равно не понять!

— Конеечноо, — не скрыл желчного сарказма Пеши.

— Одного любовника мало, к старому потянула, а мы за всей этой любовной интермедией расхлебывай, — буркнул Ян, и получил тычок от Иштвана. — Скажи, не прав?! — взвился.

У Николая скулы побелели, челюсти свело — испуг за любимую перекрыла ревность и ненависть. Вот такая «чистая», да «светлая», "правильная"! А он, тоже, дурак редкостный! Нашел идеал!

— К детям она ходила, а не к любовнику, — презрительно окинула взглядом мужчин женщина.

— К кому?! — перекосило Ивана.

— К детям! Да не понять вам этого!

— Так, стоп, — отодвинул капитана Чиж, очень, очень ему разобраться хотелось. — Какие дети? У нее дети есть?

— Да! Много!

Николай нахмурился ничего не понимая, на Пеши и Сергеева глянул. Иштван поправил лямку лифчика с пистолетами и вздохнул:

— Теперь все ясно.

— Здорово! А мне ничего неясно!

— Пятерка, на исходную! — объявил динамик. Группа потянулась к дверям бокса, бросая недовольные и укоризненные взгляды на Кристину.

— Еще поговорим, — пообещал ей Федорович, на что получил презрительную мину и вид со спины.

— Заходи! — кинула с ядом в голосе.

— Ну, блин, а? — вздохнул опять Иштван.

— Подождите, я ни черта не понимаю! Франция, Русь, дети, любовники! Что за путаница?! — взвился Чиж.

— Остынь, "Ромео", — посоветовал Ян. — Все ясно как Божий день.

— Угу, — сунул в рот жвачку Сван. — Маринка ракушки собирает, Ромка из третьей группы пробы грунта, а Стаська благотворительностью занималась...

— Мать Тереза! — разозлился Иштван. — Нам сказать не могла?!...

— Отставить разговоры. Кому что непонятно, объясню позже! — рявкнул Иван вне себя от глупости Стаси и собственной недалёковидности и ограниченности. Ну, как он сам не догадался? Как поверил, что Стаська правда к какому-то любовнику бежит! Вот олух! Да ясно же, что девочка одно на уме держала — помочь кому-нибудь, не зря пожить. Материнский инстинкт, психологов за ноги! Поэтому и крупы и алтыны и исчезновения. Наверняка организовала что-нибудь вроде сиротского приюта, шефствовала. Фу, ты! Это как раз в ее духе, а остальное мимо, потому что больше их мышлению подстать. И ведь, казалось, знал ее, понимал, на что способна!

— Получается, мы со своей колокольни судили? — дошло до Чижа. — И никого у Стаси нет?

— Это важно? — покосился на него Сван. — Охота вам сейчас фигней заниматься, чушь всякую перемалывать?

— Ему важно, — заметил тихо Иштван.

— Мне может тоже! — рыкнул Сван. — Но важнее вытащить эту «фею»! А потому уже глупостями озадачиваться.

— Отсчет пошел, тихо ребята, — попросил Ян. Мужчины замолчали.

Глава 13

Безумием было вести раненную к себе — слишком далеко. Но останавливаться и сдаваться на милость кого бы-то не было — самоубийством. Поэтому Теофил выбрал возвращение и, уповая на милость Божью, гнал коней вперед. Ночью он, наконец, вступил в ворота родного замка, отдавая приказы на ходу. Слуги засуетились, забегали, храня

любопытство, отчего господин явился, только отъехав и, что за женщина с ним, при себе. Потом все разъяснится.

Объявиться в полях близ Каркасона та еще радость.

Бойцы резво нырнули в траву, чтобы не привлекать внимания и уставились на Ивана:

— Какой план?

Если б я знал, — поморщился тот.

— Ян — держишь связь. Сван, Чиж, раздобудьте плащи.

— Где? — развел руками Вадим, намекая на необъятные просторы полей без единого признака населенного пункта, кроме крепостных стен Каркасона, виднеющихся далеко впереди.

— Извилинами пошевели, — буркнул Иштван. Чиж ужом нырнул в траву. Сван сплюнул жвачку и нырнул за ним. По дороге в сторону города двигалась телега и шли два монаха — чем не цель?

— Мы двигаемся к воротам, — объявил товарищам капитан.

— Поняли. Две сутаны вижу. Будут.

— Не переусердствуйте.

— Это как получится, командир, — фыркнул Сван.

"А-а!.. Хак!" — слышалось.

— Ну, я же просил!

Иштван выглянул из травы и заметил отсутствие монахов:

— Взяли.

— Ага. Не перепутайте нас, — весело пропел Сван и на дороге вновь появились мужчины в сутанах.

— Доминиканцы, — фыркнул Иштван.

— Прозит, — хохотнул Сван. — Оные появляться много позже, после резни при Безье и победоносного марша по Лангедоку их учредителя Доминика де Гусман вместе с Симоном Монфором. Славные времена, между прочим. Пустили бы меня сюда через шесть лет, я бы им такую битву за веру устроил...

— Хорошо болтать! — обрезал спич капитан. — Не вводи в заблуждение, с Монфором лихо гулял аббат Арнольд, настоятель аббатства Сито.

— Один фиг — фанатики.

— Может подпалить это Сито, пока птичка в гнездышке? — предложил Иштван.

— Я с тобой! — тут же вызвался Чиж.

— Отставить разговоры! Лингваторы включили и смотрим в оба!

— Зря, Иван, мы бы...

— Отставить, сказал. Знаю, что "вы бы". Одна вон уже занялась борьбой против несправедливости, найти б еще эту благотельницу угнетенных.

— А Доминик, между прочим, уже бродит по этим местам и призывает еретиков в лоно святой церкви.

— Ага. В лоно инквизиции, — хмыкнул Сван. — Под руководством этого «святого» столько костров зажгут, что вся Европа потом в одно сплошное пожарище превратится. Правильно их "псы Господни" назовут!

— Лекцию на историческую тему закончили.

— Есть, — нехотя протянул Сван.

В замке Локлей, в предгорьях Перенев стояла суета, ползли слухи, рождались предположения и догадки. Замок гудел, не зная чего ждать. Весть о том, что граф привез с собой женщину, которая сейчас при смерти и вне себя от горя обихаживает ее, облетела всю округу. Сеньора здесь любили, он не давал в обиду папе своих людей, как и Раймунд Тулузский и одним тем располагал к себе. Слуги как могли угождали ему, пытаясь развеять печаль господина. Но тот ничего и никого не замечал. Он сидел у постели женщины, что металась в горячке и, истово молил о ее спасении. Берга — знахарка что примчалась на зов господина сделала, что могла, обмыв и обработав раны женщины, влив ей настой опия и белладонны в рот, но что толку от того мало, понимала, и честно призналась графу, что дальнейшее в руках Божьих, а ей поднять увечную не по силам.

Озвар сидел у окна и, хмуро поглядывая на друга, потягивал вино, ожидая, когда тот очнется и объяснится. Но тот упорно нянчился со своей «любимой», обтирал ее лицо, менял охлаждающую повязку на лоб, шептал слова успокоения и мрачнел все больше, видя, что женщине и на каплю лучше не становится. Ее горячка была понятна Федерику, но горячка друга имела иное, совершенно неуместное происхождение. Он не подозревал, что Теофил способен быть настолько терпеливым и трогательно заботливым по отношению к незнакомой даме. Любимой? Вздор. Когда успел и какого Бога ради влюбляться в ведьму? А сумасбродство проявленное при ее спасении, что это как не помутнение рассудка?

— Все, — развернул к себе и сунул в руку кубок вина. — Хлебни и приди в себя. Она умирает и это ясно. К чему стенать?

Теофил будто не услышал его, смотрел и не видел:

— Мне нужен хороший лекарь, — прошептал, сообразив, наконец, кто перед ним. В глазах зажглась надежда. — Ты говорил о лекаре, что творит чудеса.

— Когда? — отпрянул Федерик, не припоминая подобного разговора.

— Давно.

— Но что с того? Я убей Бог, не помню.

— Ты говорил он из Византии.

— Какая разница? Да будь же ты разумен, друг мой, откуда б не был он — ему уж не спасти несчастную.

— Не смей! — вскочил граф, заходил по комнате, сжимая кубок и не чувствуя того. —

Я уверен — выход есть. Она ангел! Ей жить и жить!...

— Хм, — выгнул бровь невольно граф Озвар. Покосился на женщину, лицо которой сейчас было похоже скорее на уродливую маску безвкусно разрисованную живописцем разными тонами красок и вздохнул. Возможно, лик ее прекрасен, но разбери через отеки и кровоподтеки, безобразные ранки на скуле, щеке и виске. Случись, заживет и женщина выживет — кто без содрогания взглянет на нее, кто в уме назовет ее «прекрасной»? Попасть в лапы разъяренной толпе — не шутка. Он не одного не знает, кто б после выжил.

Теофил схватил друга за плечи выкинув кубок в окно:

— Прошу тебя, ну вспомни же!

— Да что?! — вскочил тот.

— Лекарь из Византии!

— Иона Ферри. Он всем известен, но давно уже не лекарь. Ты вспомнил! Он был обласкан графом Раймундом за бесценную помощь и только ему подчиняется! Монсеньор одарил его небольшим замком и землями, удачно женив, и тот живет отшельником, помогая лишь своему покровителю. Как ты сможешь заставить человека самого графа Тулузского помочь тебе? С чего он станет? Безумие!

— Где его найти?!

— Бог ведает, Теофил. Очнись же, ну, прошу тебя, не стоит так изводить себя! Что эта женщина тебе?! Что с тобой случилось?! Ты понимаешь, что за произошедшее у Фуа еще ответ приспееет и неизвестно как то на тебе отзовется, а ты уж в петлю голову суешь вновь! Ну, полно, друг! Оставь несчастную заботам Отца нашего...

— Нет! Я знаю Божью помощь. Пока приспееет... Где найти Ферри?! Как?! Послать гонца к сеньору Раймунду?..

— О, он тебе весть принесет! — взмахнул руками, то ли открещиваясь от безумца, то ли возмущаясь его недалекостью.

— Где он, где твой Ферри?! Как его найти?! — затряс за плечи.

— Ты впрямь безумец, — качнул тот головой. — Да отпусти!... Видно чары ведьмы сильны...

— Она не ведьма!!... Верь мне, я знаю, что говорю. Она ангел.

— Хм, — Озавар настороженно покосился сначала на друга, потом на женщину что хрипло дышала, готовая видно вот-вот отойти к Создателю. Но не ушел бы с ней и Теофил. Как разошелся-то бедняга! Не иначе истинно влюблен.

— Когда я лгал тебе, Федерик? — прошептал, с болью глядя на графа. Тот смутился — не было того.

— Тебе так важно?

— Поверь. Речь идет о жизни вообще. Раз места нет здесь ангелам, к чему в аду, во власти Дьявола нам прозябать? Не будь же ты слепцом, открой глаза и посмотри вокруг — где Бога ты узришь?

— Кошунствуешь, — испугался не на шутку Федерик.

— Пусть! Мне все равно.

— Твоя душа в опасности!...

— Оставь ты проповедь! Пусть тем папские борзые промышляют! Мне дела нет до них, до мира в целом!

Шутка ли, такие речи? — встревожился Озвар и, видя искренность друга, вовсе озадачился и растерялся: что пропустил он? Взгляд опять ушел к умирающей. Можно ли влюбиться в нее? Вот так вдруг, сразу, продав сердце и душу... ради кого? А эта задумчивость и мрачная тоска, что изъедала Теофила последние два года — не женщина ли попавшая в руки толпе тому виной?

Озвар подошел ближе, навис над больной, всматриваясь в изувеченные черты лица. Что-то слегка знакомое в них проступало, но если б не короткие волосы, пожалуй, не вспомнил бы, не подумал.

— Та дьяволица, — вздохнул и мороз по коже от воспоминанья двух годичной давности. — Бог мой, неужели?...

— Да, это она. Я думал, ты узнал.

— Кого? Ту странную девицу, что возомнила себя воином и потешила толпу? Вот та ей и отплатила. Возможно ли, чтобы дама так себя вела? Не удивительно, что приняли ее за ведьму... О, Бог мой, Бог мой!... Я не могу сказать, что не согласен с крестьянами, она действительно странная и настораживающее возмутительна в своем поведении... одежде...

— Ближе к делу, Федерик! Мне нужен этот Иона. Мне! Прошу тебя, не томи, не тяни время, его немного в запасе.

— Хорошо... но чем ты его заинтересуешь? Он не беден, имеет покровителя, вряд ли он захочет кинуть все, чтобы бежать спасать неизвестно кого. И спасать ли? Он почти чародей, но все же, не Бог.

— Там будет видно.

— Откажет...

— Еще не спрашивали! Я верю, он поможет.

— Откуда такая уверенность?

— Не знаю. Считаю, что посланье свыше. Я точно знал, что встречу ее и встретил. Так и тут — верю, не откажет, поможет. Иначе... нет справедливости и не рождалось вовсе!

— Ну... я слышал Ферри похоронил жену, несчастный случай: то ли упала с лошади и свернула себе шею, то ли еще что. Я слушал вскользь. Можно поискать его около монастыря святого Бенедикта, он там был, аббат Перно залечивал его душевную рану... Но вряд ли излечил. Беда-то случилась совсем недавно.

— Едем! — рванул к дверям Теофил и вернулся, чтобы запечатлеть поцелуй на горячем челе женщины. — Умоляю, потерпи и подожди меня. Не уходи без меня, молю, мой ангел.

Озвар передернул плечами: а Теофил-то бард! Смотри, как ласков, нежен и речив. «Умоляю!»! Когда такое было, чтоб Локлей молил! Когда столь явно был расположен и всецело предан даме? Женитьба на Симонетте Арно в свое время серьезно охладила его пыл и, о любви тот не помышлял годами, а тут вдруг вспомнил! Нет, ну что к чему?!

— Берга! Ориетта! — позвал служанок. — Отвечаете за госпожу головой. Станс... друг мой, ты знаешь, что делать, — хлопнул мужчину по плечу. Их взгляды встретились, Рокуэй низко поклонился:

— Не беспокойтесь, господин, я скорей умру, чем подведу вас.

— Надеюсь. Она...

— Я понял, господин, не утруждайтесь. О даме будут заботиться, как были бы это вы.

Теофил кивнул, с благодарностью глянув на верного слугу:

— Я постараюсь вернуться быстрее.

— Ну, что там? — буркнул в переговорник Иван, переминаясь от нетерпения у стен монастыря. Ян подпирал камни спиной и поглядывал вокруг. Первая точка выхода приближалась, а бойцы с места не сдвинулись. Ни в Каркасоне, ни в округе о Стасе не слышали, ничего подозрительного не видели, и ни о чем из ряда вон не слыхали. Маяк упорно молчал, навевая своим штилем уныние. Очередной монастырь и очередное «ничего» уже значительно раздражало.

Иван осел у кладки:

— Ничего. Н-да-а.

— Потеряли?

Федорович хмуро покосился на бойца и выдал в переговорник:

— Сворачиваемся и уходим в южные зоны.

— Капитан, можно поискать в Мюре.

— Отставить, рядовой Чижов. Идем в Пампье и Мирпуа.

— Почему?...

— Потому что приказ!

— Есть, — прозвучало недовольно.

— Переживает, — вздохнул Ян и опять удостоился хмурого взгляда Ивана: а кто нет?

Стаська, малышка, где же ты черт тебя дери!!

— А почему, правда, в Пампье? — потопал за капитаном Пацавичус.

— Потому что Иштван мог напутать. Для него что Каркасон, что Тулуза, что доминиканец, что григорианец, одинаково, а Вельковскому, с которым он ходил — нет. Маршрут был: аббатство цистерцианцев под Каркасоном и бенедиктинцев под Пампье.

— Ясно.

— Тогда не задавай тупых вопросов!

К вечеру, объехав округу Мирпуа, они, наконец, вышли на след Ферри. Тот пил в аббатстве святого Бенедикта под Пампье в обществе двух монахов. Щедро отсыпав настоятелю, Теофил и Федерик получили место за столом, кувшин вина и сносный ужин.

Озвар с аппетитом вкушал поданное, а Локлей крутил кубок с вином в руке и пристально рассматривал мужчину, от которого зависела жизнь ангела. Молод, но далеко не юн, лицо обветренное, заросшее щетиной, мрачное, взгляд тяжел и полон ненависти и презрения. Мужчина был пьян, но продолжал накачивать себя. Возможно, это и остановило Теофила от поспешности. Меньше всего ему хотелось доверяться пьяному, еще меньше доверять ему же жизнь дорогой ему женщины. Одна мысль, что это пьяница притронется к ней, вводила его в ярость. Но есть ли выбор?

— Ты уверен, что это он? — тихо спросил Озвара, качнувшись к уху друга.

— Угу, — заверил тот, зыркнув на любимца графа Тулузского. Тот глянул в ответ, как придавил, сжал кулак:

— Что уставился?

— Полегче, — посоветовал Федерик, мгновенно напрягшись. — Не хочу учить вас манерам, поэтому прошу не вынуждать!

— Тише, монсеньоры, вы в святой обители, — напомнил им монах.

— Конечно, — с кривой усмешкой качнулся Иоана, покосившись на толстяка. — Никаких разборок! Слава Божья и все такое.

Вышло уничижительно и слишком откровенно презрительно. Монахи заерзали, не зная стоит ли вызывать к благочестию пьяного, и дружно промолчали. Теофил насторожился: «разборки» — что за слово? Византийское? Возможно, это знак и Федерик действительно не ошибся, тогда не стоит ждать.

— Вы Иона Ферри? — спросил, уставившись в, на удивленье, ясные глаза мужчины.

— Ну, — прищурился тот, смерил графа взглядом и потянулся за кувшином.

— Не стоит, — отодвинул тот заветное пойло. — У меня к вам предложение.

— А не пойти б вам с ним?...

— Нет, ну, каков! Ты это стерпишь?! — возмутился Федерик. — Позволь я научу зазнайку манерам!

— Нет, — придержал друга за плечо. — Поди во двор и подожди нас. Прошу!

— Твое дело... Однако!...

— Федерик! Прошу! — повторил с нажимом и взглядом почти приказывая: выполни мою просьбу, что тебе стоит?

Иона внимательно наблюдал за господами, забавляясь их снобизму. Петухи — фанфароны. Хотя это, слева, вроде ничего.

Озвар встал, недобро глянув на пьянчугу и, вышел. Теофил подвинулся к Ионе:

— Я слышал вы лекарь-чародей.

— Сплетни, — заверил тот.

— Мне нужна ваша помощь.

— "Мне" — кому?

— Граф Теофил Локлей, — кивнул, так чтобы ни свою, ни его гордость не задеть.

— Теофил Локлей, — протянул Иона, изучая мутную жидкость в кубке. — Наслышан. Как же. Знатный сеньор, отпрыск известного рода из Арагона. Что вы здесь делаете? Ваш замок стоит у Пиренеев, поближе к графству отца и привечает всех кому не лень. Но мне без надобности ваша милость.

— Я знаю, вам благоволит сам Раймунд Тулузский.

Мужчина с усмешкой глянул на него и стало ясно — ему ровно на все благоволения разом, вообще, на все: на мир, людей, себя и Бога.

— Вам плохо?

Иона сморщился, пытаясь понять, чем вызвано сочувствие в голосе мужчины и подумал: не оскорбиться ли, но вместо этого хрипло рассмеялся:

— Что вы! Мне смертельно хорошо!

— А мне плохо.

Смех Ионы смолк. Мужчина уставился в глаза графа и почувствовал легкий укол вины. Что-то было в них знакомое, боль, наверное.

Ферри залпом осушил кубок, взял кусок хлеба, гоня наваждение: плевать, в конце концов, кому и как. Он не святой, чтоб всех жалеть и не аббат, чтобы выслушивать исповеди. К чертям все!

— Я слышал, ваша жена умерла... моя же умирает. Я знаю, только вы способны ей помочь. Поэтому прошу, любая цена, любая услуга — я отплачу, но помогите.

Нотки глубокой печали сродной отчаянью, не понравились Ионе. Ему привиделась Иоланта, мертвая, лежащая со свернутой шеей в овраге и собственные чувства в тот момент. Оглушительное горе, когда, как душу на изнанку вывернули и вырвали. Потеря за потерей,

им несть числа и сил нет их терпеть. А люди в слепой гонке продолжают мчать за золотом и положеньем, рвут глотки за своих Богов, попирая самое важное — своих близких и любовь что единственно дана душе как Свет и Бог. Даже катары, уж как он не был к ним лоялен, того не понимали, в тупую проповедуя атог.

Нет, Иоланту он не любил, но свyksя с ней, принимал как данность ее любовь, ждал первенца и просто жил. И лишь когда потерял, понял, каким был идиотом, и заливал теперь не боль потери, а свою вину.

А этот, видимо, любил...

— Что же с вашей женой, господин граф?

— Ее избили, — с трудом выдавил Теофил.

— Вот как? — усмехнулся: а мы похожи! — Как же вы это допустили и кто посмел?

— Долго объяснять, — мужчина отвернулся. Он не привык откровенничать с кем-то и вынужденность подобного тона разговора раздражала его.

— Тогда выпьем, — налил себе еще вина, отсалютовал. — Поверьте, господин граф, вашей голубке будет лучше на небесах, чем на этой земле. Не мучайте и отпустите. То эгоизм в вас говорит...

И смолк — Теофил не сдержавшись, схватил его за горло и встряхнул.

— Не смей, ты!...

И отпустил, одумавшись, тяжело опустился на лавку:

— Поверьте, Ферри, я никогда, никого, ни о чем не просил, а тут прошу... даже готов молить, — выдавил через силу.

Иона потер шею, внимательно поглядывая на мужчину. Злости на него не было — досада лишь, что должно было этому графенку явиться и нарушить его покой, залезть в рану своим тоном, видом, просьбой.

"Умолять готов", — ишь ты! Сеньор готовый умолять, да что там — умоляющий лекаришку! Да-а, это нечто.

— Я заплачу, сколько скажите, как скажите и когда вам будет угодно. Прошу, Ферри, время стоит жизни.

Иона дрогнул: откуда ему знать это?

Что за черт сегодня происходит? Откуда приходят миражи и мучают его? К чему?

— Нет. Я пьян. И не хочу оставлять эту обитель.

— Проветритесь. До замка пол ночи езды...

— Тем более, — уперся, сам не зная почему. Теофил вспылil, потеряв терпение. Поднялся и, сбросив со стола кувшин и блюдо, душевно въехал кулаком в лицо Ферри. Того мотнуло и скинуло с лавки. Монахи вскочили, готовые призвать господ к порядку, но Теофил и бровью в их сторону не повел. Перепрыгнул через стол и вновь ударил мужчину:

— Позовите моих людей! — приказал монахам, встряхивая пьяницу — готов. Не хотел ехать по-хорошему, поедет по-плохому. Упреки от Раймунда конечно не нужны Локлей, но что уж тут поделать. Переживет и выживет. Да только б выжил его ангел.

— Ребята, вы шевелиться будите или нет! — прошипел в переговорник Иван.

— Здесь какая-то нездоровая канитель, командир, — доложил Сван. — Переждать бы надо.

Чиж, выглядывая из-за камней ограды, следил за суматохой во дворе. Какого-то беднягу как тюк укладывали на лошадь. Монахи пеняли и зывали к Господу, а с десятков воинов нелестно отзываясь о святых отцах, вскакивали на лошадей. Двое, видимо сеньоры, переговаривались, перепирались:

— ... давно бы так!... не оберешься потом...

— ... что будет, то будет...

— Они собираются уходить. Отряд из двенадцати человек и пленник, — доложил капитану Николай.

— Хорошо, дождитесь.

Ворота аббатства распахнулись и в ночь пошла дробить копытами дорогу кавалькада.

— Несутся как черти. На пожар, что ли? — равнодушно заметил Иштван.

— Догони, узнай, — фыркнул Сван.

— Разговоры! — обрезал Иван. — Приготовьтесь. Пока ворота не заперли, вам шанс дают проникнуть. Давайте, братцы!

Чиж и Сван, тенью мелькнув вниз со стены, накинули на головы капюшоны и выросли перед братьями-аббатами, что вышли проводить уехавших.

— Мир и благодать Господня вашей обители, — проблеял Сван.

— Пласидо Доминго, — хохотнул Иштван в наушник.

— И вам мир, братья, — сложил на груди руки толстяк-монах. — Что привело вас в наши края?

— Несем слово Божье, как должно любому благочестивому человеку.

— То труд усердный и праведный, — закивал. — Остановитесь у нас, отдохните, вкусите, чем Бог послал.

— Я тебя б послал, — прошипел Пеши.

Бойцы чинно прошествовали во двор:

— Что слышно в округе брат?

— Вроде тихо, — скрипнули ворота. — С Божьей помощью обитель процветает. Конечно, много нынче развелось еретиков...

— Ну, все, завел шарманку! — опять встрял Иштван.

— Пеши, вернемся, я тебе язык обрежу, — пообещал Федорович.

Через час мнимые монахи покинули обитель, не смотря на предложение братьев заночевать у них. Два силуэта ушли в ночь, скрывшись с глаз проводивших их и... нырнули в кусты за стеной аббатства.

— Что? — спросил Иван. Мужчины сели рядом со своими у стены и дуэтом качнули головами: ничего.

— Скверно, — приуныл Иштван. Ян сорвал травинку и начал жевать ее в раздумьях.

— Вообще ничего? — не поверил Иван.

— По Стасе, совсем. Зато точно можно сказать, что Иштван и Андрей были здесь.

— Ну, я же говорил! Этот монастырь! — заявил Пеши.

— Аббатство, — поправил Ян.

— Какая разница?

— Из-за твоей «разницы» мы и кружим, — проворчал Сван.

— А этот, на кого ты Стасю навел, только что с графами отчалил, багажом. Зовут его Иона Ферри, родом из Византии. Лекарь графа Тулузского. Похоронил недавно жену. Понятно? — Чиж готов был убить Иштвана. Дать Стасе мираж в руки и отправить Бог знает куда, потому что ему что-то показалось! — Ты понимаешь, что ты натворил?! Ты понимаешь, что Стаси нет нигде?! — схватил его за грудки.

— Брек! — откинул мужчину капитан. — Разборки дома!

— Я не вернусь, пока не найду ее! — заявил Николай. Иштван отвернулся:

— Откуда я знал? — вздохнул покаянно.

— Никто ни в чем никого не винит! — отчеканил Федорович.

— Если уж на то пошло, ты командир не прав в первую очередь. Понятно теперь, Стасю от нас ограждал, да? Но мог хотя бы не скрывать в чем соль и суть? А то нагородили тайн и загадок, и сами же в них запутались, — процедил Сван. — Где вот теперь сестренка? Это что же за любовь такая у них с твоим братом приключилась, что и за пять лет не выветрилась?

Федорович хмурясь смотрел в ночь: что на душе, что вокруг, одинаково мрачно.

— Не найдем мы ее, — протянул Ян.

— Тебя вроде не Аким зовут, — зло глянул на него Пеши.

— Здесь точно не найдем. Может, двинемся дальше, в Мирпуа? — спросил Чиж. — Смысл здесь сидеть. У нас еще почти одиннадцать часов в запасе, за это время всю округу вдоль и поперек перерыть можно. Не верю я, что Стася испарилась без следа!

— А если она в Древней Руси? — без уверенности протянул Ян.

— Нет. Она либо здесь, либо... — Иван встал, не желая озвучивать худший вариант. Сначала брата потерял, теперь Стасю. Дурак! Зачем он клялся Илье, зачем оставался верен той клятве? — Пошли, — кивнул бойцам и двинулся в темноту.

Стася пыталась понять, где она, кто, но веки были тяжелы и смежались, в голове лишь боль и звон в ушах.

Что-то влажное и холодное коснулось лица.

— Отходит, — всхлип. Кто это?

— Циц, дура! Неси маковый отвар и мяту.

Мак? Мята?

Перед глазамиплыли оранжевые круги, в которых то ли тени, то ли люди.

Как жарко! Дали бы попить...

— Терпите, госпожа...

Кому это, к чему?

Больно! Больно...

— Не доживет, — качнула головой знахарка. Станс помрачнел:

— Мне все равно как ты это сделаешь, но она должна жить до приезда господина. Хоть на голову встань, а сотвори! Иначе — вздерну и тебя и всю твою семью!

Берга охнула, испугавшись, рухнула на колени:

— Помилуйте, господин! Разве ж в моей воле смерть остановить!

— Я сказал! — процедил, откинув женщину и, вышел из спальни. Ориета зажавшись в угол, проводила его испуганным взглядом.

Берга заплакала.

— Ты не реви, а думай! — подбежала к ней девушка, обняла, утешая.

— Да как же!... как же? Что ж здесь придумать?... — трясло знахарку. — Ведь я ж не Бог... ну, что я... видано ли?...

— Тише, успокойся.

— Глаза-то, глянь!... И не кричит, дышит уж через раз... А мне за что?... Что ж я-то?

Женщина на постели застонала и Берга смолкла. Ориета метнулась к больной, менять повязку на лоб и, встретившись с темными, невидящими глазами ойкнула, перекрестилась.

— Мамонька! — а ведь права Берга, не выжить незнакомке. — Надо бы кого за исповедником послать.

— Кого ж исповедовать и причащать? Она ж, болезная не в себе.

— Как же ей без причастья отходить? Страсть-то какая!

— А мне кто причаститься даст!... Господи помилуй, отходит!

Стася захрипела от боли и попыталась схватить рукой оранжевое пятно, надеясь хоть так зацепиться за жизнь, избавиться от боли. Но и пальцем не шевельнула.

Иона очнулся и с минуту с удивлением смотрел на летящую перед глазами траву. С трудом сообразил как так и вспомнил удар графа. Мужчину передернуло от ярости. Он взбрыкнул и начал выворачиваться, грозя слететь с лошади и поломать себе хребет. Его подняли за шиворот, приостанавливая коня:

— Убью! — пообещал в лицо Теофила.

— А ты смел, — оценил тот.

— Неучтив, — поправил Озвар.

— И тебя убью! — процедил Иона. Федерик хмыкнул, но взгляд был растерянным — ярость лекаря проняла его и уверила, что для этого человека нет преград и препятствий.

— Наверное, он не в себе. Зря ты это затеял, Теофил, сдастся, лекарь ни на что не годен, как только бесноваться.

— Посмотрим, — махнул стражникам. Те усадили пленника. — Нравится или нет, тебе придется посетить мои владения. Но выбор за тобой: поедешь как мешок или мужчина.

Иона с трудом сдержавшись, чтобы не прорычать в ответ проклятья, кивнул: все лучше ехать так, а не лицом в брюхо лошади.

— Предупреждаю — вы ответите!

Локлей глянул на него, подумал и кивнул:

— Когда поможешь, разберемся.

Я тебе помогу, — пообещал взглядом Ферри. Федерика проняло, он надал коня, спеша оказаться подальше от возмутительного лекаря, Теофил же бровью не повел. Отряд вновь погнал в ночь, не щадя лошадей.

Утром кавалькада въехала в замок Локлей.

Пленника рывком стащили с коня и повели за графом, что, перепрыгивая ступени побежал спальню, надеясь по лицам слуг определить состояние больной.

— Что?! — увидев Рокуэй, прижал его к стене.

— Жива, — заверил тот. Теофил ткнулся лбом в каменную кладку стены, дал себе пару секунд передышки и поплелся в спальню. Следом мимо Станса провели упирающегося и изрыгающего проклятья лекаря. Начальник стражи не сдержался и ударил того в живот:

— Придержи свой поганый язык смерд!

Иону свернуло.

Сюда, — кивнул слугам граф, приказывая втащить мужчину в соседнюю со спальней комнату.

— Послушай меня Иона, сейчас тебе развяжут руки и ты тихо пройдешь в спальню, где лежит женщина, дороже которой у меня ничего нет, — склонился над ним Локлей. Ферри с удовольствием плюнул бы ему в лицо, но взгляд мужчины и тон, заставляли смирить эмоции и послушать, что он говорит. — Там, — граф махнул рукой в сторону стены, за которой видимо и находилась спальня. — Ты будешь вести себя как самый благородный рыцарь. Твое настроение, твое недовольство не должны сказаться на больной, которая нуждается в помощи и заботе. И если ты все сделаешь, как я... прошу, после ты сможешь высказать мне все, что думаешь, и клянусь честью, не будешь за то наказан. Ты понимаешь, о чем я?

Иона нехотя кивнул, стараясь не смотреть на графа. Станс взмахом клинка рассек веревки на его руках.

— Хорошо. Я верю, ты разумный человек и благородного характера. Сейчас ты окажешь помощь даме, а после получишь награду. Клянусь, я буду щедр и более того, забуду твою возмутительную заносчивость, если захочешь стану... твоим другом.

Бред, — не сдержавшись, фыркнул Иона. Станс замахнулся, чтобы ударить его, напомнив тем самым, с кем он общается, но Теофил остановил руку слуги, поморщился:

— Иди, Стас, мы сами разберемся с Ферри.

Мужчина, предостерегающе глянув на лекаря, вышел.

— Дайте вина, — попросил Иона.

— Нет. Ты много внимания уделяешь горячительному. После прикажу выдать тебе бочку, пей, но сейчас ты нужен мне трезвым.

— Я всего лишь хочу пить.

Граф смерил его подозрительным взглядом и кивнул на стоящий на столике кувшин:

— Вода.

Иона с жадностью прильнул к горлышку и выпил почти все. Оттер губы и вздохнул, глянув угрюмо на Локлей:

— Веди.

Интересно, что за женщина толкнула графа на столь изысканный подвиг? Трубадур, блин!

Граф подозрительно оглядел пленника и пошел, приглашая его за собой.

Больная действительно оказалась в соседней комнате.

Иона замер разглядывая изувеченное лицо. Он слишком долго и пристально рассматривал раненную, стоял как истукан настораживая Теофила, ввергая его в панику:

— Не говорите, что ей нельзя помочь, — предупредил, готовый убить мужчину, если тот подтвердит худшие опасения.

— Кто вам сказал? — хрипло спросил Иона и дрогнувшей рукой откинул край

мехового одеяла, чтобы осмотреть женщину, но граф перехватил его руку:

— Не смей к ней прикасаться!

Ферри непонимающе уставился на него: ты кто, какого черта здесь делаешь?

И очнулся, нахмурился:

— Как же вы хотите, чтобы я помог ей? Мне нужно осмотреть больную, чтобы понять, что вызывает горячку.

— Ее избили.

— Кто?

— Толпа, — признался нехотя Локлей.

Ферри потерянно кивнул, соображая, как просто это могло случиться.

Иона решительно убрал одеяло с женщины и осторожно отогнул край туники. На плече горела зеленая татуировка в виде лабиринта.

Локлей с минуту удивленно рассматривал рисунок, и, подняв глаза на лекаря понял, что тот ничуть не удивлен.

— Вы знаете, что это?

— Знак избранных, — глухо ответил Иона, как отмахнулся. Граф кивнул: не сомневаюсь. — Странно, что вы спрашиваете о том меня. Кто вам эта женщина?

— Жена, — твердо и четко молвил граф, секунды не думая и глазом не моргнув. И не солгал, давно придумав себе незнакомку и поверив в то, что лишь она его судьба, другой же нет и быть не может.

Иона тяжело и долго смотрел на него.

— Вот что, господин граф, — отвернулся, посмотрел на изувеченное лицо женщины.

— Мое главное условие — не мешать и выполнять все, что я скажу. Сейчас мне нужно осмотреть ее, ощупать кости и мышцы, живот. Я вижу, госпожу изрядно покалечили. Давно ли она не в себе?

— Почти сразу... Второй день.

— Скверно. А сколько мучит жар?

— Столько же.

— И не стихает?

— Нет.

Иона начал осторожно ощупывать скулы и челюсть больной. Локтей дернулся, желая воспрепятствовать, возмущившись и испугавшись, что лекарь причинит боль ангелу, но сдержал себя, видя, что тот осторожен, даже нежен.

Ферри приоткрыл веки больной, чтобы посмотреть зрачки и тяжело вздохнул: похоже тебя крепко помяли, девочка.

Осторожно ощупал руки, каждый пальчик, каждую косточку, потом ноги, живот, смирившись с тем, что граф целомудренно придержал рубашку, скрывая наготу женщины. Пусть его, болвана, после разберемся.

— Скрывать не стану, картина не утешительна, — выпрямился. — Скорей всего главная беда заключена в ранах головы, и все же, на лицо увечье ребер, руки. Мне нужно крепкое полотно. Затем: горячая вода, крепкое, самое крепкое вино, что вы найдете, нож, игла, нитки. И побыстрей.

Граф махнул служанкам: слышали? Тогда в чем дело?!

Те ринулись прочь выполнять приказание.

Отряд сидел на опушке леса недалеко от Мирпуа, ждал «зеленку». Лица усталые, расстроенные, взгляды куда угодно только не друг на друга.

— Можно еще поискать, — упрямо заметил Чиж.

— Десять минут до точки, — напомнил Ян.

— Будет другая точка.

— Мы возвращаемся, — сказал Иван. Не приказал, не попросил, а словно сам себя спросил и не поверил ответу. Николай мрачно глянул на него, напоминая:

— Мы не оставляем своих.

— Не оставляем, — согласился. — Только забираем, если знаем, откуда забрать, и если есть что.

— Она могла не дойти до точки выхода, — задумчиво протянул Сван. — Скорее всего, так и было, ведь связи не было вообще. Так не бывает.

— Ушла в параллель? — покосился на него Иштван.

— Скорей всего, — неопределенно повел плечами.

— Или здесь, но мы плохо искали, — процедил Чиж.

— Коля, маяк даже не шелохнулся за сутки. Где, кого искать? — развернулся к нему Ян.

— Я не верю, что она пропала! Не верю!! — взвился Николай, вскочил.

— Тише, — попросил Федорович. Настроение у него было подстать настроению всей группы — отвратительным, и то ли вина, то ли досада разъедали. А жить надо, идти дальше, работать. — Такова судьба патрульных.

— Это ты мне говоришь? На счет Стаси, да? — возмутился мужчина, навис над ним.

— Не мельтеши ты, Коля, — поморщился Иштван. — Всем не сладко.

— Но нужно реально смотреть на вещи. Стаси здесь нет. Не факт, что вообще проявлялась здесь. Какой вывод? Плохой вывод: она может быть где угодно и с той же

вероятностью нигде, — глянул на него Иван.

— Думаешь, погибла? — прошептал Чиж, с тоской и злостью за подобные мысли уставился на командира. Тот вздохнул и ответил расстроенным взглядом:

— Ты боец, должен сам все понимать.

Николай осел на траву, сообразив, что капитан прав. Но как с этим смириться?

— Я останусь, еще поищу.

— Отставить.

— Сутки. Дай мне еще сутки.

— Исключено.

— Ребята, минутная готовность, — тихо бросил Ян. Бойцы начали подниматься, а Чиж все сидел и упрямо сверлил капитана взглядом.

— Хватит! — рявкнул тот, не сдержавшись. — Никаких исключений не будет! И утри сопли!

— Я уверен, она жива, здесь! — вскочил мужчина. — Дай мне сутки, всего лишь сутки!

По воздуху прошла волна и начала образовываться воронка.

— Дома поговорим! — отрезал Иван и, схватив Чижа за руку, толкнул в образовавшийся коридор. Иштван оглядел веселый пейзаж и, прошептав:

— Прости, Стася, — шагнул следом. Последним ушел Иван, на пару секунд задержавшись, чтобы то ли попрощаться, то ли взять себя в руки и перечеркнуть прошлое. Однако понял, что не сможет и, ушел в будущее, храня былое.

Из бокса выходили молча. Не сговариваясь и все же единогласно приняв решение — о Стасе больше не слова.

Так было проще, легче. Так было всегда. Потерю не вернуть, а думать, говорить, что в больном ковырять. К чему? Нагрузки без того колоссальны на психику, как и на весь организм.

Жизнь продолжается, как должно быть. Каждый запомнит то, что ему хочется и с этим будет жить, но беречь чужие раны, как делиться своими — непринято, неправильно, наверное, нечестно. Чиж понимал капитана, ребят и все же наблюдая как они переодеваются, как ни в чем не бывало, переговариваются, решают, что сделать первым, что вторым, во сколько явиться в центр на прививки, ему казалось — они намеренно кощунствуют.

— Иштван, ты сколько лет со Стасей в патруле?

Пеши замер с майкой в руках, посмотрел в глаза Чижу: мне как тебе, поверь, несладко, и больно, и жалко, но давай не будем, хорошо?

Натянул молча майку на торс и скинув одежду в контейнер для грязного, вышел. Сван хмуро покосился на мужчину:

— Закрыли тему, Коля. Совсем.

— Получится?

— Но попытаться-то надо?

Глава 14

Первый день, второй, как сон или наваждение. И вроде все по расписанию, как всегда: завтрак, обед, ужин, тренировки, стрельбы, прививочный кабинет, партия в шахматы, разговоры за чаем в гостиной за полночь, подколки, а все же есть какая-то недоговоренность, пустота. И каждый чувствовал ее, и все же молчал и делал вид, что все в порядке. Эта фальшь, где и улыбка кажется натянутой и шутки плоскими, а разговоры из серии лишь бы говорить о чем-то, давили Николая. Он как фантом бродил по центру в поисках своего физического тела, часами зависал у стенда с пропавшими патрульными, где вывесили снимок Стаси. Смотрел на нее и не верил, что она не здесь, не с ним, что обернись, а ее нет, позови — не ответит. Двое суток, трое — разве срок? А вдуматься, так бездна. Три дня назад всего три дня, он разговаривал с ней, обнимал и руки до сих пор хранят тепло и близость ее тела, в ушах стоит ее "мы строим будущее". Но Стаси нет. Есть память, есть это здание, есть ее комната, товарищи, с которыми она сидела за столом, вытаскивала трассеров из мезозоя. Они остались — ее нет. Как так, Чиж в толк не мог взять, не принималось ни сердцем, ни умом, что это реальность. Кошмар скорее.

И разве не терял он до нее своих товарищей, друзей, знакомых? А будто не терял.

Смотрел на Сван и Иштвана, на Яна и Ивана и с трудом принимал, что они его напарники, что они из его группы. Казалось, не стало Стаси и группы нет, есть разрозненные фрагменты — люди связанные лишь словами "зеленый патруль".

Чижов не находил покоя, не мог ни есть, ни спать — он думал, вспоминал все что ему говорила Стася и заставлял себя понять ее слова, поверить, что даже в этой, казалось бы безвыходной ситуации выход есть. Он искал его, с трудом продираясь через заборы стереотипов, ломал сам себя и строил будущее, в котором Стася жива, здорова, здесь, с ними. Нашлась, вернулась. Прагматизм ехидничал, а зерно веры, что посеяла женщина, назло ему проросло и укрепилось. Отщелкивались дни, как шелуха от семечек в кулаке Сван и вот на смену тоске пришло ожидание. Когда и как Чиж сам не понял, но, взяв за аксиому в один из дней, стоя у стенда с пропавшими и вглядываясь в глаза Стаси, что она вернется, жива, уверился в то. Все что она говорила, уложилось и сложилось, нашло свое место в уме и сердце и больше не давило непониманием — наделило четким осознанием, что будет так, как сложишь ты, что будущее в руках твоих, а не мифической судьбы. Она сама всего лишь твой рисунок, бездумный исполнитель твоих мыслей и желаний, стремлений, целей. Ты задал программу, она исполнила — кого винить? Свой разум закостеневший, неповоротливый, ограниченный чужим, а не твоим влиянием, давлением извне? И кто действительно сказал, что быть не может, а что может? Кто определил шкалу того, что можно и нельзя? Кто определил параметры веры и воли, по какой шкале оценена и взвешена мечта? Кто сказал, что ей не сбыться? Ты сам творишь, кого-то милуешь, кого-то казнишь, и строишь хлипкие мостки из прошлого в будущее. Сам же строишь, сам же рушишь.

Чиж строил на века, гоня прочь все, что помешало б.

Вот он — пункт «а» и вон она — пункт «в», а больше ничего не надо. «Исчезла», "умерла", "нет шансов", "проехали — забудь" — все мимо ушей, сознания, отвергая на подходе и продолжая верить — будет, как задумал, как сказал — вернется.

Спустя неделю он криво усмехался над собой, понимая, что твердо уверовал в то. Неделя для других как жирный крест на надежде — его же лишь окрепла. И опять за то спасибо Стасе, свернула все-таки горы шлаков в его сознании, освободила от ненужного.

Быть может поэтому, с высоты своей надежды, твердой веры, что Стася вернется и иначе быть не может, он не сразу понял, что за девушку привел в гостиную Иван, к чему.

— Знакомьтесь, Лариса Веденеева.

Молоденькая, симпатичная шатенка щедро улыбнулась вмиг насторожившимся мужчинам. Единственный кто улыбнулся ей в ответ — был Ян. К нему она и села и получила

чашку с чаем, пирожное.

— Спасибо.

— Не за что, — с видом доброго родственника заверил Федорович.

— К нам в группу? — прищурился Иштван.

— Да, — улыбка малость поблекла под тяжелым взглядом, который не оценивал, а сразу отвергал.

— Из детского сада? — поинтересовался Сван. Девушка растерянно моргнула, капитан предостерегающе уставился на мужчину: не шали.

— Быстро же ты Стасе замену нашел, — тихо сказал Чиж, разглядывая жидкость в чашке.

— Группа должна быть укомплектована. Наша очередь и в любой момент могут кинуть на задание.

— Оправдываешься? — посмотрел ему в глаза с насмешкой и превосходством.

— Не ваше дело, рядовой!

— Извините, что сидим в вашем присутствии, — скривился Сван. Поднялся и, не попрощавшись пошел на выход. Иштван и Николай почти синхронно поставили свои чашки на стол и встали:

— Спокойной ночи, — отвесил поклон Пеши Федоровичу.

— Не будем вам мешать, — поддакнул Чиж. И оба пошли из гостиной. Лариса приуныла, Иван поморщился:

— Не обращай внимания.

— Да нет, я ничего, я понимаю, — робко улыбнулась ему девушка в ответ.

Ян покосился на них и несмело сказал:

— Я тоже, пожалуй, пойду. Поздно уже.

— Девять всего.

— Ага. Спать пора, — и вылез из-за стола. Девушка, конечно, ничего, но мужская солидарность дороже. Он как все, а все — против.

Федорович проводил его злым взглядом и выдавил улыбку Ларисе:

— Вообще-то, новичков у нас тепло встречают...

— Я заметила, — сникла та. — Прием был самым «теплым».

Капитан крикнул: н-да.

— Завтра познакомитесь ближе и, все будет хорошо. Посмотришь. Сегодня бойцы устали, — какое б оправдание поведению бойцов еще найти?

— Не переживайте, товарищ капитан, я все понимаю: нужно время. Ребятам надо присмотреться, это естественно.

— Да, — закивал Федорович, с благодарностью глянув на нее.

Мужчины тем временем в развалку шагали по коридору в сторону комнаты Иштвана, решив посидеть у него.

— Братья! Подождите! — нагнал их Ян.

— Ты-то чего ушел? — удивился Иштван.

— Так вроде мы вместе, — пожал тот плечами.

— А-а, — протянул мужчина из вежливости. Сван обнял парня за плечи:

— Молодца, хвалю.

— А я нет, — бросил Чиж. — Нравится — не нравится, а нам с этой теперь вместе сёрфер устраивать.

— В смысле, ты не против? Чего тогда выступил?

— Потому что, противно.

— Вот! — ткнул в его сторону пальцем Иштван. — И мне! Отчего — не объяснить. И вроде бы все верно, так и должно было быть, никаких неожиданностей, а все равно неприятно.

— Точно, — кивнул Сван. — Как представляю, что эта кукла будет в Стасиной комнате жить, с души воротит.

— Почему "кукла"? — озадачился Ян. — Вы же ее совсем не знаете.

— А тут он прав, братцы, — согласился Чиж. — Девчонка ни в чем не виновата.

— Кто винит?

— Но поступок свинский.

— С чьей точки зрения? Нет, если эмоции убрать — все верно. Должна быть баба в группе — привели. Но бли-ин...

— Воспринимается, как предательство, да?

— Ага. Капитана. Причем и Стаси и нас. Нет, Чиж, ты, верно, сказал — вернется. Вот всей натурой чую — вернется. Не может Стася пропасть, не может!

— Я вчера с Кристиной разговаривал. Со старших диспетчеров ее погнали, но на посту оставили.

— Это ты к чему?

— Непонятно что ли? — Иштван покосился на Чижа. — Коля вон уже через Диму договаривается.

Николай фыркнул: ну, языки!

— Смотрю, у вас здесь как в деревне: спроси в одном коридоре — в другом ответ услышишь.

— Не сдадут, не переживай. А говорю я к другому. Предложение есть — вместе сходить.

— Я "за"! — тут же отреагировал Сван. — Ян прикроет. Да, брат? — хлопнул его по плечу. Парень нехотя кивнул.

— И когда уходим? — сообразив, что товарищи всерьез, поинтересовался Чижов.

— В одиннадцать последняя проверка на пульте. Дежурит сегодня свой человечек. Часов на шесть испариться можно легко.

— Ребята, вы серьезно собираетесь Стасю искать?

— Понимаешь, старичок, душа покоя хочет, а его не будет, пока я лично, не буду убежден, что нет ее там.

— Единодушно, — кивнул за себя и Сван Чиж. — Есть пара точек, что мы не охватили поисками.

— Я тоже об этом думал.

— Тогда не пара, — заметил Ян. — Населенных пунктов море: Лиму, Алет, Монсегюр, Фуа, Мюре, Тулуза...

— Вот! Тулуза! Вотчина графов Тулузских и они как хозяева должны все знать, что на их территории творится. Если и они не слышали, не знают, тогда Иван прав, Стася просто не вышла в точку и искать смысла нет. А если слышали? А если знают?

— Добить эту тему надо, — согласно поддакнул Сван.

— Так вы только туда?

— Только, — заверил Сван. — Ночи как раз хватит, чтобы графу привидеться и язык развязать.

— Не понял, вы уже договорились?

— Конечно! — улыбнулся Иштван. — Я договорился.

— А если бы разговор не зашел, без меня бы ушел?! — возмутился Чиж.

— Нет, стукнул бы перед отбытием тебе и Сван.

— Ну, спасибо! Тоже мне, напарник.

— Не скрипи, — толкнул его в плечо Сван. — Честно, сказал бы не он, так я.

Николай не поверил, но промолчал.

К двенадцати, после посиделок в комнате Иштвана и обсуждения как лучше Раймунда Тулузского разговорить, троица двинулась к боксу, оставив Яну четкие инструкции по прикрытию их самоволки.

— Влетит, — не сдержал тот вздоха.

— Фигня война, главное маневры, — деловито ответил Иштван, заряжая пистолет снотворными ампулами. Чиж сунул фото Стаси во внутренний карман, застегнул куртку и подмигнул парню:

— Не переживай, ты в любом случае, ни при делах.

Мужчины нырнули в коридор перехода, отсалютовав дежурному — другу Иштвана.

Ровно в двенадцать ночи патрульные оказались около замка графа Тулузского. Три гарпуна взметнулись вверх, закрепились на крепостной стене. Дальше дело техники: тенями

по стене, угрями мимо сонных стражей. Черные фигуры в черноте ночи никто не заметил, на легкий скрип двери внимания не обратил.

Бойцы вжались в стену в холле у лестницы вверх, решая, где искать графа.

Второй этаж, — показал Чиж.

Резонно, — согласился Иштван. Показал на пальцах: идем с обходом сверху вниз, здесь не повезет, переходим в другую башню.

Замок здоровый, — предупредил жестом Сван. Товарищи отмахнулись и скользнули к лестнице вверх.

Два стражника посапывали у стены при входе в коридор слева, пришлось их снять, истратив по ампуле — пусть спят крепче — бойцам спокойней. Сван остался прикрывать товарищей, те начали поиски. Дверей много, стражников в коридоре не меньше — обойма ушла на их благодатный сон и минут тридцать времени, чтобы проверить комнаты за дверями. В одной спали девушки, видно служанки, в других никого не было. И только в самой дальней комнате, за поворотом и под охраной двух стражников находилась, видимо господская спальня. На широкой постели под балдахином мирно сопели мужчина и женщина. Судя по богатому убранству интерьера, спящий был господином, возможно, самим Раймундом Тулузским. Но понятно, не спросишь, не узнаешь.

Мужчины осторожно вошли. Чиж выстрелил в руку женщины, впрыскивая снотворное, Иштван осмотрел комнату, заглянул за дверь в углу — небольшая зала была пуста.

Для разговора по душам, самое то, — заверил жестом напарника.

Зачем? Здесь поговорим, — поморщился тот в ответ, навис над спящим, прикидывая как разбудить его, чтобы не устроил шум.

Элементарно, — улыбнулся Пеши. Убрал пистолет, накрыл рукой рот мужчины. Тот распахнул глаза, хотел вскочить и замер, увидев две фигуры в черном. Зрачки расширились от страха и непонимания.

— Тс, — приложил палец к своим губам Чиж. — Граф Тулузский?

Мужчина медленно склонил голову, нахмурился: сон ли, явь эти двое похожие и не похожие на людей? И что делать — схватиться за меч, призвать на помощь стражу или святых?

— Мы не причиним вам вреда, нам нужно лишь, чтобы вы ответили на несколько вопросов. Вы видели эту женщину? — выставил перед его лицом снимок Стаси Николай.

Граф хлопал ресницами, с ужасом разглядывая голову то ли женщины, то ли мужчины, что смотрела на него и даже моргала. Но где же тело? Как эти двое могли засунуть голову в маленький квадрат то ли пергамента, то ли железа? Они не люди и показывают не человека! — вывод пришел сам и граф подумал, что видно умер и его допрашивают в чистилище. Но странно, отчего оно напоминает ему его же спальню?

— Ну, граф, вы видели эту женщину? — поторопил его Иштван, убрав ладонь с губ мужчины.

— Женщину? — прохрипел, ничего не соображая. Какая женщина позволит обрезать свои волосы?

— Женщину, граф, женщину!

— Э-э-э... нет...

— Смотрите внимательней! — качнул снимком Чиж.

— Нет! — с ужасом уставился на него Раймунд. — Вы кто?

— Считайте — ваш сон. Скажите, кто-нибудь появлялся в ваших владениях в последнее время, слышали ли вы о чем-нибудь из ряда вон?

Мужчина замотал головой, не спуская растерянного взгляда с Николая:

— Пилигримы ходят, но... Я не понимаю, вы?...

— Мы хотим лишь ответов, граф. Получим и уйдем. Рассказывайте.

— О чем? — сел осторожно.

— Обо всем, что происходило в ваших владениях в последнее время.

— Э-э-э... Дразги с папой Иннокентием и королем Филиппом. Катары раздражают их.

— Ерунда. Вы не подчиняетесь королю, вы сам король, а места богатые... Но не об этом речь. Что происходило в последнее время, какие слухи достигли ваших ушей?

— Венецианцы, слышал, хотят взять Византию, флот ушел к Босфору. Крестоносцы сговорились с дожем Донло и взяли Задар. Он докучал им...

— Мы спрашиваем про ваши земли!

— Здесь все спокойно. Что вас интересует? Свадьбы, турниры? Тогда, что?... Ах, да. После наложения интердикта на королевство Филиппа, священники бегут к нам. А я не запрещаю вести мессу, не препятствую проповедям Доминика, другим конгрегациям не чиню препоны. Бог с ними... Надо пресечь?

— Нас не интересуют церковные дела, поговорим о светских. Особенно о слухах или необычных явлениях.

— Каких? — Раймунд искренне был растерян, не понимая, что нужно двум странным незнакомцам. — Говорят, видели младенца с двумя головами, но я тому не верю. Еще видели ведьму...

— Поговорили, — прошипел Иштван, закатив глаза к потолку.

Тупо, — согласно качнул головой Чиж: а что собственно, мы хотели?

Сел на постель, убрав снимок в карман:

— Граф, какие-нибудь явления не свойственные вашему окружению или этому времени года...

— Была гроза! Средь бела дня при чистых небесах, сверкнула молния и пожгла траву у аббатства...

— Мимо. Еще?

— Да Бог мой! Не понимаю, что вам надо! Вы кто?!

— Тихо, граф, договорились же.

Раймунд осел, пристально оглядел незнакомцев:

— Вы люди?

— Нет. Видения.

— Могу спросить вас о себе, судьбе своего графства?

— Можете, — кивнул Иштван и больше ни слова, хоть граф упорно ждал.

— Так значит, все спокойно, тихо и ничего из ряда вон? — спросил Чиж вновь.

Мужчина развел руками: сколько можно об одном?

— Мне нечего скрывать от небес, я чист пред Богом и живу по совести. А если вы на счет Бертама, то он сам затеял историю и сам виновен в своей смерти. Леди Флерюзина знатного семейства дочь и совращать ее щенку с рук не могло сойти...

— Да, блин, а?! Граф, мы говорим о необычном, о чем-то, что непонятно даже вам, о новых людях, появившихся внезапно.

— Как вы?

— Как мы!

— Мне нечего сказать. Ну, разве что... пропал мой лекарь. Но опять же, слышал, вернее знаю, его взяли люди графа Локлей, а Теофил всегда был странным.

— Кто? — прищурился Иштван.

— Граф Теофил Локлей.

— Ты знаешь его? — удивился Чиж.

— Слышал. Н-да.

— Граф Озвар, его друг, заверил меня, что лекарь жив-здоров и очень был нужен, поэтому пришлось его украсть. Недоразумение. Иона имеет тяжелый характер, Теофил не лучше...

— Угу, — Николай сообразил, что речь скорей всего о том, кого в аббатстве паковали.
— Вернется, ясно.

— Прощайте, граф, — Иштван выстрелил снотворной ампулой. Мужчина упал и захрапел.

— Зачем?

— Смысл дальше спрашивать. Ничего он не знает. Возвращаемся.

— Постой...

— Коля, Иван прав и это теперь ясно. Стася не появлялась здесь, она пропала по дороге. Пойми это и прими. Точка, брат.

И пошел на выход.

— Постой, этот Теофил — кто он?

— Сталкивались когда-то. Имечко приметное, вот я и запомнил.

— Ты сталкивался?

— Нет! Но отношение к пропаже Стаси он не имеет. Все, Коля, все, — вытолкал его в коридор. — Уходим.

Упрямиться смысла не было и Чиж спустился вниз за Иштван. Прихватив Сван, что без вопросов — по лицам напарников определил — затея была зряшной, мужчины вышли во двор, спустились по стене и сели возле камней.

— База, база... Данил, мы свободны, — процедил Пеши.

— Идите к южной стороне замка. «Зеленка» через семь минут.

— Поняли.

— И что, так и уйдем? — спросил Николай.

— Можем остаться, сплясать и спеть аборигенам, — бросил Сван.

Мужчина потеряно кивнул: ясно.

Ровно через семь минут бойцы вернулись в родной бокс.

— И все-таки, она жива, — протянул Чиж уже в раздевалке. Сван кивнул:

— Возможно.

— Закрыли тему, Коля. Теперь совсем, — бросил Иштван. Ян мялся у шкафчиков, поглядывая настороженно на мужчин:

— Капитан сразу сказал — в параллель ушла.

— Не проверишь — не узнаешь. Мы сделали что могли...

— Спокойнее стало? — уставился на Пеши Чиж.

— Спокойнее — не спокойней, но выше головы не прыгнуть, факт.

— Жизнь продолжается, — заверил Ян.

— Раз сто слышал, — буркнул Чиж.

— А я слышал, еще одного новенького к нам в группу кидают. Пока вас не было, его в комнату Акима поселили. Зовут Борис Синицин...

— Замечательно, — с ехидством бросил Сван, закинув в шкаф ботинки. — Идем?

Завтра в девять сбор на стрельбах. Поспать бы надо, а то спросонья больше восьми очков не наберем, Иван шуметь будет.

— Группа опять полный комплект, — протянул Пеши. — Надо привыкнуть: люди приходят и уходят.

— "Обычная работа", — кивнул Ян.

Что человек без памяти? Белый лист, дитя не ведающий ни себя, ни мира в который прибыл. Именно он напишет на листе его судьбы кистью стереотипов и мировоззрений окружающих, сначала силуэт, потом четкую фигуру личности. А вот краски на палитре судьбы выберет сам человек сообразно зрелости своей души. Ей, едино чувствующей, не нужно знаний физики, схоластики, катехизиса, этики или морали общества, у нее своя мораль. На оголенных чувствах и ощущениях, не оперируя высоким штилем, не давя авторитетом и долгом, душе понятней и ясней то, что ускользает от взора человека, которому к ней не пробиться через заборы и ограды дел и мыслей, бесконечных в суете обыденной жизни.

И память у души есть, но та ли память, что изучается наукой?

Стася смотрела на витраж окна, на виднеющуюся зелень за ним и чудилось ей — там бесконечность, две параллели — зелени земли и голубой ленты неба. Они не воспринимались ею отдельно, как не казалось ей, что она одна. Она, никто еще, без имени и связи с чем бы то не было, белая рубаша с завязкой на манжете из атласной тонкой ленты чайно-розового цвета, край полога с глубоким малиновым оттенком, столик с резными ножками в виде неизвестных Стасе животных, оконная рама, ветерок, земля и небо — все казалось, связано, едино. Чуть шевельнись и, ветер отзовется, пойдет волна по полотну неба и земли, манжет откликнется и столик скрипнет.

Женщина невольно улыбнулась и шевельнула пальцами. Так странно — где-то далеко, как будто даже не она и не сама осознает, что это ее рука, ее пальцы, и не уверена, а те уж знают и откликнулись. И наблюдать за собственной рукой забавно, знакомиться с ней. Все до странности забавно и интересно: что две руки и две ноги, а не пять, ни десять. Что в голове идет какая-то работа мысли, ведется вялый, но диалог с собой, а в комнате покой и тишина и никого не надо. Что, то ли кресло, то ли стул, резьбы искусной улаживает взор, что ветер ласкает щеки, что запахи щекочут ноздри и манят отгадать, кому принадлежат. Но нет, сама загадка манит, а вот отгадывать и лень и не охота. Каждая вещь, каждый предмет будто скрывают что-то, и вроде, нет.

— Здравствуй, — прозвучало тихо, словно пригрезилось. Женщина покосилась на звук — какой-то человек. Вот тоже странно — он рядом, держит ее руку, точно ее, а Стася не заметила его, не чувствовала прикосновения. Губы человека обдали теплом кожу пальцев, те дрогнули, удивляя женщину.

— Как ты себя чувствуешь, мой ангел?

Ангел — звание или название? Предмета, вещи, мира в целом? "Как чувствуешь"? А разве не важнее — что? И что предполагает вопрос? Ответ? Кому, зачем?

Теофил беспокоясь, вглядывался в лицо женщины, в глазах пытаясь прочесть лучше ли ей. Но взгляд был странен: отстранен, умиротворен, наивен и пуст. Вот смесь? Похоже не в себе еще.

— Ты слышишь ли меня?

Молчит и смотрит.

— Дорогая, скажи хоть слово.

Зачем? — чуть удивилась Стася. Такой приятный голос, так гармонично вплетается в шум ветра и листвы за окном.

— Иона! — позвал кого-то. Стася поморщилась — голос мягок, но тон неприятно громкий.

Перед ней появился еще один человек, взгляд с прищуром, глаза пытливы и будто что-то говорят, но что не разобрать. Склонился, всматриваясь, повел перед ее глазами ладонью. Стася с интересом уставилась на извитые дорожки линий, бугорки.

— Как вас зовут?... Какой сегодня день?... Вы слышите меня?...

Станислава внимательно рассматривала руку человека, не понимая и не слыша вопросов.

Ферри заметив интерес к своей руке, убрал ее, навис над женщиной, закрывая обзор собой:

— Вы видите меня?

Стася поморщилась, соображая, зачем спрашивать такое. Какое ему дело и может ли иначе быть?

— Вы понимаете, о чем вас спрашиваю?

Голос мягок и чуть хриловат. Лицо приятное с ямочкой на подбородке. Глаза... них что-то было, пряталось на дне зрачков. Стася насторожилась, отчего-то заволновавшись, покосилась на второго, что показался ей ближе и понятней.

— Я здесь, — качнулся к ней Теофил. — Скажи хоть, что-нибудь, ангел мой, прошу тебя.

Зачем? Да что вам надо? Вы кто?! — зрачки расширились.

— Бесполезно, — отстранился Иона.

— Что это значит? — нахмурился Локлей.

— Ничего. Я предупреждал, выздоровление будет долгим и тяжелым, — нахмурился, подозревая и подвох со стороны больной и настоящую потерю памяти.

— Как вас зовут? — решил проверить. Женщина смотрела и молчала. В ее голове шла работа мысли, но бесполезная.

— Так как же ее зовут? — уставился на графа лекарь.

— Ангел.

— Это не имя.

— Анхель, зову же — Ангел, — сориентировался Локлей.

— Это имя ей дали при рождении? Откуда она родом?

— Вы слишком любопытны, не забывайте! — предостерег нахала граф. Все меньше и меньше ему нравился Иона. В нем было слишком много властности и нечто пугающее, намекающее на отсутствие границ, как для мысли, так и для поступков. К тому же мужчина был слишком уж внимателен к больной и непристойно любопытен. Совал свой нос куда можно и куда нельзя. Не Ангел, Теофил давно бы выгнал его взашей, но та нуждалась в помощи равной чуду, и этот возмутительный Ферри его сотворил — женщина очнулась.

— Вас зовут Анхель? — уставился на нее Иона. Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить, а заодно понять, отчего этот человек так смотрит на нее — он словно сверлит и жжет, давит, упрекает, испытывает.

Кто он такой?

А этот, слева?

А кто она?

Ответов не было.

Глава 15

Жизнь вроде бы налаживалась, но Чижу не давала покоя Стася и кое-что еще, необъяснимое, тревожащее на уровне той самой интуиции, что рассказывала любимая, но о которой сам он не подозревал.

Первый «звонок» прозвучал утром, когда капитан, за завтраком оглядев бойцов, тихонько бросил:

— Еще раз без спроса отлучитесь, напишите рапорты и пойдете работать контролерами воздуха очистки.

Сказал и тут же перевел разговор на тему прививок и стрельб. Насторожившиеся мужчины резво начали соображать, чтобы такое выдать в свою защиту, но подошедшая Лариса спасла положение. Все подумали, что из-за нее Иван перевел разговор и, не заметили, что пауза между угрозой командира и появлением девушки была слишком большой, и мысль о прививках Федорович начал излагать до того, как увидел новенькую. Это показалось Николаю странным.

В мед центре и на стрельбах он думал, складывал и сопоставлял факты, сосредоточившись лишь на том, что никак не складывалось. Наверное, поэтому и получил десятку за стрельбу, дружеский хлопок от капитана по плечу и поздравления от товарищей. Что то же пропустил мимо ушей.

Весь день его мучили догадки и предположения, и вот, он не выдержал. Переснял портрет Ильи Федоровича, висящий на стенде и ушел к себе. Включил подсветку столика и

положил два снимка — его и Стаси.

Что общего меж ними? Почему пропавший трассер из бывших патрульных пропал в палеолите, а Стася бегала в Древнюю Русь. В чем дело? Просто так, совпадение? А может недоверчивость Чижа? Но что-то было здесь и ему казалось — важное, как ниточка ведущая к любимой.

— Чем занимаешься? — вошел Иштван, как всегда забыв постучать. Увидел слайды Ильи и Стаси на столе и выгнул бровь. — Все не успокоишься?

Николай пытливо посмотрел на него:

— Тебе ни кажется все это странным?

— Что именно?

— Все. Меня сегодня просто одолевают вопросы.

— Например.

— Восьмерки — ты и я. Какого черта восьмерок втаскивать, приводить сюда в новое, незнакомое общество, ставить в группу?

— Энергетика.

— Ты веришь в это? — поморщился Николай.

— А ты видно нет, — присел напротив. — Чем вызван скепсис? Ну-ка, выкладывай, что тебе в голову пришло?

— Еще ничего, в том и дело, но чувствую, что не то здесь что-то. Например: почему вытаскивают, но бойцов с последних войн двадцатого столетия?

— Подозреваешь подвох?

— Вроде того.

— С чего вдруг? Факты?

— Не знаю пока, только чувствую.

— Лучше подключи логику, будут ответы. На счет восьмерок с последних войн — ежу понятно, что берут хорошо обученных ребят и не сопливых, с навыками максимально приближенными к работе в условиях серьезных перегрузок. И без особого ссора в голове. А еще боевое оснащение. Ну, вытащи ты восьмерку из Великой Отечественной, что будет? Бред. Психология забитая парт пропагандой, навыки в общении винтовкой. Здорово. Переучивать и адаптировать замучаешься. Тогда давай еще неандертальца с дубинкой притащим или гусара. Чтобы ты не думал, но оптимально приближенные к местной действительности и подходящие по всем параметрам, бойцы именно с опытом работы в горячих точках начиная с середины восьмидесятых нашего столетия и дальше, и то, с Афгана здесь один. Подумай, может все проще — мышление своего времени, когда доверяешь с оглядкой максимум одному в тебе говорит и путает логику с вымыслом привычным тебе, потому спешишь с выводами? Ты забыл, старик, ты в другие времена теперь живешь. В другом мире и в обществе совсем других людей.

— Нет, Иштван, мир и люди не меняются. Поверь, люди не любят меняться и что-то менять и потому их мир останется незыблем. К тому же, как ты можешь судить об этом мире, если по сути ничего не видишь кроме города-пирамиды? Кстати, тоже, почему именно пирамиды? То что мне пыталась объяснить на этот счет Стася убедительным не показалось. А моя недоверчивость... Не было б ее, возможно и я ничего бы не заметил, как вы.

— Что именно мы пропустили?

— Смотри: Стася уходит во время одна не первый раз. Уходит в Древнюю Русь, хотя ее дружок, параллельно брат капитана, пропал в палеолите. Но ходит она в Древнюю Русь и ходит всегда в смену Кристины. А тут уходит во Францию и тут же сбой. Опять же в смену Кристины. Та кладет рапорт полковнику и тут же сдает, что подруга уходила и до этого. Скажи, ты веришь, что никто о том не знал? Капитана оставь — он знал и даже помогал, хоть делал вид, что наоборот, мешает, против. Но с его подачи был кинут миф о любовнике из древности. Ты веришь, что Иван не докладывал наверх о похождениях лейтенанта? Веришь, что Кристина молчала? Что никто, ничего не знал? Я нет. Опять же, как ты объяснишь, что ее сняли с должности на месяц, но в диспетчерской оставили?

— К чему ты клонишь?

— Не знаю пока сам, но хочу разобраться. Первое: я не верю, что меняются люди, меняется система. Второе: не верю, что в фактически военном подразделении настолько лояльные порядки. Третье: не понимаю, зачем вытаскивать нас из нашего времени, чтобы ты мне про физику и энергетику не говорил. Четвертое: мы уходим без разрешения, нас мало пропускают, это после инцидента со Стасей, так еще и знают о нашей самоволке, но! Журят почти как деточек, мол, еще раз и ата-та-та. Пятое: никаких разборок, комиссий, дело с лейтенантом Русановой спущено якобы на тормозах. С какой же радости? Шестое: ты

считаешь, мы ее искали? Могли найти? Седьмое: я почти уверен, что за всем этим, что-то кроется.

— Ничего ты нагородил, — потер затылок Пеши, задумавшись. — Но здесь действительно все по-другому: время, люди, мышление. И то, что ты подвох ищешь тоже понятно — Стася тебе в душу запала.

— Да. Я и не скрывал, не скрываю. На счет остального... Сильные отличия? В чем? Технические средства — все.

— Не скажи.

— Хорошо, приведи пример.

— Ну, как же, — развел руками, приготовившись изложить первое попавшееся на ум, но не смог — нечего. Есть разница... но вроде бы и нет.

— Вот-вот, — поморщился Николай. — Демократия, забота о людях, лояльность и четкое соблюдение определенных рамок морали. Теперь вспомни наше время — не то же ли самое проповедовали? А что скрывалось под лощеными улыбками рекламных политиков?

Мужчины уставились друг на друга:

— На что намек? Куда ты копаешь? — спросил Иштван.

— Никуда, не под кого, я всего лишь хочу вернуть Стасю. И чувствую, что могу это сделать, хоть и с трудом, продираясь и пробираясь через нагромождения красивых лозунгов. А кто-то, уверен, знает прямой и простой путь, но отчего-то им не желает воспользоваться.

— Хочешь сказать, что кому-то было надо, чтобы Стася исчезла? Кому? Да, ну, братишка, бред, — покачал головой.

— Это ты сказал, не я.

— Ерунда.

— Но в голову пришла. А даже мы с тобой, с высоты того отсталого мышления знаем — случайностей не бывает.

— Что-то ты мудришь, ей Богу. Я бы поверил и допустил часть из того, что ты сказал, но в наше время, а здесь люди действительно другие, Чиж, и даже ты со своим скепсисом не можешь это не признать.

— Те, кого мы видим — да. А кого мы видим, Иштван? Среднее звено, как обычно. Но даже в этом звене не без уродов: Аким, раз, те, кто специально переселяются в другой век — два. Местные, в этом времени выросшие. Причем, насколько я помню, профессор в бега тогда рванул, да? Не мальчик с интеллектом ниже плинтуса и моральными качествами грызуна.

— "В семье не без урода".

— Ага. Вопрос: что изменилось? И кстати, на счет семей — где они? Все вокруг правильные — девочки — дамы, мальчики — рыцари, а пар нет. У Стаси и этого Ильи наметилось — Ильи нет, у нас с ней наметилось — ее нет. Причем Иван мне четко сказал: "мне пары в группе не нужны". А ведь он сам к Стасе неровно дышал, но "никаких пар". Ни сам, ни вам.

— Это правильно, пойми. Головой подумай, чтобы было, если б вы с ней мужем и женой зеленку обеспечивать стали? К чертям бы все полетело. Ты за ней смотришь, она за тобой, а на остальное ровно. Не так? Да, так, Коля, так.

— Но и без пары именно так. Что ты, что я, что Иван, да любой из нас за Стасей присматривает.

— Но! — выставил палец мужчина. — На расстоянии, не давая повода оскорбиться ей и поставить себя в неловкое положение. Разница, Коля. Кстати, у вас что, правда, что-то намечалось?

— Наметилось. Уверен, еще немного и мы бы вместе были.

— Вот и ответ тебе. Из всех гипотетических аргументов один реальный факт — твоя обида, горечь, сожаление — как хочешь, назови. Все остальное надуманно.

— Хорошо, тогда зачем говорить: пожалуйста, ребята, ухаживайте, но — "пары не нужны".

— Нормальное, здоровое соперничество. Сопли при женщине, тем более, которая нравится, распускать не станешь, как сопернику повод по самолюбию пройти не дашь.

— Допустим... А дети?

Пеши плечами пожал:

— Причем тут дети?

— Откуда они берутся?

— Ну, занесло тебя. Сам ответишь или подсказать? — усмехнулся.

— Смешно? А ты не думал, что дети из того цитобанка появились, а не естественным путем?

— Чиж, тебе уже объясняли, зачем нужна твоя клетка.

— Мне и там до фига всего объясняли, поверил бы — дураком был.

— Сила привычки все сомнению подвергать?

— А у тебя нет?

— Выветрилась уже... Нет, у меня подозрения были, но по другому поводу. Как мы учились, помнишь? зубрили и выдавали, что в учебнике написано, а иди, проверь, правда, это или нет. Но вызубренное автоматом правдой для нас становилось. Потом, со временем, взрослея, мы понимали — то не так, и это тоже ложь. А здесь говорят, учат — и туда на экскурсию, мол, сами убедитесь, сравните: что было и что есть. Зачем?

— Тоже, вопрос, — согласился Николай.

— Никаких вопросов. Ребенок лично убеждается что так и вот так, а не основывается на слова неизвестного умника написавшего учебник и потому, сомнений не возникает, мысли о лжи естественно отвергаются. Школьник четко знает было вот так, он сам видел. Не на чужом мнении, на своих ощущениях мировоззрение формирует... Но ведь это неплохо. Как ни крути, криминала в том нет.

— Суть не в криминале. Сдается мне, тут нечто иное замешано. Ведь как ребенок мир воспринимает, как базис мышления взрослого закладывается? Через призму стереотипов. А стереотипы ребенку взрослые вкладывают, потому что сами их так же получили. Но где исток? Кто-то изначально должен был их вложить, самым первым. И потом, у нас все теории

и аксиомы подвергались сомнению по мере взросления, а здесь нет, потому что система воспитания другая, заранее, как матрица, программа закладки выработанная.

— Но разве это плохо?

— Я не говорю, что плохо, я говорю, что нечисто здесь что-то. Ну, допустим, здесь, правда, все нормально, мои стереотипы меня подводят, в скепсис скидывают. Но есть масса других вопросов, опять же вернемся к нашим подразделениям — группы зачистки. Зачем они? Туда ни-ни что-то пронести, оставить, оттуда тоже. Но проносят, оставляют. И не одна Стася по времени шаталась, а некоторые вообще там живут, и выйти — легко. Но за тем же профессором патруль высылают, а Стася идет и никто не беспокоится. Военно-научный комплекс, а дисциплина далеко не военная.

— Вывод?

— Кто-то четко распределяет: этот может уйти, а этот нет. Кто-то просчитывает варианты возможных поступков. Знает, кто на что способен.

— Намекаешь на систему в системе?

— Не исключаю. И сдается мне, кому-то на руку все эти походы, возня вокруг всякой ерунды типа ракушек, нас кидают на задания, чтобы не застоялись, видимость процесса создают.

— Ну, это ты дал! Мы людей спасаем.

— Спасаем. Вытаскиваем. Вопрос: а какого черта они там делали? Мальчишки у ацтеков, трассеры в мезозое.

— Идут научные исследования, прогресс движется.

— Возможно, — вздохнул. — Но может это тоже стереотип, через призму которого нас заставляют смотреть и при этом проповедают полную свободу личности? Не думал? Не в ежовой рукавице держат — в бархатной. Но в рукавице.

— Рукавица должна быть, иначе анархия настанет, а это бе-еда-а. К тому же если логике твоей следовать, в детях и взрослых культивируют, да, но посмотри что — лучшие качества. К чему ты копаешь? Что ты хочешь?

— Правды.

— О-о! — рукой махнул. — Правдолюб. Что тебе это даст? Есть резон в некоторых постулатах, сам бы порылся, а в основном не в ту сторону идешь.

— Я в одну иду — к Стасе.

— Кривовата дорожка.

— Другой нет.

— Есть, — прищурился. — Архив. Только будь осторожен. Пока ты тыкаешь в небо, но кто знает, чем оно обернется. Вообще, советую с Иваном поговорить. Я понимаю, ты сейчас в неадеквате, но пойми — нужно дальше жить и свое дело делать. Мы не фигней занимаемся, как ты мог заметить. А если и есть подводные течения, то подумай: какая нам на них разница? Всегда они были — явные, тайные, суть не в них — в нас. Не могли Стасеньку специально скинуть, клянусь. Иван к ней сколько я здесь, столько, как ты, смотрит с пожаром в глазах. Он бы ее в обиду не дал.

— Да? Тогда как ты пункт 3 устава патруля объяснишь?

— Нормальный пункт, как военному тебе он должен быть понятен. Есть дело и оно главное, чем человеческий фактор группы. Ты должен выполнить задание. И когда ставится выбор между тобой, товарищем или выполнением приказа, понятно, что выбираешь выполнение задания. Потому что ты одной жизнью десятки спасаешь. Выбор есть?

— Нет. Поэтому, как бы Иван в сторону Стаси не дышал, но если складывается такая ситуация... ты понял, что он сделает.

— Намек: сделал? Нет, Коля. Я, конечно, его не защищаю, но винить как ты, без ума и разума не советую. Противненько. Я с ним пять лет. С ним, Стасей, Сван — я в них как в себе уверен. Да и нет здесь привычных тебе интриг, если ты еще не заметил. Заподозрил — сходи и поговори как мужчина, а не собирай сплетни и домыслы, основанные на постсоветском мышлении.

— А он мне ответит?

— А ты спрашивал?

Чиж вздохнул, не зная, что делать: вроде прав Иштван, кругом прав, но вроде и он не дурак.

— Черт, не знаю! Может, ты и прав... Я поговорю с Иваном, но после изучения архива.

— Вот это правильная мысль.

— Слушай, все-таки, зачем Стася в Древнюю Русь бегала?

— Выяснили уже. Вполне в ее духе благотворительный фонд организовать. Она года три все с мешками таскалась. У меня была мысль — неспроста крупы вечно берет. За каким они ей? Разговаривал — отмахивалась.

— Вы все отмахивались, а девчонка пропала! — разозлился Чиж.

— А ты что сделал? Мы свои жетоны не давали — ты у нас добротой подработал, загрузил ее, почти «зеленку» дал. Ясно пустой она не пойдет... Да что теперь? — поморщился. — А с Ильей, правда, интересно. Я пришел чуть позже, его не застал, не знал, что и как. Почему Иван молчал, Стася? Сказала бы, проблем бы не было, нет надо было Ивану нам впаривать про любовника, Стасе эту фишку поддерживать. Глупо, не находишь?

— Отчего? Наоборот умно, если учесть, что пары в группе не нужны.

— Ну, не так же!

— Спорно. Слышал: "все средства хороши", похоже, та ситуация. Но знаешь, чтобы не было, а я Стасю найду.

— Один умный? Многих так искали, про многих говорили — найду.

— И что?

— Единицы. Большинство так и остались в неизвестности.

— Стася не тот человек.

— Да нет, — усмехнулся Иштван, лукаво глянув на мужчину. — Ты не тот человек.

— Стася говорила, что будущее в наших руках и если сильно верить — получится.

— Тогда точно вернется. Я, ты, Иван, Сван, Ян — все верят. Выхода у Стаси нет, — рассмеялся. — Пойду, поспорю с каким-нибудь пессимистом на булочку с изюмом, что Русанова вернется.

Коля смущенно улыбнулся: все-таки хорошо когда в вере ты не один, и хоть здесь, хоть там, с тобой рядом твоя группа, верные друзья. И зря он криминал ищет — прав Иштван — менталитет и отсталое мышление подводит.

Пеши же смеялся, но в душе не до смеха было. Не верил он, что Стася вернется. Сколько в патруле служит, за все время может от силы пятерых нашли, домой вернули. Но в свое время сестренка научила его делиться радостью, а боль при себе оставлять. Как завещала, так и сделал, отдавая ей дань.

Стасю нервировал мужчина. Как ни откроет глаза — он рядом.

Кто он? Почему смотрит и смотрит на нее, будто наглядеться не может. Вот бы и ей на себя посмотреть и понять, что же его так привлекает, завораживает просто.

— Вы кто? — не выдержала. Теофил обрадовано улыбнулся — заговорила!

— Твой муж.

Стася нахмурилась: что это значит?

— Меня зовут Теофил, граф Локлей. Тебя Анхель, графиня Локлей.

Иона замер у приоткрытых дверей в спальню: интересный разговор. Пожалуй, стоит послушать его продолжение.

— Теофил?

— Да. Твой муж.

— Муж? — зачем он это повторяет?

— Да.

— И?

— Не помнишь, кто такой муж, кто такая жена? — сообразил мужчина. Присел на край постели перед женщиной, взял руку и поцеловал. — Те, кто вместе и в горе и в радости, кто поклялись перед Господом в верности друг другу, кто любит.

"Любит", «Господь», "клятва" — не складывались и представлялись разрозненными определениями.

— Господь?

— Наш создатель.

— Наш?

— Наш: твой, мой, людей.

— Господь проектировщик, нас собирают поточным методом?

Теофил нахмурился не понимая.

Иона усмехнулся: Стася! Узнаю, родная. Так я и думал — ничего ты не забыла, за нос водишь. Вопрос кого? Его или меня?

— Господь — Высший дух добра и света. Любви.

— Дух? Высокий? Добра. И света, — повторила задумавшись. Ей представился высокий человек неизвестной расы с улыбкой на губах и фонариком в руках. Одно не вписывалось в образ — сборка людей. Да и остальное, казалось курьезным. — Хм. А муж, любовь?

— Я люблю тебя, а ты меня.

— Да? — женщина наморщила лоб и уставилась в потолок, желая удостовериться, что любит. Но на деревянных перекрытиях прояснения в вопросе видно не было.

— Любить — нравиться, тянет, очаровывает, — поцеловал ей нежно пальчики. Стасе понравилось прикосновение теплых губ. Значит, точно любит?

Женщина решила потрогать себя сама, потянулась рукой к руке.

— Осторожно, — попросил граф, накрыл ладонью руку, придерживая. — Ты ранена, попала в неприятности.

Ну, это она еще вчера поняла, так что, не новость.

— В какие неприятности?

— На тебя напала толпа.

— Зачем?

— Трудно объяснить.

— Что тут объяснять? — в спальню медленно, вальяжно вошел еще один мужчина. Стася видела его вчера, запомнила нехороший, испытывающий прищур.

Иона не обратив внимания на недовольство графа, остановился у постели и уставившись на женщину, добавил:

— Стадное чувство. Один сказал «му» — все тут же замычали. Потом подумали: с чего вдруг и зачем.

Усмешка и взгляд Ферри не понравились Локлей, как и его речь.

— Я вас не приглашал, — заметил жестко. — И потрудитесь впредь стучать, это спальня замужней дамы.

— Я лекарь и лишен тем пола на время надобности больной, а значит, мне простительна некоторая бестактность.

— Вас поучить манерам? — граф обернулся и смерил наглеца неприязненным и предупреждающим взглядом.

— Извольте... А даму пусть поднимает ваша знахарка. О, она легко с этим справится, — усмехнулся.

Стася настороженно переводила взгляд с одного мужчины на другого и пыталась понять, чем вызвано соперничество. Мужчины мерились — не господа и слуги.

А что такое господа, и что такое слуги?

Женщина побледнела, пытаясь вспомнить и ужасаясь собственной избирательности в памяти: что-то там есть, чего-то нет. Почему? — ладонью по лицу провела.

— Вы волнуете больную, — тихо процедил Теофил, видя, что ангелу стало нехорошо. Иона перестал перепираться и насмехаться — посерьезнел, изучая лицо Стаси. А та морщилась, глядя перед собой и трогала поджившие ранки на скуле и щеке.

Ферри подошел, провел перед ее глазами ладонью, привлекая внимание к себе:

— Как ваше самочувствие? Вы слышите меня? Мадам?

Женщина уставилась на него, но видела ли — судить он не взялся. Складывалось впечатление, что Станислава не притворяется, а действительно не в себе после травмы.

— Мадам?

Тревога в голосе помогла ей очнуться:

— Что с лицом? — спросила.

— Вас не портят шрамы, — заверил мягко Иона.

— Шрамы?... Рубцы.

— Именно.

— Дорогая моя, лекарь прав — ты все равно прекрасна.

Стася перевела взгляд с Ферри на Локлей, немного удивившись: я печалилась по этому поводу? Или положено переживать? А почему? Из-за чего?

— Гораздо больше меня волнует, что я ничего не помню, — прошептала, при этом думая, что говорит про себя.

— Совсем ничего? — тихо спросил Иона и Стасе почудилось недоверие в голосе, подозрение во взгляде. Кто он такой? — чуть не спросила, но вспомнила — лекарь.

— Ангел мой, ты еще больна, раны свежи, поэтому память тебя подводит. Ей нужно время, чтобы восстановиться, — заверил Теофил. Женщина поверила ему, сжала руку в благодарность и, он опять поцеловал ее ладонь. — Ты поправишься, дай срок.

— Спасибо.

Иона хмуро посмотрел на «голубков».

Заметил бы граф его взгляд — погнал бы тут же вон, если б не убил на месте.

Глава 16

День складывался в день, ночь в ночь. Прошла еще неделя. На смену оптимизму и желанию хоть землю рыть, но что-то делать, чтобы вернуть Стасю, пришло равнодушие.

Чиж сидел на стуле в раздевалке после неслабого спарринга с новеньким — Борисом, измотанный, но не испытывающий ничего, кроме пустоты и апатии и смотрел на товарищей, слушал их разговоры. Все как всегда, как обычно... а Стаси нет.

Как странно и как страшно осознавать, что близкий тебе человек выпал из реальности, фактически погиб и мир то не заметил. Иштван сует жвачку в рот и ухмыляется на подколку Сван. Тот переодевается, кося на Яна, а парень красуется перед Ларисой. Девушка смеется, игриво смотрит на него. Жизнь продолжается и место Стаси занято другой. Может быть, это правильно, но Николаю кажется, что в этом и заключается высшая несправедливость — взять и вычеркнуть живого из списка живых, из памяти, как из группы. Так просто и легко, что даже больно.

Если б еще сердце и душа так же легко с тем, кто с ними сжился расставались.

— Ты чего, Чиж? — заметил его взгляд Сван.

— Ничего, — ответил тихо и лениво. Встал и потопал в душевую.

Иштван и Вадим переглянулись:

— Совсем плох. Надо его вытаскивать, а то совсем от тоски с ума сойдет.

— Уведем вечером к девочкам, пусть сделают массаж. Расслабится и все пройдет.

— Вряд ли, — протянул задумчиво Пеши.

— Тогда остается дожидаться, когда кинут на задание. Там голова сама на место встанет.

Мужчина пожал плечами: возможно... а возможно, нет.

Борис оттер лицо, покосившись на Чижа:

— Уделал ты меня, — улыбнулся смущенно.

Тот шагнул в кабинку, включил воду:

— Наоборот, — и встал под душ.

— Коля, я спросить хотел: чего ты постоянно смурной такой? — облокотился на край огораживающего кабины экрана парень. Чиж покосился на него: какое ему дело? Что за привычка у местных лезть в душу?

— В архив не пускают, — брякнул первое пришедшее на ум, чтобы только отстал.

— Туда только комсостав пускают.

— Это почему? — заинтересовался, развернулся к Борису.

— Не знаю. Заведено так.

— Считаешь нормально?

Парень потер нос, соображая, но так и не понял, что ненормального:

— Почему нет?

— Значит, в пасть к динозаврам лезем вместе, а в архив по отдельности.

— Нет, подожди, если очень надо, я могу тебе пропуск пробить. Я же лейтенант.

— Угу. В смысле — пожалуйста, но со мной.

— Я помешаю? Ты собрался установить пластид под кресло? — улыбнулся Борис. Улыбка у него была по-мальчишески открытая, искренняя и Николай невольно улыбнулся в ответ.

— Нет.

— Тогда в чем дело? — развел руками. — Сегодня же попрошу допуск и идем. Мешать не буду, честно.

— А чем это твоя помощь вызвана? — прищурился Николай.

— Терпеть не могу, когда человек хмурый и печальный ходит. Ясно же, что ему помощь нужна. А тут такая мелочь.

— Обязательно помочь надо?

— Конечно. А зачем еще друзья, товарищи существуют и с чего нас людьми называют?

— Где-то я это уже слышал, — тихо сказал Чиж: Стася ту же идею проповедовала. — "Помочь всегда, помочь везде, и помогать до дней последних донца. Помочь, и никаких гвоздей, вот лозунг мой и солнца".

— Ты поэт? — еще шире заулыбался парень.

— Угу. Маяковский фамилия.

— Не понял — ты же Чижев вроде.

— Для кого как... Вот что, уговорил, помогай — бери пропуск.

— На сегодня или на завтра?

— Лучше на сегодня. У меня тоже лозунг есть: "не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня".

— Ясно, — мотнул головой парень и вышел из душевой.

Стася сделала первые шаги с поддержкой Теофила, дошла до окна и замерла: какая красота! Поля и нивы, островки лесов, холмы и горы.

Франция и Россия. Пройдет какой-то миг и две страны, как в искривленном зеркале повторяют пути друг друга. Одна отрепетировует, вторая сделает постановку. Междоусобицы, борьба за трон, смена династий. Революция...

Стася нахмурилась: откуда эти знания? Что за слова?

— Теофил Локлей погибнет в битве при Мюре не оставив потомства, — прошептала. Граф вздрогнул:

— Когда?

— В четырнадцатом году.

Голос женщины был тих — она смотрела вдаль и складывалось чувство, что она не ведает, что говорит.

— Теофил Локлей типичный представитель знати начала тринадцатого века.

Озабоченный поисками Бога, он всю жизнь будет метаться меж конгрегациями и не находить свою... Как странно, — развернулась к нему, уставилась потемневшими глазами в глаза мужчины. — Кого вы ищите? На что тратите свою жизнь?

— На Бога. Каждый ищет его и это святое.

— Зачем его искать? Он не прячется. Мне непонятно. Вы видите меня, я вас — поищем друг друга? А ваша рука, нога, небо и земля? Это вы их ищите изо день изо дня? Как глупо.

Теофил нахмурился пытаясь понять и принять услышанное. Ангелу он верил, потому что знал — она посланница небес и ей как может никому иному известно все.

— Вы утверждаете что Бог везде?

— Да. Искать его не надо — он не терялся, другое — может что-то потеряли вы?

— Наверное — цель, — растерянно отвернулся, посмотрел на вид за окном.

— Хотите укажу? Не ищите Бога, а покажите его людям.

— Цель благородна, но... как показать, раз сам не видел.

— Себя?

Локлей внимательно посмотрел на женщину: на что намек? Не может быть...

— Бог в нас.

— Да, в каждом. Имя ему благородство, правда, совесть и любовь.

— Тогда мы и творим?

— Конечно. Творим и судим.

Локлей задумался — речь ангела смущала и все же подтверждала его подозрения. Он с той первой встречи ждал и верил, что будет встреча вновь и, ей пристало быть. Не это ли тот знак, что подтверждает истинность слов посланницы?

— И много ли мы можем?

— Ровно столько сколько истинно хотим. Мечтам, воображению нет преграды, их горизонт незрим и до него мы можем все, если верим.

— А если воображение с зернышко и веры мизер?...

— То "стадо Божье" — ищите пастыря. И он вас поведет — куда? Вот это не ко мне — к нему. Быть может в сады Эдема, а может и на плаху — как ему угодно.

И зажмурилась, почувствовав боль в голове, качнулась. Мужчина обнял ее и Стася прижавшись к плечу, призналась:

— Мне плохо, Теофил.

Графа раздирали противоречия. Он был счастлив рядом с ангелом, готов был за нее и на костер и в бой, но... понимал, что поступает дурно обманывая и, тем обманывается сам. Не удержать ее — пришло как озаренье: как не стремись, не думай — чести нет в бесчестье лжи и удержании силой. Но признаться, открыться и сказать — нет сил.

А надо.

— Я должен вам признаться...

Но Стася не слышала — она смотрела на Иону, что появившись, прислонился плечом к стене у дверей, сложил руки на груди, с презрением и укоризной смотрел на женщину.

— Кто он?

Теофил обернулся: опять Ферри подкрадывается словно вор!

— Я точно высеку вас.

— Не грозите, — отмахнулся. — Прошу извинить, что нарушил вашу идиллию, но пришло время проводить больную.

— Он врач? — покосилась женщина на мужчину.

Иона усмехнулся и тут же отвернулся, скрывая насмешку. Граф же пытливо посмотрел на ангела:

— Лекарь.

Стася смутилась:

— Да... лекарь...

— Это вы и хотели сказать, — с ехидством бросил Иона.

— Ферри!

— Что? — развел руками подходя ближе. Стася сильней прижалась к Теофилу — Иона вызывал в ней трепет не то от смущения, не то от опаски. Станный малый. Взгляд тяжел и остр, не смотрит — сверлит и пытается.

Локлей же в радость, что ангел доверчиво к нему прижался, а не вырвался из объятий. Значит, свое признание не стоит продолжать? Оно пусто? Было бы прекрасно. Наверное, он зря затеял рассказывать ей, что к чему — она сама все знает и принимает как есть. Значит ли это, что она к нему пришла? Спустилась с небес ради него.

Я не дам вас в обиду, верьте мне — сумею защитить и понимаю честь доверенную мне, — заверил взглядом.

— Граф — еретик. В Лангедоке это не новинка и мне, признаться, равно на ваши отношения с Богом. Но речь графини? О-о, несколько иное, — с усмешкой протянул Ферри.

— Подслушивали?

— Что вы? Слышал.

— Что именно? Знаете, Ферри я больше не нуждаюсь в вас.

— Вы — да. И не нуждались. Как на счет жены?

— Кто вы такой? — уставилась на него женщина. Граф хмурился, пытаясь оценить опасность лекаря и состояние «жены». Выходило, как не крути, а расставаться рано. Жаль. А он бы вздернул наглеца, не побоявшись гнева Раймунда Тулузского.

— Забавно, — прищурился на Стасю Иона. — Не находите?

— Вы очень странный лекарь, — заметил Теофил.

— Не более, чем вы. Но оставим: мне нужно осмотреть больную.

— Я здорова.

— Уверены? — бровь выгнул.

— Шут, — качнул головой граф.

— Оскорбление вместо благодарности за помощь?

— Ах, вот в чем дело! Вы все еще злитесь, что вас насильно освободили от общества вина и монахов.

— Быть может.

— Как только моя жена поправится совсем, вы сможете продолжить пить.

— Скорей бы. Так вы дадите осмотреть больную?

Граф поднял Стасю на руки и отнес на постель.

— Голова не кружится? — присел на край Иона, внимательно заглядывая в глаза. Палец выставил. — Смотрите сюда, — повел направо, потом налево.

Стася глаза закрыла: в голове поплыл туман и сквозь него, как виденье — светящаяся точка и голос "лейтенант, смотрите сюда"...

— Вы рано встали, — голос Ферри был серьезен, уже без примеси насмешки и яда

желчи. — Совет: лежать и отложить беседы. Кстати, вы вспомнили, как вас зовут?

Стася поморщилась: нет, не помню.

— Анхель, — подсказал Теофил.

— Анхель, — повторила и удивилась. — Анхель?

— Что, имя вам ничего не говорит? — опять усмехнулся лекарь.

Ты явно что-то знаешь. Что? — уставилась на него женщина.

Знаю, но не скажу здесь и сейчас, — ответил взглядом.

— Поспите. Не будем вам мешать.

— Чиж, к капитану, — позвал мужчину Ян. Тот бросил ракетку и уставился на парня:

— Зачем я ему?

— Сходи — узнаешь. Мне не докладывали.

— Ладно.

— Ну, давай, — кивнул ему Дима.

— Партия не закончена.

— Я подожду.

Николай поплелся к командиру, соображая на ходу, к чему Иван его зовет. Задание? Вряд ли. Новости о Стасе?...

Мужчина ускорил шаг. Стукнул в дверь кабинета и ввалился, не дожидаясь разрешения войти. Федорович просматривал файлы. Глянул на вошедшего, кивнул на кресло у стола:

— Садись.

— Есть новости? — сел.

— Новости? — взгляд капитана прошелся по физиономии бойца, пытаясь определить, каких вестей тот ждет. — Нет. Но есть вопрос: зачем тебе в архив.

Николай усмехнулся: та-ак, сдал «молодой». Вот это «помощь»!

— Понятно.

— А мне нет. Что ты там забыл?

— Любопытно. Всем можно — мне нельзя.

— Не крути. Что искать собрался?

Чиж подумал, потер пальцем край столешницы:

— Допустим, данные о себе.

— Ага? — откинулся на спинку кресла капитан. — Теперь понятно. Ответ — нет. Допуска не будет.

— Почему?

— Без комментариев. Свободен.

— Не пойдет, — качнул упрямо головой. — Я все равно найду способ попасть в архив и найду, что от нас скрывают.

— От вас?

— От восьмерок.

— Ага... — капитан откинул файлы и, сцепив замком пальцы, задумчиво уставился на патрульного. — Я всегда вам, восьмеркам, удивлялся. Мазохисты все как один. Обязательно нужно наступить на грабли и получить в лоб, а не даешь, предостерегаешь, становишься чуть ли не врагом. Подозрений сразу масса, обвинения во всякой чуши. Ты не думал, что тебя не пускают туда, молчат, не потому что нечто криминальное скрывают, а потому что не хотят травмировать?

— Я похож на барышню?

— Не обижайся — да. Упрям в своей глупости, как девочка. Заистерить готов, как она же.

— Ну, это ты зря. Истерить не собираюсь, но понять, что я здесь делаю, хочу.

— Вот оно... Н-да-а... Ну, хорошо, нравится ковырять в больном — пожалуйста, — вытащил из ящика стола пластиковую карту — допуск. — Прошу. Два часа на сеанс мазохизма хватит? — крутанул карту по столу к бойцу. Николай поймал и немного растерялся.

— Почему «мазохизма»?

— Потому, — в упор уставился на него капитан. — Думаешь уникален? Герой? Посмертно награжден, конечно, значит герой. Но только ни один не может сказать, что было там на самом деле, знаешь, почему? Потому что ни одного бы из вашей группы не осталось в живых. Вас всех бы положили благодаря тебе.

Николай замер:

— Что за бред?

— Правда. Ты хотел ее знать, я говорю. Потом можешь пойти и проверить. Ты и еще один боец были бы направлены в аул на разведку. Ты, вместо того чтобы тихо снять караульного, выстрелил. Случайность. Мальчишка спрыгнет с крыши. Покурить ребенок утром собрался, пока никто не видит и не может его заругать. Тебя он не видел, а ты среагировал мгновенно и выстрелил. Ребенка нет. Началась перестрелка. Вторым лег твой товарищ, затем все остальные. Вся группа, из которой двое имеют для истории значение. Георгиевич должен стать генералом и спасти одного парня от трибунала. Тот в свою очередь произведет на свет мальчика, который сделает серьезное открытие, благодаря которому в техническом прогрессе произойдет глобальный рывок. Правнук «Хана» — Ханина встанет у истоков объединения наций и федераций. Но для этого ему нужно родиться, правда?

Иван не говорил — давил и Николай чувствовал как клонит голову все ниже. Могло ли такое быть? Могло, и в этом ужас правды.

— Значит, меня?...

— Значит, тебя... убрали, как камень с дороги. Но не скинули, потому что ты оптимален для работы в патруле, и в этом, если хочешь, действительно уникален.

— Всех восьмерок как камень с дороги убирают?

— Большинство.

— Стася знала?

— Стася?... — Федорович вылез из-за стола, пересел на край столешницы перед бойцом. — Может быть. Если архив смотрела и данные проанализировала. Но никогда бы ничего тебе не сказала. Она, как и остальные прекрасно понимала, как было бы тебе больно, узнай ты правду. А вообще, подобной информацией владеет лишь высший комсостав. Надеюсь, ты своей психологической травмой с другими делиться не станешь? — прищурился.

Николай склонил голову, заверяя, потер ежик волос: черт! Сказать бы "быть не может"! Откреститься... Да понимает — могло быть. Случайностей на войне нет числа. Но подставить всю группу?...

— Как же вы со мной на задания ходите? — поморщился.

— Нормально. У меня претензий нет.

— Иштван тоже?...

— Пеши не упрявился и не лез, куда не надо. Надеюсь, ты его «радовать» информацией не станешь.

— Не стану, — кивнул. "Но сказанное проверю".

— Вопросы еще будут?

— На другую тему.

— Давай на другую. Расставим все точки и закроем тему навсегда. Надоели мне твои подозрительные взгляды, Чиж, знал бы ты, как надоели. То, что ты Стасю забыть не можешь и под этим соусом...

— А ты можешь?

Иван отвернулся, ногой качнул и бросил:

— Предполагаю, следующим вопросом будет: знали ли мы, что она уходит? Знали. Контингент подбирается предсказуемый, поэтому ничего из ряда вон не происходит. Станислава была...

— Есть.

— Здесь она «была». Так вот, она была правильной и поэтому никаких «коленцев» от нее не ожидалось. С психологической точки зрения ее самоволки были чем-то вроде самозащиты и спасения.

— А любовник был придуман тобой.

— Да. Она против не была. Удобная для всех версия. Пока тебя не было.

— И вы ее скинули.

— Никто ее не скидывал! — вскочил капитан. — Ты свои гадкие мысли при себе держи. Я понимаю, общество, в котором ты жил, возможно, так и делало, но здесь другие законы Чиж.

— Уверены? — уставился на него пытливо. — А мне так не кажется. Суди сам Иван, твой брат стал женихом Стаси и исчез, у нас с ней что-то стало намечаться — нет ее.

— Илья исчез по другому поводу, — бросил сухо мужчина.

— Оп-па!... Это, по какому «другому»?

— Тебя не касается.

— А Стаси?

— Тем более. Тогда пропала вся группа на переходе домой. Случайность. А какой она бывает, ты уже в курсе, — покосился на него: напомнить про твою «случайность»?

"Допустим" — мотнул головой Николай:

— Скажи честно, ты уверен, что твой брат и почти невестка исчезли по чистому недоразумению?

Федорович отвернулся:

— Есть вещи, о которых нельзя знать никому. Секретный код, слышал?

— Да.

— В эту сторону можно копать, — уставился предостерегающе на мужчину через плечо. — Но не долго. Есть вещи, к которым лучше не приближаться.

Ясно, — кивнул Николай: если под угрозу срыва встает какой-то план или проект, скидывают тех, кто угрожает. Видимо, информация была серьезной и не допустимой к разглашению. Но, каким-то образом попавшей в руки Ильи Федоровича. Или кого-то из его группы. Теперь ребят нет, а Стаси нет, потому что сдуру рванула к этому Илье.

— Представляю, как тебе "весело", — с пониманием покосился на капитана. Тот лишь вздохнул:

— "Сначала дело".

— Угу... У Стаси есть шанс вернуться?

Федорович пожал плечами и махнул рукой, не оборачиваясь:

— Иди. Займись, чем-нибудь.

— Понятно, — протянул поднимаясь. И вышел не прощаясь, с досады хлопнув дверью.

— Что тебе понятно, Чиж? — прошептал Федорович, глядя в окно.

Николай шел в свою комнату с одним желанием — закрыться и побыть одному, никого не видеть и не слышать. Он вспоминал те самые «случайности» связанные с «секретностью», с которыми сталкивался во время службы. Было дело, шли с колонной и знать не знали, что в машине сидит человечек с чемоданчиком. Потом обстрел на территории где противнику делать нечего и быть его не могло — попали под обстрел. И палили преимущественно по машине. "Что за черт"? — озадачились бойцы, притихли. Бой смолк и подъехала другая машина. Какой-то майор вытащил убитого, отстегнул чемодан от руки, забрал себе, спокойно сел и уехал. Колонна пошла дальше. И главное ни у кого не возникло желание задать тот самый вопрос — какого черта?! Корочки у майора были — не больно спросишь, а подумать есть о чем.

Неужели и Стася вляпалась во что-то этакое?

Во что? Что за секреты?

Понятно, отчего Иван отошел, прекратил поиски, хотя прекрасно знает в какое время и, примерно, место ушла Русанова. Но Николай не собирался оставлять все как есть. Пусть кто-то боится, а он пуганный, и точно знает — больше одного раза не умирают.

Противно, все — таки, — поморщился. Не ожидал он от Федоровича подобного и хоть понимал — не принимал.

— Коля, — нагнал его Борис. — Я это, — замялся.

— Архив? — сообразил тот, хмуро глянув: дитя. Мне б твои заботы и печали. — Не парься, — показал кусочек пластика, вытащив из кармана. — Хочешь, подарю?

— Э-э...Зачем?

— Не знаю. Мне точно уже не надо.

— Да? Ты извини, я попросил капитана, а тот уперся, что-то.

— Я с ним только что разговаривал. Все нормально.

— Ну, хорошо, — порадовался Борис.

Отстанешь, вовсе здорово будет, — покосился.

— А чего тогда хмурый?

— Слушай, — развернулся к нему. — Не лезь ко мне... пожалуйста. Доходчиво?

— Грубишь.

— Точно. Есть моменты, когда человеку нужно лишь одно — чтобы его не трогали. Это понятно? Так будь любезен... скройся с глаз.

Мужчина укоризненно глянул на Чижа и, развернувшись, пошел по коридору обратно.

Николай почти достиг своей комнаты, как хронометр выдал зуммер. Всех собирают, новое задание. Чижов развернулся и потопал обратно к кабинету капитана, подумав: еще одна «ненамерянность»? Не сольют ли его, как никак «прикоснулся».

И усмехнулся зло: попробуйте.

Шорох.

Стася открыла глаза — мимо постели к окну лениво прошел Иона. Сел на подоконник, сложив руки на груди и делая вид, что увлечен пейзажем, протянул:

— Граф занят. Дружок явился к нему с визитом. Федерик Озвар. Слышала о таком? — посмотрел, наконец, на женщину. Она села:

— Вы кто?

— Вопрос другим был.

— Брось.

Мужчина усмехнулся, губы изогнулись в улыбке, взгляд стал хитрым:

— Смешно. Ты спрашиваешь меня: кто я. Сваливаешься сюда за какой-то надобностью прямо в толпу дегенератов. Обнимаешься с графом, делаешь вид, что видишь меня первый раз, а он-то, он, действительно муж... и спрашиваешь кто я. Замечательный спектакль. Чей сюжет? Ивана?

— Кто такой Иван?

Ферри прищурился чуть растерявшись — в глазах женщины не было обмана. Она мучительно пыталась вспомнить и понять. Амнезия?

— Ох, Стася. Так он не в курсе? Или пнул тебя сюда одну? Убить его за это мало.

Лицо мужчины было серьезным, взгляд прямым и без иронии. Стася напряглась, не зная, что думать. По всему выходило, она должна знать его... но не знала.

— Вы не могли меня с кем-то спутать?

— Мог, — кивнул, не спуская с нее внимательного взгляда. — Если объяснишь, откуда у тебя татуировка на плече, возьму свои слова обратно и признаюсь, что обознался.

Стася нахмурилась, полезла рукой под рубашку, пытаясь разглядеть татуировку, но повязка не давала это сделать. Мужчина молча наблюдал и бросил:

— Другое плечо.

Женщина глянула, с трудом больной рукой стянув рубаху. Зеленый лабиринт горел на плече. Откуда?

— Понятия не имею.

— Так и думал, — лениво подошел к ней, сел и вдруг обнял, притянул к себе и впился в губы. И Стасю озарило — он был ее любовником! Вот в чем дело!

— И сейчас не вспомнила? — чуть отстранился.

— Мы были любовниками, да? — прошептала. Иона улыбнулся, обвел пальцами овал лица женщины, погладил щеку, губы и головой качнул:

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Ферри рассмеялся, отодвинувшись совсем.

— Интересно, когда тебе надоест валять дурака и ты скажешь, зачем сюда явилась. Я, каюсь, подумал, что ко мне, порадовался даже, но... Вы с графом, словно два голубка, меня же ты совсем не замечаешь. Издеваешься, насмехаешься, может, мстишь? Или проверяешь? А мне больно, девочка. Я, знаешь, даже начал ревновать всерьез.

— Не понимаю вас, Иона.

— "Иона". Илья — что-нибудь тебе говорит?

— Иван?

— Илья! — мужчина качнулся к ней, разозлившись, прижал к себе, впившись взглядом в лицо, в глаза. — Не может быть, что ты меня забыла, что пришла к этому индюку. Не верю.

— Я не понимаю!

Мужчина озабоченно нахмурился:

— Честно?

— Клянусь, я не помню вас, не знаю ни Илью, ни Ивана!

— Тс, — приложил ей палец к губам. — Спокойно, волноваться не надо.

Пальцы мужчины легонько ощупали рубцы на щеке, виске, взгляд в сторону ушел:

— Голова болит?

— Болит.

— Видишь хорошо?

— Временами. Туман, что в голове, что перед глазами. Спать постоянно хочется.

— И слабость?

— Да.

— Посмотри на меня, — попросил. Увидел, что зрачки у женщины разные и помрачнел. Силой уложил ее, погладил по лицу. — Забудь, что я тебе говорил.

— Зачем вы пугаете меня? — чуть не расплакалась Стася.

— Тише. Извини. Я, правда, тебя спугал, всего лишь перепутал с другой. Бывает, извини.

— Бывает... Бывает?

— Да.

— О чем вы, Иона?

Мужчина с тревогой и непониманием уставился на нее:

— Не пугай меня, — попросил тихо, угрожающе. Зрачки женщины расширились от удивления и опаски.

— Вы странный.

— Каким Бог создал.

— Бог?

— Хочешь сказать, что не помнишь, о чем разговаривала с графом два часа назад?

— С Теофилом? — она пыталась вспомнить, но ничего не помнила и с ужасом уставилась на мужчину.

— Только без поспешных выводов, хорошо? — нахмурился тот. — Давай выясним, что ты вообще помнишь. Свое имя?

— А...Анге-е-ель.

— Анхель. Где ты находишься?

Стася неопределенно пожала плечами:

— В комнате.

— Здорово, — заверил. — Какой сейчас год, месяц?

Женщина отвернулась: зачем задавать такие сложные вопросы?

— Понятно. Сколько тебе лет?

Она долго молчала, пытаясь выудить из памяти хоть что-то, но ничего в ней не было, и только голова сильнее заболела:

— Не знаю. Ничего не помню. Знаю, что вас зовут Иона, вы лекарь, графа Локлей. Теофил. Мой муж. Что это — рука и рубашка, — выставила руку. — А там окно и... лето. Лето! Я вспомнила — время года — лето!

Она обрадовалась, словно открыла новую звезду, но Ферри было не до восторгов. Складывалось впечатление, что Стася не играет и состояние ее хуже, чем он мог предположить.

— Прекрасно. Вы правы — лето, — вздохнул. — Теперь вам нужно спать. Спать — понимаете?

— Да, — повернулась на бок. Глаза слипались сами.

Иона укрыл ее и замер, обдумывая, что делать дальше. Идеально — переправить

домой, но... Первое — опасно. Если кто-то видел его, узнал, если Стася ринулась за ним и сказала о том кому-то — она просто не дойдет до дома. Второе: он не хочет отпускать ее. И не отпустит, как не отдаст Локлей.

Но нужно время. Сейчас Стасе нельзя вставать, не то что, куда-то ехать.

— Ничего, я подожду, — заверил ее, спящую. Отошел к окну и головой качнул, оглядывая поля, лес, ров у стен замка. — Франция. Средневековье.

Насмешка, — скривился Ферри, в который раз принимая подобный поворот как злобный оскал тех кукловодов, что придумали все это.

В тяжелые минуты обычно человек вспоминает свою жизнь, Иона вспоминал фрагмент, тот роковой переход, когда возмущенный и злой шагнул на «зеленку» со стойким желанием рассказать все Стасе, фанатке своей работы, потом схватить ее и скрыться где угодно. Но не дошел — его втянуло в какой-то поток и выкинуло в поле, оставив вихревые кольца во ржи. Связи не было, куда он попал, Илья не знал. Оглядывался, шурился на солнце и пытался сообразить, что делать. Потом...

Потом было не до сантиментов, не до воспоминаний — нужно было выжить, устроиться. Наушник не работал, связи не было ни с базой, ни со своей группой — аппаратуру просто заклинило. Он трое суток ждал, когда его хватятся, когда хоть звук услышит в наушнике. Тщетно.

Появись он на людях в форме, со снаряжением, случилось бы как произошло со Стасей. Он не дурак, светиться не стал — свернул шею прохожему монаху, зарыл все в лесу, переодевшись в его балахон, и только тогда двинулся в путь.

Было: одного, такого же потерявшегося, нашли при нем и тот сказал, что все время надеялся, что его найдут, ждал своих и верил, что вернется. Илья не верил и не ждал. Да и кому в голову придет искать его, учитывая, что и сам он не знает, где находится. К тому же глупо надеяться на тех, кто черти в сколько тысяч лет и километров от него и скорей всего сами устроили всей группе трассеров подобный кульбит.

И не надеялся — вычеркнул центр, патруль, знакомых из памяти, начал с нуля.

Он сам, своими руками и умом построил свою новую жизнь, фрагмент к фрагменту, шаг к шагу приближаясь к цели. Вряд ли кто поймет, как это было трудно, не пройди он сам, что прошел Илья. Но к чему вспоминать, как он чуть не умер под копытами какого-то сумасшедшего сеньора, как чуть не стал жертвой чумы, как скитался голодный и холодный, как сбежал от фанатика, увидевшего в нем еретика и самого сатану.

Теперь у него все есть: замок, земли, богатство, покровитель, более опекаемый, чем опекун. В примитивном обществе жизнь примитивна и при достаточной сноровке устроится удачно просто. Получилось и... Иона впал в уныние. Целей больше не было, а те, что предлагались, не стоили ни усилий, ни труда. Махать мечом было не по нему, лечить — избранных, пожалуй, а остальных — не нанимался. Строить? Что?

Здесь рвались лишь к двум вещам: иллюзии в виде служенью Богу, до самозабвения молились миражам, и материи — землям, богатству и статусу сеньора. Отсталость, фанатизм и алчность — три двигателя местного прогресса. Отсталых — глупых — вели на смерть или разоренье, фанатиков почитали как святых, алчных боялись и считались.

Наверное, он погиб бы от скуки, ненависти к себе, этому миру и тем, кто в него Илью отправил, но смерть Иоланты и явление Стаси, словно повернуло время вспять и отодвинуло переполнявшие его эмоции в сторону. Наделило новой целью, пониманьем, что ему нужно для полноты счастья.

Все это время ему не хватало напарника, человека разделяющего его взгляды, умного и понимающего, того, на кого можно полностью положиться. Он знал, что еще пять лет и покой закончится, замок, что достался ему вместе с Иолантой, падет под напором ревнителей веры, поэтому все что мог — обращал в золото и переправлял в более спокойное место. Европа была кипящим котлом, в котором варилась алчность князей церкви и королей, покоя не предвиделось ни в Германии, ни в Венгрии, ни в Италии, ни в других княжествах и королевствах, кроме одного. Взор Ионы был устремлен в далекую Норвегию достаточно удаленную от всех перипетий становления Европы. В Тронхейм, где времена набегов викингов уже миновали и близилось царствование короля Хокона VI, долгий мир и покой под его правлением. А благоденствие же было уже делом рук самих желающих.

Иоланта устраивала Иону здесь, как наследница приличного поместья, но там она бы стала скорей обузой, чем подспорьем. Ограниченная, хрупкая, наивная, не отличающая «а» от «б», она, как камень уже тянула его «вниз» и, не дала не то что, подняться — расправить крылья. Жена все больше раздражала своей плаксивостью и неприспособленностью, нежным воркованьем, заботами о всякой ерунде. С ней не о чем было поговорить, «сю-сю» же надоело до оскомины. Он сам готов был свернуть Иоланте шею, лишь бы смолкла, оставила его в покое и больше не маячила перед ним.

Стася другая, как чувствовала — появилась вовремя.

Но выживет ли? Вот вопрос.

А этот граф, что кружит вокруг как беркут над гнездом и заявляет «жена» — что с ним делать? Кто он и к кому же пришла Станислава? Или опять фортель выкинула временная петля? Бросила ее в то время и место, где сошлись разом те, кому была нужна Русанова?

Иона не спешил — сначала выходить, потом узнать, понять кто, что. А впрочем, он был

спокоен, не допуская всерьез мысли, что граф может помешать ему и Стасе, не думая, что та могла увлечься этим индюком. Тревожило другое: если Стася пришла к нему, то кто-то видно его заметил. Иначе как она узнала, что он здесь? Хотя Стасенька всегда была умницей, возможно даже узнала то же, что и он и не захотела больше служить в патруле, сбежала в первом же рейде и попала на выбор: куда пришлось, куда хотела.

Вопросов было масса, ответы же женщина хранила стойко. "Не помню".

Теофил раздражал своей заботой Иону, но выговаривать, перечить тот не спешил — понять хотел сначала, что к чему. Граф не соперник ему, естественно, другое важно — насколько изменилась Стася.

Чем больше он смотрел на то, как ласков с ней Локлей, тем больше ревновал и меньше верил, что та явилась не к нему. Подобное отношение при всей наивности и романтичности взглядов утонченного сеньора не могли возникнуть на пустом месте. Значит, что-то было? Значит, предала, забыла?

Иона злился то на него, то на себя, то на нее и ждал развязки. Ему хотелось посмотреть в глаза Стаси, поздороваться и посмотреть на реакцию: обрадуется, удивиться, смутиться. Глаза выдадут истину мгновенно. А там и будет ясно, что он предпримет, хотя сейчас уже понятно, что он простит ее, чтоб не случилось. Она нужна ему, насколько сильно он скучал о ней, он понял, только вновь ее увидев.

И вот посмотрел, спросил... и понял, что она по-прежнему ускользает, что действительно — не помнит. Женщина получила амнезию. Глаза пусты, наивны как у дитя, к тому же, она действительно не узнавала ни Теофила, ни Иону, даже если допустить что последний изменился, невозможно было представить, что изменился настолько, что не признать.

К тому же, зрачки не оставляли сомнения — женщина не притворялась. Если гематома — худо. Неизвестно чем дело кончиться, выздоровеет ли вообще. От граф ее забрать, от самой себя — не проблема, но как вырвать из лап смерти здесь, где руки связаны отсутствием элементарного!

Иона поморщился от бессилья и желанья врезать кому-нибудь за то. Покосился на Стасю — спит. И хуже нет осознавать, что может не проснуться.

Что же делать? Ведь он не врач, в конце концов.

И выбрал ожиданье.

Глава 17

— Пропали две девушки. То ли помогли им пропасть, то ли сами решили, — объяснял Иван. — Студентки. Пошли с группой. Обычная лекционная экскурсия. Как пропали — никто не заметил.

— Это как? Испарились? — удивился Борис.

— Здесь и выясним.

— Наверное, отошли по нужде, а там злобные корсары. Хвать молодок и в трюм! — оскалился Сван. Лариса испуганно округлила глаза, Иштван засмеялся, Чиж хмыкнул: ой, балагур.

— До трюмов и корсаров тьма километров и веков. Мы в 531 году до zero. «Германия».

— Если мне память не изменяет, как раз в это время и в этом месте доблестный Марк Клавдий Марцелл устроил покорение инсубрийских галлов. Причем, успешно.

— Добыча была шикарной. Людей в рабство уводили толпами, — согласился Федорович. — Поэтому есть предположение, что девушки попали в беду.

— В полон.

— Ага.

— Здорово. Нам предполагается напасть на колонну и поточить пистолеты о спаты римских легионеров?

— Испугался? — хохотнул Сван. Иштван обшарил взглядом свою экипировку и хитро улыбнулся:

— Пластида хватит, остальное фигня.

— Отставить. Работаем по возможности чисто. Сначала разведка. Одели очки, просмотрели файлы с портретами потерявшихся. Сван, Ян, задание ясно?

— Так точно, — закинул пистолет-автомат на плечо мужчины и хлопнул Пацавичуса по плечу. — Вперед «студент».

— Лариса и Иштван налево, Николай, Борис — направо. Начали прочесывать лес. Расстояние не больше пятисот метров. Движение на юго-восток. Пошли.

Они прошагали два квадрата, не встретив ни единой души и, заскучили.

На стоянке, куда вышли наконец, еще дымились угли и были раскиданы вещи, но не было ни одного живого. Группа приостановилась. Иштван, Борис и Сван прочесывали поселенье, Лариса с ужасом оглядывала побоище. Такого количества мертвых она еще не видела и пребывала в легком шоке. Ян пытался ее успокоить и уверить, что это нормальная обстановка. Но та таращилась на мертвого мужчину с топориком в голове и будто не слышала товарища.

Чиж, щурясь оглядел стоянку, сорвал травинку и, сунув в рот, тихо заметил Ивану:

— Может ну, их, студенток, бросим, как Стасю?

Федоровича перевернуло. Он уставился на бойца и попытался высказаться, но под взглядом Чижа слова застряли в горле, гнев схлынул. Капитан сжал челюсти и отвернулся.

— Дома поговорим.

— Ага. Говорили уже, — бросил лениво и потопал к ребятам, выплюнув травинку под ноги Ивана.

Что он взъелся на командира? А не мог сдержаться, ела его злость и все тут. Понять не мог — как тот спокойно ходит, спит, выполняет задания? Не ужели ничего его не беспокоит? Ну, да, секреты, тайные миссии, но причем тут девчонка? Поговорили бы — она правильная, поняла бы и молчала... Глупо, понятно, и все-таки обидно до злости, Стаську списать из-за какой-то ерунды. Пусть даже совсем не ерунды, но Стасю?! Она же верой — правдой столько лет по этим гребанным временам на благо Федерации! А ее...

— Не переживай, найдем, — бросил ему Сван, по лицу прочитав одно ему понятное.

— Не сомневаюсь, — скривился тот. — Этих найдем.

Борис внимательно посмотрел на него.

— Началось, — сплюнул Иштван. — Слушай, вернемся, сходи к психологу!

— Девочку вон, к психологу отведите, — кивнул на Ларису, которую тошнило у кустов. Сван покосился на нее, потом на мужчин и бросил:

— Хорош собачиться. Не время парни.

— Согласен.

Иштван просто протянул Чижу ладонь. Тот хлопнул по ней, примирясь и, мужчины разошлись искать дальше. Борис постоял обдумывая услышанное и двинулся следом.

— Среди убитых студенток нет, — доложили капитану через десять минут.

Ян подхватил Ларису, сунув ей в руку бутылочку с питьем, и группа двинулась дальше на юг.

Темнело. Патруль шагал по мрачному густому лесу. Маяк к радости бойцов начал подрагивать, намекая, что они приближаются к цели.

Чиж с хмурым видом вышагивал не обращая внимания на препятствия, буреломы распинывал, коряги ломал. Борис шел слева от него и чутко поглядывал, пытаясь в толк взять, какая мошка укусила Чиждова. Иван не выдержал, перехватил его за грудки и прижал к стволу:

— Хватит шуметь.

— Извини, — бросил.

— Послушай, Николай, ты ставишь себя против группы. Придержи эмоции.

— Так точно, — высвободился, пошел дальше и кивнул на женщину, что еле ноги переставляла. — По-моему девочке тяжело в патруле.

Примерно через час в переговорнике слышалось:

— Я их нашел. Можно готовить «зеленку» и уходить.

По унылому голосу Иштвана можно было заключить, что исход задания не благоприятный. Патрульные спешно двинулись к нему.

Пеши сидел у ствола огромной сосны и смотрел на двух молоденьких девушек со стрелами в спинах. Иван присел над ними, проверил пульс на сонной и вздохнув, стянул берет:

— Опоздали.

— Максимум на полчаса, — сказал Иштван. — Каких-то тридцать минут...

Лариса осела у трупов и закачала головой. Минута — и завывала бы, но капитан осек, рявкнув:

— Без истерик!

Та испуганно уставилась на него и беспомощно огляделась, ища сочувствия во взглядах товарищей. Но те на нее не смотрели. Ян связался с базой и докладывал о результатах. Сван и Борис топтались, поглядывая на деревья. Чиж хмуро разглядывал убитых.

— Какие же вы черствые, — прошептала. На нее непонимающе уставились, потом переглянулись меж собой. Иштван хмыкнул и сунул в рот жвачку:

— Мадам, вы попутались отделами. Вам в детский сад нянечкой надо бы.

— Я подумаю, — бросил Иван и со значением посмотрел на Ларису. Все поняли, что на следующее задание пойдут без нее.

Домой возвращались усталые, недовольные. Сдали медикам трупы убитых и ушли в раздевалку. Сели и сидели, переглядываясь. Никто не спешил сдать оружие, переодеться.

— Фигня с группой, — первым решился озвучить проблему Иштван.

— Бывает, — неопределенно повел плечами Борис.

— А ты, знаешь, да? — скривился Сван.

— Нет, но... Не все задания выполнимы.

— Я думала все по-другому, — тихо заметила Лариса.

— Как милая? — криво улыбнулся ей Пеши. — Транспаранты с приветствием в руках аборигенов, крики «ура», запуск воздушных шариков в небо и торт с розовым кремом вместо хлеба, соли?

— Нет, но... так жестоко.

— Это не жестоко, это вовсе никак. Считай прогулялись, — сказал Ян.

— Было хуже, — согласился Чиж. Иштван и Сван, глянув на него, засмеялись:

— Зажигали, н-да-с!

Николай улыбнулся в ответ и начал переодеваться, лениво стянул ботинки.

— Ларочка, ты хорошая девочка, но мне кажется, к такой работе не подходишь. Подумай, может тебе лучше обзавестись мужем и детьми?

— Ребенок будет, я уже заказала.

— Что? — Николай застыл с ботинком в руке. — Мне послышалось? «Заказала»?

— Ты разве не знаешь, откуда здесь дети берутся? — спросил посерьезневший Сван. Пошел к своему шкафчику.

— И как? — закинул ботинок в шкаф Чиж.

— Элементарно. Приходит мадам в центр матери и ребенка, выбирает по приглянувшимся ей параметрам из базы данных реципиента, просматривает, каким будет ребенок внешне, с какими качествами, уровнем здоровья и говорит: добро. Оформляются документы, сдается яйцеклетка и через девять месяцев мамаша забирает дитя.

— Не понял, — растерялся Чиж. — Нормальным способом слабо?

— Зачем? — хмыкнул Иштван. — Здешние дамы берегут свою психику и организм, фигуру. Да и зачем мучиться, выхаживать, когда так легко и просто — пришел, заказал, получил.

— А что плохого? — не поняла Лариса.

— Да нет, детка, все хорошо.

— Так я не понял? — вовсе обалдел Чиж.

— Разве было по-другому? — спросил Борис, открывая свой шкаф.

— Прикинь, "студент", — хмыкнул Пеши. — Было.

— Почему «было» и сейчас иногда сами вынашивают, рожают. Но к чему такие сложности, мне лично не понять, — пожала плечами Лариса.

— А любви не хочется? — прищурился на нее Чиж: откуда же ты такая ранимая и замороженная одновременно. — Семьи?

— Зачем? — плечами пожала. Николай уставился на Иштвана: разбуди меня.

— Она типичная представительница современности, — бросил тот, подтрунивая над Чижевым.

— Да вы что?!... Я думал Стася типичная.

Мужчины переглянулись и отвернулись, не желая вновь ворошить тему Русановой. А Николаю стало вдруг понятно, отчего все от капитана до него так трепетно относились к Станиславе. Она была нетипичной.

— А секс здесь есть?

— По взаимному желанию. Партнерша против — иди в центр, тебе помогут, — хохотнул Сван.

— А в базе данных появиться еще один кандидат в папы. Но малыша ты вряд ли увидишь.

— Как и узнаешь о нем.

— Весело у вас. Но семьи-то есть?

— Есть, конечно. У консервативных и склонных к стабильности личностей.

— И у романтиков.

— Как же вы живете? — не понимал Николай.

— Хорошо, — заверил Борис. — Кому что нравится, тот то и получает.

— Тоска не мучает?

— С чего? — удивилась Лариса.

— Да, мадам, с вами мы точно не сработаемся, — бросил Чиж.

— Суду все ясно, — усмехнулся Иштван.

— Нет, они еще чем-то недовольны! — пожала плечами Лариса. — Грубияны такие, а еще с претензиями! Кому вы нужны, кому интересны? Семья! С такими? Благодарю, пары часов общения хватило!

— Взаимно, — заверили Иштван и Сван хором.

Женщина обернула бедра полотенцем и гордо прошла мимо мужчин в душевую.

— И такие здесь есть, — качнулся к Чижу Сван.

— Здорово, — заверил тот. — Кто следующая?

— Да, старик, с нами ей больше не ходить, одна радость, — с пониманием кивнул Пеши. Борис недоуменно покосился на них: чего взъелись?

— Зря вы, — заметил Ян. — Нормальная девочка. Причем очень умная. Вы сначала поговорите с ней. Ну, чувствительная, нежная, так она женщина. Ей простительно.

— Ум не делает человека счастливым, — заметил вскользь Чиж.

— А что делает? — заинтересовался Борис.

— Возвышение над ним. Чувство сопричастности к чему-то большему, чем ты сейчас, чем ты вообще. Жить для себя и лишь умом — кошмар, который не каждый придумает. Я не завидую таким, их жизнь — ад, мир их — пустота и серость.

— Патрульный она, студент, — не обращая внимания на Чижа, сказал Сван Яну.

— Да что ты меня студентом называешь?!

— Поздно, Студент, тебе идет это прозвище.

— Меня тоже никто не спрашивал — Сван и Сван, а, между прочим, зовут меня Вадим.

— Нет, я помню, брат, — заверил Иштван, закидывая вещи в шкаф.

— Хорошее прозвище, не обидное, — пожал плечами Чиж.

— Чиж тоже.

— А я и не против, — захлопнул шкаф.

Стася резко села, вынырнув из сна, как из воды. Кони неслись в том сне, табун мустангов. Он огибал, покрывая туманом пыли человека. Ни лица, ни имя у него, но он шел к ней, рискуя быть затоптанным. Он прорывался сквозь поток галопирующих коней и приближался медленно, но уверенно.

Кто? К чему?

Женщина тряхнула волосами, потерла виски.

— Тебе плохо? Хочешь пить? — спросили из тени слева.

Стася вздрогнула от неожиданности и непонимающе уставилась на мужчину, что белой туникой своей в первый момент смутил ее и был принят то ли за приведение, то ли за мираж.

— Ты кто?

— Теофил, — подал кубок с настойкой мяты.

— Теофил, — кивнула, вспомнив. — Что ты здесь делаешь?

— Сторожу твой сон.

— Спасибо, — улыбнулась, оглядывая мужчину и примеряя к тому образу во сне. Не он.

— Если боишься темноты, я зажгу свечи.

— Не боюсь. Да и луна довольно ярко светит.

Мужчина присел на край постели и нежно, чуть касаясь, провел по волосам:

— Ангел ничего не боится.

— Ангелам не дано чувство страха.

— Зато дана любовь.

Стася смотрела на приятное лицо мужчины и чувствовала себя скорее матерью ему. Взгляд Теофила выдавал его с головой, открывая самое сокровенное, то, что на душе и сердце. Влюблен и не скрывает, и готов смотреть, смотреть и слушать ее голос словно песню. Влюблен до слепоты, доверчив как щенок. Сердце защемило — ответить нечем, только лишь сохранить нетронутой доверчивую душу, посеять сколько можно света, веры и добра.

— Чего ты ищешь, человек? — прошептала, погладив его ласково по щеке.

Локлей смутился и все же набрался смелости прижать рукой ее ладонь к своей щеке и поцеловать пальчики:

— Тебя искал.

— Нет — ангела. А я не ангел.

— Не правда.

— Каждый верит в то, что хочет, но тем и обманывает себя.

— Возможно, этого и жаждет.

— Ты хочешь быть обманутым? К чему? И без меня достаточно ловкачей, что оболванят в миг.

— Ты Бога видела? Скажи, к какой вере он склоняется? Кто ему милей: христианин, цистерцианец, мусульманин?

Стася улыбнулась:

— Ему милее чести человек.

— А покаяние он принимает?

— Не бойся суда Небесного, бойся Земного. Он более жесток и Бога в нем не ищи.

— Я грешен, ангел мой. Я так хочу покаяться тебе и верю, ты поймешь и не отвернешься от великого грешника, выхлопочешь для меня прощение.

— Грех — всего лишь помрачение рассудка, затмение, как солнца и луны. Но между тем они не грешны. И кается им не в чем. Люби себя, прими каким ты есть, не повторяй ошибок прошлых, осознай их, как опыт, как примеры и в этом будет покаянье. Ведь все, что есть в тебе дано от Бога.

— Ты ангел... Все ли там такие?

— Ты думаешь, я пришла с небес?

— Разве нет?

— Не знаю. Странно — ты называешь себя моим мужем, а между тем, не знаешь, откуда я.

— С небес.

— Из космоса? Там скопление галактик и давным-давно не совершают перелеты, есть переходы...

И смолкла, сообразив, что говорит то, что точно знает, а вот откуда — не помнит.

— У меня амнезия, — прошептала.

— Что такое «амнезия»?

— Потеря памяти. Ужасное состояние. Как скачки в тумане. Запинаешься о каждую кочку, но обойти не можешь, потому что не видишь ее.

— Не беспокойся, я рядом и помогу тебе объехать «кочки». Ложись мой ангел, спи, а я побуду рядом.

— Не хочу спать.

— Надо. Иона сказал, тебе нужно как можно больше отдыхать.

— От чего? Разве я перетрудилась? Иона странный, — легла на бархатную подушку. — Не помню, что он говорил мне, но говорил про что-то непонятное.

— Он лекарь и византиец. Речь его и мне порой кажется не понятной, манеры возмутительными, но надо отдать должное его знаниям, он прекрасно врачует.

— Да, наверное... Из Византии?

— Он приближенный Раймунда Тулузского.

— Ни о чем не говорит.

— Сейчас. Дай время — все встанет на свои места.

Стася помолчала и выдала:

— А ведь ты меня обманываешь.

— О чем ты, ангел мой.

— Ты мне не муж.

Граф заволновался:

— Ты уйдешь? Прости, не знаю, что нашло. Мне показалось так ты останешься со мной. Я совершил непоправимую ошибку?

— Нет. Но больше мне не лги. Для окружающих пусть так и останется, мысль с замужеством удобна.

— Ты простишь меня?

— Постараюсь. Но больше так не делай. Лож отталкивает. Раз поймай на лжи, не будет веры в правде.

— Люди озлоблены, они чуть не убили тебя, приняв за посланницу ада. Я хотел оградить тебя от их ненависти.

— И от любопытства? — Стася улыбнулась.

— От любой опасности для тебя. Мою жену тронуть не посмеют.

— Откуда я?

— С небес, уверен.

Стася задумалась, пытаясь вспомнить свой исток. Не может быть, чтоб дом родной она забыла. Родина в крови, в душе — ее не смыть и не убить, она от рожденья и до смерти с человеком. Даже там, где обитают души, они живут в привычном окружении, напоминающем родные места. Лес и поля, горы и снег, джунгли или тундра... Но ей не вспомнить, близким кажется и то, и это, как будто мир весь — мир ее.

— Как я появилась?

— Не знаю, — граф задумался и, скрипя сердцем, сказал. — Наверное, я должен, хоть чувствую, что тем тебя я потеряю, открыть и остальное. Ты была странно одета. Все сохранено и спрятано от любопытных глаз.

— Покажи.

Как больно. Теофилу показалось, что он совершил ошибку.

— Обещай... Нет, извини. Я не могу держать тебя, ведь ангел — посланник редкий и нам смертным не подвластен. Довелось мне зреть тебя и тем уже я ослеслевлен. Но тяжело довольствоваться малым и хочется... пообещай что не уйдешь. Хотя бы не сейчас, мне нужно время, чтобы смириться с твоим исчезновением.

— Ты хороший человек, граф Локлей, — обняла его Стася. — Придет момент, мы встретимся. Я благодарна тебе и рада, что приобрела такого друга. Не бойся ничего. Идем?

По переходам и лестницам они прошли в одну из башен и, граф из тайника за старым гобеленом достал сундук. В нем лежало то, что родило у Стаси смутные воспоминанья. Она точно знала названия предметов, их назначенье. Куртка, брюки, ботинки, пистолет, аптечка... Аптечка! Вот препарат для прояснения ума, как раз то, что ей надо!

— Я из будущего, — то ли вспомнила, то ли сообразила. Впрыснула суспензатор в мышцу и заметила удивленный взгляд мужчины.

— Это лекарства, — пояснила, но, судя по глазам, граф, о чем речь не понял.

— Мне нужно восстановить память, восстановится.

— Конечно. Ты удержишься?

— Некуда пока возвращаться. Не помню как, куда, кто я. Зачем здесь. Как ты нашел меня?

— Бог вывел. Чернь устроила себе развлечение, решила сжечь тебя, как ведьму.

— Что за ведьма?

— Приспешница Сатаны, злодейка и колдовка мерзкая.

— Я совершила что-то ужасное? — нахмурилась, пытаясь понять за что ее таким названьем наградили.

— Да... ты была одета в это, — кивнул на экипировку.

— И все преступление?

Локлей кивнул с грустной улыбкой.

— Все что непонятно — пугает, и лучше сжечь, забыть, чем искать рациональное объяснение тому и объяснять его черни. Признаться, я тоже был потрясен твоим видом. Нечто жуткое есть в этих одеждах, к тому же женщина в столь откровенном и для мужчин наряде, уже вызов обществу и церкви.

— Разве катары не проповедают терпимость?

— Это иное, — головой качнул. — Говоришь, не помнишь ничего, а речи твоя подобны речи ученого мужа, в них есть осмысленность и здоровое зерно.

— В чем? Кстати, о речи. Я поняла, что ты спас меня от сожжения. Скажи, я что-нибудь тебе сказала?

— Да. "Видно ты очень хотел меня видеть". И это, видит Бог, правда — хотел, как ничего другого.

Стася задумалась:

— И все?

— Все.

Странно: откуда она пришла, к нему ли, зачем?

— Будем надеяться амфисиритрипсин мне поможет...

Амфисиритрипсин?! Откуда это название?!

Глава 18

Утром Иона зашел в спальню и к собственному удивлению застал лишь служанку. Ориетта застилала постель.

— Где госпожа?

— На прогулке.

— На... прогулке?!

Сумасшедшая! Ферри выдуло из спальни. Он скатился с лестницы и помчался искать Стасю, надеясь, что та не успела навредить себе, например, влезть на лошадь и устроить скачки.

Так и есть, ненормальная решила прогуляться с графом на лошади.

— Стойте!! — подлетел, перехватил под уздцы. — Вам нельзя! — уставился на женщину. У той глаза потемнели, а кожа побледнела.

— Илья? — как вдох, как эхо.

Станислава буквально вывалилась из седла к нему на руки, повисла на шее:

— Илюша, любимый!

Тот обрадовался, закружил ее:

— Вспомнила?

Локлей с лица спал, смотрел на них и собственным глазам не верил: ангел и этот хам простолюдин знакомы! «Любимый»? Любовники?! Сомнений нет. Рука рукоять меча сжала, но кого убивать? Ее, его, себя? Граф сник, с тяжестью на сердце и с болью отвергнутого, смотрел на них. А влюбленные кружили по двору, не стесняясь обнимались, болтали, перебивая друг друга.

— Я знала, ты здесь! Мне Иштван сказал!...

— Так ты ко мне?!... Где видел, когда?! Что за Иштван?...

— Илюша!...

— Стася, как ты могла, одна!...

— Я верила, ты найдешься! Ждала, как я ждала тебя!...

— Стаська! Ты вспомнила!

— Да. Да!

— Я думал, ты за нос меня водишь, изображая амнезию!

— Что за ерунда?!

Мужчина, наконец, заметил взгляд Локлей и замер. Женщина обернулась, встретила графом взглядом и потянула Иону за руку к нему.

— Это мой жених. Мы прогуляемся, Теофил. Давно не виделись и много нужно сказать друг другу.

Я оправдываюсь? — чуть удивилась себе Станислава, смутилась.

Теофил лишь руками развел, разрешая взять лошадей. И взгляд отвел: нет сил смотреть на влюбленных. И слова поперек не скажешь, руку не поднимешь. Потому что видно — ангел счастлива. А то, что ему придется уйти с дороги... ну, что ж, планида такова... Но как же хочется что-нибудь предпринять и изменить тем сложившееся!

И крик в душе обиженный, и ярость к Ферри, которого мысленно уже убил!

Но Ангел... Пред ней граф нем и бессилен.

— Никаких конных прогулок, — отрезал Иона и потянул Стасю к воротам.

Они пошли к холмам. Красиво, тихо вокруг и на душе покойно радостно.

— Я так рада! Безумно рада, что ты нашелся. Илья, — к плечу его прижалась.

— Здесь я Иона Ферри, — улыбнулся ей, обнял.

— Лекарь из Византии, — рассмеялась, лукаво покосившись на любимого. — Как в голову пришло?

— Легко. Захочешь жить и мавром назовешься, — усмехнулся. — Рад, что ты все вспомнила, а то я начал ревновать. Ворковали вы с графом как два голубка, и его заявление о том, что ты его жена...

— Перестань. Ревновал? Что за глупость, Илья? Ты же понимаешь, что нас связывает с Теофилом только дружба.

— Я — да, не факт, что и он. Здесь о дружбе мужчины и женщины не слышали.

— Но он же понял правильно. Теофил хороший человек и идея с моим статусом его жены очень удачна.

— Согласен, многих окорачивала. Но что будет сейчас, когда мы на глазах у половины слуг в замке целовались?

— Какая разница теперь? Мы уходим.

— Замечательно, — улыбнулся щедро, обнял крепче Стасю. — Как тебе Норвегия?

— В смысле?

— Норвегия самая спокойная на ближайший период страна. Мы легко и спокойно устроимся на ее земле. Богатства хватит...

— Подожди, — развернулась к нему женщина, ладони на грудь положила и в глаза заглянула: она ослышалась? он не понял? — Мы возвращаемся домой.

Мужчина прищурился: ты всерьез? И отодвинулся, отвернулся:

— Зачем? — голос глух стал, сух.

— Как это "зачем"? — растерялась Стася.

— Как обычно. Когда ты что-то делаешь, ты знаешь зачем. Вот я и спрашиваю — зачем нам возвращаться домой? Продолжить службу в патруле, у трассеров, подставляться. Ради чего? Кого?

Русанова насторожилась:

— Ты не хочешь больше служить? Допустим, но что мешает перейти на другую работу?

— Не хочу в принципе возвращаться, неужели неясно? Меня выкинули как щенка из привычного мира, меня бросили, специально, намеренно — а я полезу в петлю добровольно — вернусь? Благодарю, любимая, но мне и здесь неплохо. Привык. И ты привыкнешь.

— Подожди, хочешь сказать, что тебя подставили?

— Нет, ликвидировали.

— Зачем?

— Чтобы та информация, которую мы узнали, осталась при нас. Нас пятеро шло, помнишь? Кто-нибудь вернулся?

— Бугарин, — прошептала похолодев.

— Капитан? Так и думал, — усмехнулся. Сел на траву, обнял колени. — Трасса предполагалась в Африку 11 500 год. Попали, но не на юг, как планировали, а на север, в Египет. Лента выдала кульбит, как змея на грифах научной документации центра времени и пространства, укусила свой хвост и выбросила в крайнюю точку.

— И что? — присела рядом Стася, начала рвать травинки от волнения.

— Сама как думаешь? — холодно покосился на нее Иона: поглупела? Не желает верить? Нет, женщины в любые времена неизменно эмоциональны и оттого недалеки.

— Пустыни еще не было...

Это к чему? — покосился.

— Не было, а пирамиды уже строили.

— Кто?

— В точку. Наши!

Ферри вскочил и развернулся к женщине:

— Наши, Стася! Вся история — туфта! Там ничего нет — пустота, безлюдность. Все: от начала до конца, величайшая мистификация. И каменный век, и в средние века, и век прогресса — глобальная инсценировка, о которой люди не подозревают. Они как пешки играют свои роли в великом мировом течении времени, разыгрывая на сцене пространства и истории известные нам события. Это все хорошо спланированный и написанный сценарий, ничего больше. В любой момент лента истории могла вильнуть в любую сторону, но ей не дали и не дадут. "Свобода личности и выбора"! Да как же! И я дурак, каким миллионы, миллиарды, верил, «горел» своей благородной службой... кому? Кучке махинаторов, что виртуозно оболванили все человечество. Мы не прокладываем трассы, вы не обеспечиваете путь домой — все проще и циничней — мы все выполняем работу «театра» истории, той, что нам написали. И ты хочешь, чтобы я вернулся, хочешь вернуться? Нет, милая, никуда мы не вернемся, потому что — некуда. Там тупик, который они создали нашими мыслеобразами и ими же его пробивают дорогу вперед, строя будущее по плану. Мы предсказуемы — и оно,

естественно. На том этапе развития, конечно, тяжелей скрывать что-то, пользоваться вслепую, но скрывают, пользуются и смотри как успешно! Но я не марионетка! Больше не хочу строить общее будущее, по тому сценарию, что был положен в основу человечества, я хочу строить свое, независимое ни от кого! Меня скинули? Прекрасно!

— Ты зол, — констатировала потерянно. Сказано не укладывалось в голове, воспринималось наветом, бредом, выдумкой не очень умной. Но к чему Илье придумывать такое?!

— Странно, да?! — взмахнул руками, желчно усмехнувшись. И опустился рядом с женщиной. Они долго молчали, каждый думая о своем и Стася решила прервать тишину, угнетающую обоих:

— Не верю, что ты дезертируешь. По сути, предаешь из-за какой-то ерунды...

— Ерунды?! — возмутился Илья. — Очнись, Русанова! По-твоему, что я сказал ерунда? То, что за человечеством следили изначально, не давая шаг в сторону ступить? В том, что даже численность населения регулируется этими «умниками»? Да, милая, скрупулезный расчет таянья снегов в Антарктике. В каждый пласт заложен определенный вирус, той модификации, которая на момент его проникновения в организм человека не имеет барьера. Организм не имеет иммунитета, потому что не подозревал в принципе о наличии подобного штамма. А НЛО, тарелочки, массовая шизофрения иезуитов, свечение, круги на полях, да Бог мой, сколько всяких игрушек придумали человеку, чтобы он только был чем-то занят и не обращал внимания на главное. Нас развели, как детей.

— Во-первых, я не понимаю, зачем это делать, поэтому поверить не могу. Во-вторых... Даже если правда, ты не думал, что может быть, на то были серьезные причины? — спросила тихо.

— Какие?! Нет оправдания подобной мистификации.

— Это повод сидеть здесь, изображать лекаря из Византии?

— Это повод начать новую жизнь, свою. Мы уедем и будем жить как мы хотим, строить будущее наше, а не чужое, общее.

Женщина загрустила. Ее не сказанное Ильей взволновало, расстроило — его реакция, стойкое не желание вернуться домой. Трусость и предательство, вот как это называлось, но сказать открыто, в лицо, тому, кого любишь это трудно. Так хочется найти оправдание, думать, что это всего лишь затмение разума, эмоции, нервный срыв или травма, но не суть, характер.

— Неужели не скучаешь?

— Нет, — глянул на нее: что за народ, женщины? — Шея тоскующая об удавке... Забавно. Сама-то понимаешь, что говоришь?

— Ты выдумал неизвестно что.

— Я говорю о фактах. Факт, что нас всех обманывают. Факт, что нашу группу скинули как пылинку с плеча. Факт, что я пытался жить здесь и жил, и буду. Хорошо устроится в любое время можно, если ума хватает и ловкости. Этого пока достаточно. Держись меня, не пропадешь.

И кто слеп из нас: я — что тебя, сколько знала, но так и не разглядела, или ты, испугавшийся, озлобленный, придумавший себе причину удобно устроится подальше от риска и опасностей? — думала Стася, поглядывая на мужчину. Ей было грустно. На душе противно и уныло. Переубеждать ей отчего-то не хотелось, как говорить вообще, и даже видеть Илью. К кому она рвалась, кого ждала, кого искала?

— Ты изменился.

— Только не нужно обвинять меня в том, что тебе привиделось или показалось. Я, каким был, таким остался, и смотрю на вещи здраво, а не летаю в облаках. Ты идеалистка.

— Допустим. Но речь о возвращении домой. Если у тебя есть подозрения, честно будет вернуться, сказать о них и попросить ответ, прояснить ситуацию.

— Кто тебя пустил обратно? — скривился Илья. — Ты меня удивляешь, серьезно головой повредилась, чушь такую говоришь.

— Почему?

— Да потому! О, женщины!... Ты говорила, куда пошла, зачем?

— Кристина знала.

— Кто это?

— Диспетчер.

— Вот и ответ, какого черта ты оказалась в толпе аборигенов! И она еще спрашивает меня, почему! И вернуться хочет! Ага! Наивная ты Стася. Глаза открой и посмотри на факты. Да тебя скинули, как и меня! Вернешься — выкинут из центра, спишут или на задании оставят, в какой-нибудь еще худшей, чем эта ситуации. Оставят вон, в мезозое, а на стенд повесят фото — "пропала без вести". Нет, ни ты, ни я домой не вернемся, поедem в Норвегию. Это решено. Я достаточно скопил, не сиднем сидел, знаешь. Заживем, как короли.

Стася поморщилась, до того ей стало вдруг противно Ильи, его речей и даже вида.

— Я... не останусь, — решила.

Мужчина уставился на нее пытливо:

— Решила поиграть в правильную, честную самоубийцу? Нравится под чужую дудочку плясать?

— Я не верю, что кто-то просто так или от нечего делать устроил то, что ты мне рассказал. Я вообще не верю в предъявленный вариант.

— Значит, я лгу? Хорошо. Допустим. Смысл?

— Не знаю, — вздохнула: смысла, правда, нет.

— Возмутительно, да? Поэтому будем упираться всеми четырьмя конечностями и всеми мозговыми извилинами, только не примем факты. Знакомо. Я здесь за пять лет на такое насмотрелся.

— Задумано слишком масштабно, чтобы никто ничего не знал, не подозревал.

— Уверен, знают. Наш Симоненко, наверняка. И ваш, Казаков, скорей всего.

— Иван?

Илья неопределенно повел плечами:

— Не исключаю.

— Даже так... Но любому действию, поступку должно быть объяснение. Если открывшееся тебе настолько возмутил, нельзя все оставлять на пол дороги, покричать и сбежать!

— Намекаешь на трусость, дезертирство? — удивился мужчина, испытывающее глянул на женщину. — Не ожидал... Хочу напомнить, я не сбежал, меня выкинули.

— Вы далеко ходили, трасса не отлажена, мог произойти сбой.

— Ага, и всю группу раскидало? — скривился, с сарказмом глянув на Стасю. — Фантазерка наивная.

— Хорошо, что мешает вернуться сейчас и выяснить?

— Пустяк: желанья нет ни впрягаться в это, не мараться, ни подставляться. Я пять лет здесь. Пять! Меня благодетели типа Локлей не подбирали, самому пришлось вгрызаться, как-то жить. Я сам, сам! Получил, что мне надо, с трудом добился стабильности, достатка, наладил связи, спланировал свою жизнь и ломать ее ради... ради чего? Чтобы услышать пустые фразы, фальшивые отчеты увидеть в лучшем случае, а в худшем, оказаться в начале времен... невзначай! Я похож на идиота?

— Ты все за всех решил? Ошибиться не боишься?

— Нет. Ты можешь впадать в сентиментальность, по наивности своей любить и уважать всех кого не лень, воображать, что тебе угодно, но мы не вернемся домой. Мы едем в Норвегию.

Стася молчала, глядя перед собой. Печально, грустно. К кому шла она, зачем?

— А ведь ты не ждал меня.

— Я никого не ждал, я жил. Желаете осудить меня за это? Пожалуйста. Но тогда и я хочу напомнить тебе о том «индюке», что наверняка сидит сейчас в своем замке и тупо накачивается вином. С горя. "Любовь прошла, завяли помидоры". Хорошая тема, кстати, для пьянства. Потом побуянить можно. Что у вас с ним было? А ведь было, просто так мужчина кренделя такие не выписывает.

— Обвиняешь? — прищурилась, оглядывая Илью: он ли это?

— Как и ты.

— Понятно, счет: один-один. Не противно?

— С чего вдруг? Тебе же ничего меня в трусости обвинять. А как я здесь жил, как вообще выжил, смотрю, ни грамма не волнует.

— А тебя? Как твой брат там, ребята, что нового? Спросить, как я жила без тебя не хочешь? Может еще какие счета предъявишь?

— Малыш, я не хочу ссориться, и готов простить тебя, если кто-то утешал тебя, пока мы были врозь, — попытался обнять ее за плечи, но Стася отстранилась — ей вдруг отчетливо стало ясно, что перед ней не Илья — Иона, абсолютно чужой человек.

— Началось, — усмехнулся. — Ну, подуйся. Или иди вон, опять по обнимайся с индю...

— Он не индюк! — отрезала. — Теофил прекрасный человек.

— Даже так? — прищурился. — Меняешь сходу? Может, правда, замуж за него выйдешь, а я у вас лекарем служить буду. Потом дружно ляжем под мечами крестоносцев Монфора. Аллилуйя.

— Аминь, — кивнула. Встала и пошла в замок.

— Ты куда? Стася!

— Хочу обдумать твоё предложение стать графиней Локлей.

Иона упер кулаки в бока, хмуро глядя вслед Станиславе и чуть не сплюнул в сердцах: поговорили! На что, спрашивается, обиделась?

Ну, ничего, час, два — обиды с обидками схлынут, переварит услышанное и поймет: он прав. И будет, как он хотел. Стася умница, вместе они не пропадут.

Стасе словно в душу плюнули. Одна б осталась — завывала. А по кому, чему?

Женщина пошла искать графа и нашла в зале на первом этаже. Он сидел и, как

предсказывал Илья, пил. Кувшин вина, один кубок на весь длинный пустой стол.

Стася села напротив и сложив руки на столе, уставилась на графа. Тот замер с кубком у рта, смутился, неловко поставил посудину.

— Плохо? — спросила. Голос тих и уныл. Локлей смутился, почувствовал себя виноватым сначала, потом внимательней на Стасю посмотрел и понял — а его беда-то не беда. Женщина не на ангела, на призрак походила. Взгляд отрешенный и пустой, лицо такое, словно потерялась. Видно общение с Ионой на пользу ей не пошло.

— Он оскорбил вас, огорчил? Я могу чем-то помочь?

Русанова минут пять молчала, а граф все терпеливо ждал и вот, дождался:

— Не пей больше... И не ввязывайся в схватку при Мюре... Хотя, не слушай меня. Все равно ввяжешься, я знаю. Сама бы так поступила... Лучше женись и заведи детей, как можно больше и скорей. Ты хороший человек, граф, таких должно быть много.

— Иона, ваш жених, обидел вас? — осмелился повторить вопрос, по-своему истолковав ее слова.

— Иона мне не жених. Я любила Илью, а его нет.

И смолкла, уставилась в стол. Ей вспомнилось, как она переживала, когда он пропал, как сердце болело и слезы сами рвались наружу день за днем. Как вопреки всему и вся заставляла себя верить, что он найдется, вернется. Как искала втихаря, когда уже его забыли. Как однажды поняла, что тратит время зря и не так его нужно использовать. И стала помогать хоть чем-то, как-то, пристраивать, прикармливать детей насколько можно было тем не вмешиваясь в события. Пусть одному, пусть десяти, но когда исчезнешь как Илья, подумается, что не зря жила, не просто так по времени бродила и тратила его на благо, ту веру, что в себе порой еле теплилась, в других рождала и силы черпала жить дальше.

Нерастраченное щедро раздавала и не жалеет. А Илью жаль. Нет его. И был ли, сквозь толщу лет уже не разглядеть. Возможно, лишь привиделся, придумался, и некого за то винить. Порой и день меняет человека, ночь мир окрашивает в другой тон, а новый день смывает предыдущий. Не на кого сетовать. Разумная система, в которой трудно жить человеку, но человечеству легче выстоять.

Нет, она не рассердилась, не возмутилась рассказу Ионы, и даже приняла его как одну из возможных версий, но точно знала — даже если так, причины веские на то. Возможно и ее "сожгут, скинут", но что один в разрезе вековом в массе миллиардов жизней? Не велика цена один за миллиард.

Стася пододвинула кувшин к себе, хлебнула кислого вина прямо из горла и, уставившись на Теофила, повторила:

— Женись и заведи детей. Успей их научить любить и верить, по совести жить своей, а не чужой, которой порой вовсе нет, мираж один, обманка. Ну, вроде попрощалась... Пошла, — и хлопнув ладонями по столу встала. Локлей нахмурился:

— Уходишь?

— Да. Иону гони в шею. Руки не марай, но здесь не оставляй.

И двинулась из зала. Граф рванул за ней:

— Как?... Подожди!... Мой ангел!...

— Тс! — развернувшись к нему, палец к губам приложила, погладила, прощаясь, по щеке. — Спасибо тебе.

— Останься!...

— Нет. Нельзя мне. Не могу.

Больно.

Взять и порвать, вычеркнуть разом — тяжелей и легче. Нужно лишь суметь и сделать первый шаг, а затяни агонию, она тебя проглотит, утянет в бездну больных эмоций, самоедства, упреков, собственной вины, всего того, что можно избежать, если не дать им разрастись, пресечь в зачатке. Да, больно, горько, жутко, как по живому да ножом. Но месяц, два, пусть год — и боль затихнет. Конечно, если понимаешь, что выхода иного нет. А его нет и быть не может, потому что будущего у нее с Ионой нет. Они чужие, разные настолько, что говорили, словно на двух разных языках. Вот жизнь! Пять лет потратить ожидая... разговора, что уложился в пять минут.

Забавно, — улыбнулась горько.

— Прости, но мне пора идти.

Развернулась, и юбки приподняв, двинулась вверх по лестнице, в башню, ступая медленно и тяжело, как будто шла по углям.

— Иона... Если он тебя обидел!...

— Он сам себя обидел, — кинула через плечо.

Теофил растерянно смотрел ей вслед и все понять пытался, что случилось. А в то, что сейчас, сегодня, она исчезнет насовсем, поверить не мог, он мысль об этом допустить боялся.

— Станс!! — закричал и только слуга нос высунул из дверей, бросил. — Иону Ферри гнать в шею!! Сейчас же!

И поспешил за Стасей.

Русанова вытащила сундук из тайника, надела брюки, майку, жетон на шею нацепила и выставила куртку — лоскуты. Смысл одевать?

Теофил увидев это замер у дверей — пронзило его, как молнией:

— Все-таки уходишь?

— Да, граф, загостилась, — кивнула, отложила куртку и взялась за ботинки. — Как подумаю — домой и, легче. Значит, правильно решила.

— Из-за Ионы? Что он тебе?!

— Ничто, ты прав.

— Ты на него обиделась, из-за него расстроилась? Он грубиян, простолюдин, что хочешь? К тому же, не в себе, жену похоронил...

— Жену?

— Да, дальнюю родственницу графа Тулузского...

Стася замерла, задумалась и улыбнулась: уникальная ты, дура, Русанова! И засмеялась: молодец, Илья, уверена, не пропадешь. Удачи!

Натянула ботинки, застегнула: ну вот и все. Последняя точка поставлена.

Вдела наушник и включила рацию в часах.

— База. База я пять дробь шесть, нужна «зеленка».

И покосилась на расстроенного Теофила, что не разделял ее веселья, не понимал его причину и видно готов был удержать ее силой, но не смел.

— Идите граф, — подошла к нему. — Здесь расстанемся, довольно мучиться, я и так слишком загостилась. Что ж вам подарить?... — огляделась и сорвала с куртки эмблему. — Вот, — вложила в руку. — Придет время, когда на изображении лабиринтов будут ломать головы, а вы оставьте это своим наследникам и передайте, что лабиринт всего лишь время, в котором рождаются и умирают люди, скитаются, сходятся, расходятся, идут от периферии к центру по спирали — взрослеют, зреют их души, и ищут вечно непонятно что: то ли выход из тупиков и лабиринта собственных иллюзий, то ли власти над самим временем. Кому-то удастся, они и умирая переживают века, тысячелетия. Как жил такая память после смерти, — поцеловала его в щеку, погладила, прощаясь по груди. — Спасибо вам и будьте счастливы.

Жаль, что нельзя его с собой забрать. Должны же жить в истории не только Ионы, но и Теофилы? Иначе, зачем все?

— Я люблю тебя! Если б ты осталась, ты бы уверились в том, оттозвалась...

Женщина поморщилась:

— Благодарю покорно. Не до любви мне, граф. Работа ждет.

И резко вытолкала мужчину за дверь, прикрыла, заблокировав какой-то палкой. Теофил закричал, начал биться, но Стася заставила себя не обращать внимания, отошла к окну и повторила:

— База! Пять дробь шесть на связи. Домой хочу, ребята. Дайте «зеленку» патрульной.

Патруль обедал. Чиж хмуро жевал отбивное, поглядывая по сторонам. Ян расстроено ковырял тефтель — еще бы, Ларису отправили в отряд охраны периметра и страсть парня не получила продолжения.

— "Ромео"? — уставился на него Сван. — Не скучай, придет новая «Джульетта».

— Ага. Начальство позаботится, — подтвердил Иштван. — Правда, командир?

Иван тяжело глянул на него и опять уткнулся в тарелку с супом.

— Смотрю, сегодня все не в духе, — бросил Ян.

— На стрельбах погоняли, будь здоров, — согласился Борис.

— Нормально, — вставил Чиж.

— Кто «за» устроить вечером с «синими» соревнования? — внес предложение Пеши.

— В чем соревноваться будем?

— Любой вид спортивной игры.

— Вы сегодня еле ползаете, — глянул на него капитан.

— Не выспались.

— Значит, отбой в девять вечера.

— Суров, — с сарказмом бросил Сван.

— А может, ну их, соревнования, к девчонкам из отдела диспетчерской службы сходим? — выдвинул свое предложение Борис.

— Фи — «девчонки». Девушки! — поправил Пеши.

— У меня лучше план на вечер, — хмуро заметил Федорович. — В восемь собираемся в гостиной и дружно изучаем устав патрульной службы. В девять отбой.

Мужчины не успели возразить — на свободный стул опустился Сиртакис и, сложив руки на столе, оглядел группу:

— Приятного аппетита.

Бойцы дружно уставились на него.

— Чего? — буркнул Иван.

— Да я-то ничего, а вы, говорят, кого-то потеряли. Диспетчерская служба на головах стоит, а им в ухо бьется: "база, пятерка дробь шесть ждет «зеленку» домой". Кто там у вас шестой?

Пропел и улыбнулся, увидев, как вытянулись лица мужчин. У Ивана ложка выпала из руки:

— Стася?

Секунда и весь состав пятой группы сорвался с места и галопом помчался в центр, сбивая на ходу стулья, пришедших пообедать бойцов. Чиж несясь впереди, Борис позади, хоть не знал что к чему, кого и чего, но в удовольствии побегать за компанию себе не отказал.

Станиславу не худо смяло при переходе. Она лежала на полу, тупо глядя в дымок идущий по потолку, на сектора отсчета, вспыхивающие один за другим, пыталась понять: дома она или нет. А в голове звон и туман, словно опять через толпу метателей прошла.

— Бывает, — прохрипела, подбадривая сама себя. Незалеченные раны дружно ныли, намекая, что она погорячилась, поторопившись домой. Ерунда, переживет и это. Главное — вернулась.

"Зеленые" толпой влетели в центр и, отеснив врачей, прорвались в коридор к боксу, даже не заметив, что им преграждали путь диспетчера. Иван выставил руки, успокаивая капитана:

— Мы на минутку!

— Ну, вы пятые, даете, — вздохнул тот, отмахиваясь: идите, чего уж, все равно прорвались.

Как только открылись двери, в бокс ввалился Чиж и подхватил Стасю на руки:

— Я знал, что ты вернешься, знал!! — выкрикнул не сдержав эмоций.

Та улыбнулась: милый Чиж. Какое все же счастье знать, что по одному предателю многообразие людской породы не измеришь и есть все то, что он так страстно отвергал.

— Ты от динозавров что ли? — полюбопытствовал Иштван, намекая на потрепанный вид, грязную, в кровавых пятнах майку и куртку, что поднял с пола. — Ну, погуляла сестренка!

— От души, — заверила, любуясь родными лицами. Вздохнула. — Если бы вы знали, как я вас рада видеть.

— И мы! — заверили хором Чижев и Пеша.

— Где же тебя носило, Стася? — заглянул ей в лицо Сван.

— Да отойдите вы! — потребовал Чиж, протискиваясь к выходу. — Видите ей нехорошо!

— Ладно, ладно, — развел тот руками, уступая дорогу. И крикнул в спину. — Стася, вечером жди! С нас апельсины!

— Братя, — хрюкнула женщина, не сдержав смеха. Как здорово, что хоть здесь ничего и никто не изменился. Тоска из сердца и души отступила, освобождая место глубокой радости и свету веры в лучшее, что не погасло, не погаснет в людях искра чести и благородства, верности, любви. — «Зеленые» вы неповторимы.

Мужчины приняли ее слова за бред.

Чиж осторожно положил ее на каталку и был оттеснен медиками. Доктор уже воевал с капитаном, громко и немного истерично вещая, где их подразделение у него сидит.

— Суэта, — улыбнулся Стасе Николай.

— Здорово — все, как обычно. Это и здорово, — улыбнулась.

— Я позже подойду... Ты вообще, как?

— Жива, — улыбнулась.

— Это главное! — заверил Ян. Его отпихнули, каталку резво повезли на выход.

Мужчины двинулись за ней, помахивая Стасе руками, посмеиваясь в эйфории от того, что сестренка нашлась. Эскорт сопровождал ее до дверей мед центра и был остановлен. Дежурный грохнул перед ними дверями, перекрывая доступ за лейтенантом.

— Э! — возмутился Чиж. — Мы же свои, мы проведать...

— Через час, — отрезал доктор и заблокировал замок.

— Ну и черт с тобой! — махнул рукой Сван, повиснув на плече Иштвана.

— Но через час придем!! — заблажил тот в закрытые двери.

Патруль вскинул ладони, как по команде и дружно хлопнул:

— Нашлась!!

— Я говорил? Я говорил!! — не мог прийти в себя от радости Николай и тыкал в грудь Ивана пальцем. Тот с улыбкой посматривал на него сверху вниз и чинно кивал, а потом вдруг рыкнул:

— Но как же ты меня этим достал!

Чиж засмеялся, отворачиваясь. Ян с улыбкой поглядывал на них.

— "Ромео" все же быть тебе "Студентом", — постановил Сван.

— Это почему? — озадачился тот.

— Так «Джувьетта» интерфейс сменила, — фыркнул Пеши, покосившись на Чижова.

— Для другого росла, — подмигнул парню Сван.

— А-а...

— Это кто сказал? — качнулся к нему Иван.

— Природа!

К Стасе допустили лишь через сутки. Первым увиделся с ней Иван. Бухнул на столик пакет с апельсинами и, пристально оглядев смущенно улыбающуюся женщину, спросил:

— Ну, что "лягушка-путешественница", помяли аборигены?

— Ерунда.

— Ага. Как с доктором поговорил, так сразу и подумал. А через час мне к Казакову с докладом — будем думать уже о другом. Тема ясна?

— Ваня, давай остановимся на выговоре, а?

— Шутишь? Ты так показательно свинтила в самоволку, что путь один теперь у тебя — на гражданку.

— Не-ет.

— Чего это "не-ет"? — передразнил невольно улыбнувшись. Рад был видеть Русанову.

— Иван, ты же знаешь, мне без патруля никак. И потом я очень, очень хороший специалист, а нового пока натаскаешь — океан времени пройдет. Стоит ли из-за недоразумения списывать? Заметь, у меня ни одного нарекания за время службы.

— Ну, самоволки выше головы на все про все хватит.

— Ва-ань? Не жалко тебе меня?

— А что это такое? — улыбнулся шире: хитра лиса!

— Если ты позволишь меня списать, мы с тобой больше не увидимся, — протянула. — Без любимой работы я затоскую, получу проблемы психо-физического плана, пущу свою жизнь под откос и перестану приносить пользу как обществу так и себе. И всему виной будешь ты.

— Шантаж, да? — хмыкнул. — Только виновен не я, а ты со своими женскими заворотами. Чего ты за призраком побежала? Почему мне не сказала?... Нашла?

— Дипломат из тебя никакой, — хохотнула Стася. — Прямо спроси: как там Илья? Илья ли?

— Ну, спрашиваю.

— Отвечаю: не Илья, — солгала смело. — И констатирую, готова подписаться: бег за призраком закончен.

— Честно?

— Честно.

— Не знаю, не знаю... Смотря как вести себя будешь, как полковник к твоей персоне отнесется.

— А ты постарайся, чтобы лояльно отнесся, — хитро глянула на него.

— Угу?

— Ага. Реально посмотри на вещи: списывать меня глупо, ничего криминального я не совершила, а что сорвалась, ты уже объяснил — "женский заворот". Бывает хуже, но не со мной.

— Н-да... Знаешь, Стася, у меня даже слов нет, парировать подобную наглость. Опять

накуролесила и за мою спину.

— Широка она и монументальна, — мурлыкнула довольна, уверенная, Федорович постарается, сделает все, чтобы она в группе осталась.

Мужчина вздохнул и нехотя кивнул:

— Ладно, шантажистка, попытаюсь. Но! Смотри, до первого предупреждения. И еще, Стася, Чиж.

— Он-то причем?

— Как тебе сказать? Всю психику мне из-за тебя расшатал. Подкосила ты парня, мать. В группе должно быть здоровое соперничество, чтобы частное не мешало общему, а здесь выходит, претендент один, всех отодвинул горячий и лихой. Что делать будешь?

— Ничего.

— Значит ты к нему ровно? — уточнил пытливо в глаза заглядывая.

— Спи спокойно командир, я теперь ко всем ровно.

— Что так?

— Выйду, в строй встану — поговорим, — сказала серьезно. Иван задумался: не иначе есть, что Стасе ему сказать, но тет-а-тет.

— Доктора тебе неделю постельного режима прочат и два щадящего. Говорят, мозговые проблемы есть.

— Есть. Но пройдут. А на постельном режиме, я у себя побывать смогу.

— Нет, Стася, категорически.

Русанова по взгляду Федоровича поняла: пока она в медчасти, дело ее на тормозах спустить легче будет.

— Как скажешь, — согласилась.

— Ну, вот и ладно, — поднялся. — Пойду ходатайствовать, а ты не шали, побудь смирной девочкой.

— Тяжело, но ради тебя готова на любые жертвы, — бросила с насмешкой. Иван хмыкнул: ох, Стаська, ничего ее не берет, не меняет.

И вышел, а Стася перестала улыбаться.

На душе противно было до слез и воя. Болела она еще и все простить да оправдать Илью пыталась. Но что ему от ее прощения? Устроился хорошо: благодетели, богатства, планы на будущее с выбором теплого места.

Когда, в какой момент, из-за чего Илья превратился в приспособленца, подозрительного, непримиримого, озлобленного и корыстного типа? Если б не было к этому предрасположенности, никаких изменений бы не произошло. Но видно это все сидело в нем, удачно маскировалось и благополучно жило, а потом развилось в благоприятной среде — в той ситуации, в которую попал.

Правда ли она, что "до свиданья" не сказав, ушла? Но если бы осталась — ничего бы не изменила. Решение Илья принял без нее и за нее, домой не собирался, зато ясно, что хотел использовать ее, как вещь, предмет, удобную подушку. А роль не по ней и даже этого не понял, примиряя. Значит не любил, не понимал, не вспоминал. Женился там...

Станиславе было тошно от понимания, что плыла она в собственной иллюзии на счет Ильи, их отношений, а он всего лишь как хамелеон, подстраивался под среду и окружение. Печально.

Она считала его почти идеальным.

Выдумка и лишь ее проблема. Урок на будущее — не обольщайся. Но с другой стороны, как жить подозревая всех и каждого? Илья в этом преуспел, но счастлив ли?

А впрочем, счастье у каждого свое, как жизнь, которую каждый выбирает себе сам и строит тоже. Главное, чтобы твои частные планы, твои эскизы не мешали общему. Здесь, видимо, проект будущего Ильи претил проекту будущего остальных, но там, в средневековье, ему нашлось место, учитывая качества характера, что в нем открылись. Что ж, все правильно, все верно. Свобода выбора — право каждого и сетовать тут не на что. Илья выбрал удобную и необременительную роль богатого, но никому ничем необязанного сеньора, жизнь без риска и для себя. Станислава не могла и не имела права осуждать или препятствовать его стремлениям. Илью она не выдаст. Другое дело, что ее подобная жизнь

не прельщала, как не мог прельстить подобный человек. Но это уже ее мнение, а значит, ее право. Ивану знать о том, что его брат обычный дезертир, не стоит. Он будет огорчен и возмущен, начнет переживать, пойдет туда, попытается найти Илью и объясниться. К чему? Пусть лучше Федорович младший для всех и в частности для старшего брата останется верным, чистым, светлым человеком хоть в памяти. Возможно, уверенность в том через века и годы именно в такого Илью и превратит.

А что еще она могла бы сделать для него? И что может сделать для Ивана?

Больно пусть будет только ей. Пройдет, забудется — переболеет. Потери нет — есть приобретение опыта и понимания своих, чужих ошибок. А остальное небольшая плата за миг и счастья что все же было, и урока пусть жестокого, но четкого в определении. Все верно, правильно. Неправильно и не бывает — бывает непонятно.

Конечно, неприятно, когда разбиваются мечты, но тут ее вина. Она хотела найти Илью, а что там дальше не подумала и не представила. Нашла... Остальное ясно — Илья о том же не мечтал. Он думал о себе. Свои обиды множил. И вот результат — ничего и нет, как нет того Ильи и той влюбленной Стаси, и не могло быть по-другому.

Дверь с шорохом открылась, на пороге робко затоптался Чиж с огромными пакетами на руках: в одном апельсины, в другом персики.

— Хм, — выдала Стася и ткнула пальцем в сторону пакетов. — Это мне?

— Да, — несмело прошел и, отодвинув чуть в сторону пакет Ивана, водрузил презент на столик у постели. — Витамины.

Женщина вздохнула, с некоторой опаской покосившись за фрукты:

— Спасибо.

— Не за что, — успокоился, заулыбался и сел на стул. — Как дела, как самочувствие?

— Отлично, — заверила и покосилась опять на пакеты: если не придется насилловать свой организм залежами витаминов. — Как у вас? Что новенького?

— Да без тебя жизнь как-то тормознула... Я знал, что ты вернешься, верил. Помнишь, ты говорила — представь и поверь, устрой будущее сам.

Русанова вздохнула: там Теофил, здесь Николай и оба об одном.

И хмыкнула:

— Забавно, право.

— В каком смысле? — нахмурился Чиж.

— В том, что ситуации постоянно повторяются. Не точно, но настолько похоже, что спутать трудно. Как отражение в кривом зеркале.

— Старая истина: все новое — хорошо забытое старое.

— Да, все повторяется. Не решил проблему, а отодвинул, она вернется в более настойчивой форме, — загрустила. — Хороший ты человек, Николай, но на счет меня зря планы строишь. Другом тебе быть рада, но на большее, вряд ли способна.

— Куда-то торопишься? Я нет. Главное ты дома, главное — рядом. Остальное по ходу жизни решим.

Стася хмыкнула: дожили, восьмерка учит шестерку!

— Спасибо, — улыбнулась.

— Не за что.

— За веру. Наверняка, она меня и вернула.

— Тогда я тоже рад. Очень. Способный ученик, да?

Женщина засмеялась.

В палату с шумом и как всегда не вовремя ввалились Сван и Иштван:

— Привет больным! — бухнули прямо на постель пакеты с цитрусами. Стася не сдержала восклицания:

— Ооо! Слушайте, кто из вас решил, что я люблю апельсины?!

— Я! — признался Сван и взял один из пакета.

— А разве не любишь? — уточнил Чиж.

— Терпеть не могу!

— Поздно, — хохотнул Иштван. — Придется есть.

— Ага. Я пока почищу, а ты рассказывай, где гастролировала, — уселся на край постели Сван под неодобрительный взгляд Николая.

— Не жжет? — спросил у него Пеши.

— Чего?

— Видишь, как Коля на тебя смотрит? Два факела в глазах, поджигают...

— Не, он душит, медленно...

— Садисты! — хмыкнула Стася. Чиж улыбнулся:

— Шутники.

— Верные друзья, — уточнил тот и уставился на Стасю. — Ты где бродила? Не увиливай, рассказывай. Мы за тобой в тысяча двести третий год ходили. Даже в самоволке были — к графу Тулузскому наведались, пообщались. Ничего мужчина, понятливый. Болтал резво, но не по делу.

— К Раймунду?

— Ишь как она, — ухмыльнулся Сван, кинул очищенный апельсин. — Ваша порция витаминов.

— Можно я без них? — скривилась просительно.

— Не-а! — порадовался тот и взялся другой цитрус чистить. — Ты не отвлекайся, рассказывай. Потом с Колей помурлыкаешь, сначала нас вниманием награди.

— Заслужили, — вгрызся в персик Иштван.

— Так чего там, Раймунд? Нам он ничего не сказал.

— Угу... Ахинею нес о всякой всячине: украденном Ферри...

— Ферри?! Иона?

— Ну, — мужчины уставились на женщину.

— Ты и с ним познакомилась? — заподозрил Сван. — Ну, даешь! Мы тут всякие ужасы думали, а девочка средневековым рыцарям перья на шлемах крутила!

— Сильна! — рассмеялся Пеши. Николай во все глаза смотрел то на товарищей, то на Стасю.

— Ничего я не крутила. Появилась неудачно — прямо в толпе. Меня тут же неслабо приложили по голове. Если б не старый знакомец — сожгли бы как ведьму.

— Кто спаситель?

— Теофил, граф Локлей. Помнишь, за Моррисом охотились? Вот тот резвый мужчина, что мне принудительную прогулку по лесу устроил, вытащив из толпы и, был спасителем. Представляешь, он помнил нашу встречу.

— Представляем! — дуэтом грянули друзья. Николай нахмурился:

— Что за Локлей?

— Остынь, дуэль отменяется ввиду отсутствия оппонента, — отмахнулся Иштван. — На, съешь персик, сними стресс, — кинул ему фрукт.

— И чего там, храфф? — качнулся к Стасе Сван с хитрящей улыбочкой.

— Ничего. Спас, выходил. Выкрал лекаря Раймунда...

— Ёе!! — уже трио выдало. Мужчины переглянулись. Чиж в сердцах хлопнул по колену:

— Так и знал! Мы видели, как его из аббатства вывозили! Подумать только — ходили все это время рядом, могли еще тогда тебя вытащить! Нет, ну, надо же!

— Ты б хоть знак подала, мяукнула там, фыркнула в наушник, что ли, — с укором глянул на нее Иштван.

— Не могла. Не помнила саму себя. В голове полная прострация была. Память в ноль, мысли как обрывки файлов.

— Ничего себе, тебя приложили! — восхитился Сван.

— Федоровича-то младшего нашла? — прищурился Пеши.

— Нет, — отвела взгляд и принялась за апельсин.

— Значит, мне привиделось?

— Угу.

— Между прочим, у нас к тебе огромная претензия, — протянул Сван.

— Да, да, — заверил Пеши. — Столько лет скрывала от друзей о сердечной ране.

— Какой ране?...

— И о благотворительности в Древней Руси!

— Иван темнил, понятно, но ты? Непростительно, сестренка. Или мы не братики?

Стася фыркнула до того лукавая и смешная физиономия была у Сван.

— Братя, — заверила. — Самые близкие и дорогие. Обещаю, больше никаких секретов... Кстати, откуда вы знаете, зачем я на Русь уходила?

— Кристина сдала.

— Не сопротивляясь.

— А еще подруга!

— На себя посмотри! Тоже мне, секретный агент!

— Нет, мать Тереза! Короче, больше одна не ходишь, если что — нам свистнешь, сопроводим.

— Правильно! Мы может тоже мечтаем помочь угнетенным и несчастным!...

— Если меня оставят.

— Ой, ты посмотри! Она сомневается! Стася, кого обманываешь? Да тебя с «обычной» работы выгнать, что этот центр с землей сравнять! Не-воз-мож-но!

— Это точно! — засмеялась: если даже братья уверены, что она останется, значит, так тому и быть. И будет. — И потом, как вы без меня.

— Бесспорно, — с сарказмом протянул Иштван. — Кто нам еще столькими проблемами наградит?

Чиж улыбнулся:

— Без тебя в группе с дисциплиной плохо. Капитан нервный.

— И моральный дух бойцов зарыт под паркетом, — хохотнул Сван.

— Слышишь, Стася, что хоть врачи говорят, когда выпустят?

— Да мне хоть сейчас, но Иван разговаривал — раньше чем через неделю мечтать не

приходится.

Пеши присвистнул:

— Ничего себе. «Хорошо» тебя встретили видно.

— "Тепло", — заверила. Николай внимательно посмотрел на тонкие розоватые шрамы, что после работы местных докторов уже не так бросались в глаза и устрашали, навеяв неприятные мысли о том, как пришлось Стасе, и вздохнул:

— Больше одна никуда... Пожалуйста.

— А если тебя списать задумают, то мы всем составом пойдем к полковнику с ходатайством. Нет, серьезно, — сказал Пеши. — Поставили тут за тебя девочку из яслей. Раз сходили на задание — чуть не застрелились.

— Ах, вы, корыстные какие! — засмеялась Русанова.

— Мы такие, — закивал Сван, набивая себе рот дольками апельсина.

Ровно через неделю Станиславу перевели на щадящий режим, отправив из мед центра. А еще через неделю ей был вынесен выговор, на чем дело о самовольстве лейтенанта Русановой закрыли. Постарался Федорович, да и ребята не забыли свое обещание.

— Слаб я перед общественностью, — посмеялся полковник Казаков над делегацией и, с легкой душой сдал дело в архив.

Глупо настолько крепкую группу разбивать, а проколы у всех бывают.

Глава 20

После стрельб и тренажерного зала, все разошлись. Чижа, что все это время от Стаси почти не отходил, бойцы дружно уволокли в архив, знакомить по предложению Бориса с генеалогическим древом.

Стася воспользовавшись одиночеством и сиестой командира, ввалилась в кабинет и,

закрыв дверь, хлопнулась на стул напротив него.

— Ва-ань, организуй путевку.

— Куда? — пробубнил тот с набитым ртом. Хлебнул чая, с любопытством поглядывая на женщину.

— В одиннадцать тысяч, пятисотый год до zero.

Федорович подавился конфетой. Стася хотела хлопнуть его по спине, но тот выразил возмущение руками и взглядом. Откашлялся с трудом и уставился тяжело на «путешественницу».

— А больше никуда не хочешь?!

— Съешь конфетку и успокойся, — подвинула ему витую вазу.

— Ты совсем, мать моя?!

— Что ты завелся? — делано удивилась она. Развернула леденец, в рот сунула. Любопытно. Видимо прав Илья — есть там что-то, секретное и Иван в курсе.

— Никаких!...

— Каких, Иван, каких, — заявила твердо, со значением. Капитан насторожился, взгляд отвел, забарабанил по столу пальцами:

— Что ж ты делаешь, а? — вздохнул уныло. — Только ведь дело закрыли, выговор вляпали, опять напрашиваешься. Что ж ты жить спокойно не умеешь?

— У каждого свои недостатки, — мурлыкнула. — Зря боишься, Ваня, я не истеричка и не болтушка, как тебе это известно.

— Смотрю, слишком много тебе известно, — буркнул тот недовольно. Встал, забродил по кабинету. — Зачем тебе, Стася? Что вдруг эта дата?

— Сам знаешь.

— Вопрос: откуда ты знаешь и что? — навис над ней.

— Организуй переход...

— Исключено!

Стася упрямо насупилась: сам знаешь или подсказать, что будет?

— Нет, ну в кого ты такая упертая?!

— В маму с папой. Не люблю я, когда что-то не понимаю или подозреваю. Правды хочу.

— Какой?

— Настоящей.

— Это закрытая зона. Опасно для здоровья...

— А мезозой не опасен? Не рассказывай мне сказки, Иван, выросла я, — поморщилась.
— Обещаю, что никому, ничего не скажу. Но мне действительно важно знать, что там.

— Ничего.

— Не правда. Иначе, отчего ты занервничал?

— Из-за тебя. Из-за твоей дурной привычки лезть, куда не просят.

— Давай на чистоту: там наши?

— Где? — почти натурально удивился Федорович.

— Ваня, я понимаю, что возможно поступаю глупо, разговаривая с тобой открыто, но если бы виляла и хитрила, это было бы неправильно по отношению к тебе, подло. Я доверяю тебе и точно знаю, ты не предашь, не подведешь.

— Хочешь, чтобы я оценил твою откровенность? Ценю. А теперь оцени ты, — качнулся к ней и прошипел в лицо. — Забудь, о чем мы говорили, вообще забудь об этой дате.

— И тогда?... — бровь выгнула Русанова выжидательно прищурившись.

— Тьфу! — отпрянул мужчина. Подумал и нехотя сказал:

— Ладно. Но...

— Тихо и молча.

Капитан глазами стрельнул на нее и головой качнул:

— Кто и что тебе сказал?

— Здесь его нет.

— Там? Кто?

— Вещун.

Мужчина фыркнул и хлопнул ладонью по столу: надо же так бездарно попасться!

— Ну, Стася!...

— Первое слово дороже второго! — хохотнула она, спеша покинуть кабинет.

— Я должен доложить!...

— Не доложишь. Ты никогда никого не сдавал, — обернулась, затормозив у дверей. — И я очень люблю тебя за это, — сказала серьезно. Федорович взгляд опустил, смутившись.

Нет, ну как на нее обижаться, ворчать?

Дверь схлопала — женщина ушла.

— Вот ведь, лисица, — улыбнулся, прошептал. А на сердце тепло и хорошо от простых, но искренних слов Стаси. И только за них и веру в него хочется поблагодарить, что-то сделать для нее. Нет, не «что-то», а все что угодно, возможное и невозможное.

Потер затылок в раздумьях: а почему нет? Стасенька не тот человек, от которого нужно скрывать, потому что не знаешь, что натворит, как отреагирует. Правильная она, если с ней по-человечески, то она горы свернет. А если уж что узнала или нащупала — пока не раскопает, не успокоится. И накопает себе на голову. Не дело.

Придется все-таки рискнуть. Подстраховать.

И потом, засиделась она в лейтенантах, а мне давно нужен зам, — улыбнулся, сообразив как не подставить не себя, ни ее, не общее дело.

Дни потянулись в размеренной черед. Завтрак, тренировки с посиделками в раздевалке под шуточки и приколки Пеши и Сергеева, обед, стрельбы, вечерние «заседания». Чиж вился вокруг Стаси, а та не отталкивала — пристально к нему присматривалась и все больше подпадала под его шарм. Он нравился ей, но после метаморфоз с Ильей женщина не хотела попасть в сети собственной иллюзии, как не желала оскорбить и обидеть мужчину недоверием, сомнением.

— Хороший человек, — кивал тайком на Николая Иштаван, внимательно следя за реакцией Стаси. Та соглашалась и переводила начинающийся разговор "по душам" в шутку:

— Ты тоже хоть куда. Как свахе, так вообще, цены нет.

Пеши фыркал и оставлял Русанову в покое на день, потом опять пытался то ли проверить как она к Чижу, то ли свести их вместе. А чего сводить? И так не разлей вода стали. Интересно с Николаем, спокойно, тепло и ясно, что рано или поздно промахи и ошибки прошлого изгладятся, червячок сомнения исчезнет.

Сван же, то ли подталкивая ее к Чижу, то ли дистанцию пытаюсь сохранить, периодический вспоминал Локлей, выпытывал о нем. Не подозревая подвоха, женщина охотно рассказывала о графе, но ремарками, чтобы мужчина не развил тему и не увел ни в шутку, ни в серьез в сторону личной жизни. Но тот в итоге так и сделал.

— Рыцарь, галантный кавалер, достаточно умен, тактичен, силен, — перечислил загибая пальцы. — Идеал! — развел руками и шутливо возвестил. — Сестренка влюбилась.

Чиж тут же насупился, насторожился, Стася же вздохнула:

— Есть масса тем для разговоров и обсуждений, но вы с какой-то радости дружно обсуждаете одну! Сван, поверь, я и моя личная жизнь такого внимания не стоим!

— Понял. У тебя трагедия: граф там, ты здесь...

Стася просто кинула в него ботинок.

— Ууу, — дурашливо взвыл тот и сделал ответный залп полотенцем. Иштван недолго думая присовокупил свое. Стася рассердилась, сама не понимая из-за чего. Начался обстрел, в котором приняла участие вся группа, разделившись пополам: Борис, Чиж и Русанова против Сван, Иштвана и Яна. Стенка на стенку пошла под задорный крик и хохот обкидывая друг друга что под руку подвернется. В разгар боя в раздевалку вошел Иван и замер, с недоумением поглядывая на "детский сад", что устроили его подчиненные. Получил по колену гандбольным мечем и рявкнул, уперев кулаки в бока:

— Отставить!!

Кто б его послушал — разгоряченные бойцы резвились словно дети — им было не до команд и командиров.

— Капитан Русанова, отставить! — рыкнул повторно, проследив полет тюбика с антисептиком мимо своего лица.

"Капитан" — возымело действие — все стихло, мужчины замерли, Стася сдула челку с глаз и уставилась на Ивана тяжело дыша после «спарринга».

— Капитан? — уточнил Сван.

— Да, товарищ Русанова, вам присвоено звание, — усмехнулся, глянув на женщину.

— Это, наверное, за последние заслуги, — хохотнул Иштван и с криком кинулся к женщине, чтобы первым обнять и поздравить. Та не ожидала и не увернулась — вместе с венгром влетела в Чижа, и в недра шкафчика.

— Ну, дети, — качнул головой Федорович, невольно заулыбавшись.

Бойцы прыгали и тискали Русанову, а та понять все не могла и подозрительно косилась на командира:

— Плохая шутка.

— Людям верить надо, Стася, — бросил тот назидательно. Кинул ей новый жетон, чтобы все сомнения рассеять.

— Сегодня отмечаем!

— Сейчас!

— Здорово! — понеслось тут же.

Женщину бы раздавили в пылу радостных чувств, если бы не Чиж, что просто отпихивал мужчин, держа круговую оборону. Но зря — пока Стася разглядывала новый номер и звание на жетоне, Иван вытащил ее из круга товарищей:

— Празднуем вечером, сейчас все по своим местам, а мы к начальству, — и выпихнул женщину вовсе из раздевалки.

— Серьезно? — качнула жетоном, не понимая, что к чему. Иван не стал убеждать — сунул в руку файл с приказом и договором. — Ознакомься, подпиши.

Стася пробежала взглядом по тексту и уставилась на капитана:

— Последний пункт: неразглашение материалов с грифом оуорбор. Будучи лейтенантом, я такое не читала, тем более, не подписывала.

— Теперь ты капитан, — взглядом предлагая не перепираться, а подписать, сказал Иван. Стася молча нажала на квадрат внизу большим пальцем и расписалась.

— Что дальше? — подала файл. — Увижу, что хотела?

Федорович кивнул:

— Иди в седьмой бокс, седьмой сектор "только для научных исследований". На дверях оуорбор — не спутаешь. Твой шкаф шестой. Подожди меня в раздевалке.

— Поняла, — потопала, чувствуя в груди легкое волнение и тревогу.

Русанова уже переделалась, когда появился Федорович, и шаталась по просторной комнате, поглядывая на ниши в стене, заполненные аппаратурой, оружием, коробками.

— Склад какой-то, — кивнула ему. — Всего понемногу.

— Так и есть, — начал натягивать костюм. — Возьми сумки из первой и второй ниши.

— Зачем?

— А смысл только на экскурсию ходить? Ты не школьница, да и я, а так хоть толк будет.

— Мы это кому-то передадим. Оружие?

— Оставь. Минимальный комплект — больше не надо.

Стася подумала и скинула лифчик с пистолетами, из-под штанины вытащила пластид.

— Ну, ты! — восхитился и возмутился Иван. Рассмеялся. — Пошли, — подтолкнул женщину к выходу.

В этом секторе коридор к камере перехода был длинный и извилистый. Диспетчер получил жетоны посетителей и вставил в пазы спектрального анализатора.

— Прошу, — махнул рукой в сторону дверей бокса.

— Трасса налажена? — спросила Стася на всякий случай у Ивана. Тот лишь кивнул.

Они ступили на кварцевый пол, пройдя три ряда усиленных дверей — арок.

Сомнений не оставалось: «зеленые» идут далеко.

Но переход оказался на удивление легким.

Они вышли в незнакомой Стасе местности на яркий свет солнца. Воздух был влажным, теплым. Вокруг лес и дорога прямо, как шоссе — широкая, укатанная. Двести метров марша и за поворотом женщина невольно притормозила, встала как вкопанная рот открыв: вдалеке виднелся палаточный лагерь, разбитый среди лесочка. Прямо по курсу, мужчины в знакомой форме укладывали плиты, легкие, как древний пенопласт. Нетрудно было догадаться отчего камень вдруг стал таким — справа, бригада в защитных масках, обрабатывала плиты спец раствором, от которого молекулярное строение материала менялось. И так же нетрудно было понять, что строят — пирамиду, что в будущем получит название «Гиза» и вызовет нешуточный спор среди ученых. И главная загадка, над которой будут биться — зачем она построена, если ясно, что захоронений в ней не было.

И ерунда, что пейзаж вокруг совсем не напоминал Египет — ни песка, ни палящего солнца — яркая зелень, укрывающая горы, глубокое голубое небо, теплое, ласковое солнце.

Стася все что угодно увидеть была готова, но такое — нет.

— Египет, — прошептала. — У нас пирамиды, здесь пирамиды.

Как раньше-то не сложила?

В этот момент послышался звук гонга.

— А чего мудрить? По образу и подобию, — сказал Иван и пошел к бригаде. Те как раз заканчивали работу, снимали защитные маски и двигались к палаткам.

— Обед? — спросила Стася, только для того, чтобы не молчать.

— Угу.

Русанова шла за ним как сомнамбула и вот вовсе потерялась, увидев капитана соседней группы патруля.

— Привет! — прыгнув с плиты, подал ладонь Федоровичу Сиртакис и хмуро уставился на Стасю.

— Все нормально Крис, она мой зам, капитан Русанова.

— А! — расцвел тот. — Тогда "ой", — подал ладонь Стасе.

— Значит это и есть капитанские командировки по повышению? — улыбнулась вяло, пожав протянутую руку.

— Кто-то должен доставлять продукты и технику на базу. Вы тоже комплекты прихватили, — кивнул на сумки.

— Понятно.

— Давай, Иван, я отнесу.

Стася не слушала — огляделась, чтобы еще раз убедиться — здесь живут, а не появляются периодически, поселение не выдумка, не мираж.

Палатки стояли друг к другу, образуя улицу, посередине макет будущей пирамиды, группа людей, что-то обсуждающая. Под навесом в конце улицы столы, а за палатками... обычная веревка на которой сушилась самая обычная форма и белье.

— Ладно, позагорайте, поговорите. Вижу девушке нужно многое осмыслить и переварить. Шокировало? — спросил Сиртакис.

— Нет. Я ожидала подобное.

— Молодец, — улыбнулся шире и, махнув ладонью, прихватил сумки, потопал к лагерю.

Стася осела на плиту, поглядывая в спину Сиртакису, спросила у Федоровича:

— Весь высший ком состав знает?

— Нет. «Зеленые» и «оранжевые». Все остальные знать не должны, неизвестно, какой будет реакция. Не каждому дано понять и принять, что прошлого нет.

— А как же?...

— Неандерталец, австралопитек и прочие? Тупиковые ветки. X-хромосомы напичканы

аллелиями неблагоприятного типа. Они приводят к смерти в гомозиготном состоянии до начала репродуктивного возраста в лучшем случае, в худшем вовсе препятствуют возможности воспроизведения. Интеллект на уровне мартышки, абсолютно без перспектив. Обезьянам никогда не стать человеком — бред это, Стася. В это время уже ни одного вида гомидов нет. Все представились. Вот так.

— Совсем?

— Даже признака. Наши пионеры пришли сюда, а тут никого и ничего. И дальше — тоже. Начиная с сорока тысяч лет до zero пустота. Как вымело. Никакой истории реальной — лишь фантомы чужеродных энергий из других миров и параллелей, идеи другой реальности. Временная лента нашей реальности не отпечатала ни единого признака разумного человека, даже его зачатков. Получалось, что мы как фантомы двигаемся, как кометы с «хвостом». На определенном отрезке — есть отпечаток, а потом его нет, стерся, будто не было. И все иллюзия от начала до конца, нестабильность, которую может изменить неизвестно в какую сторону все что угодно. Любой псих, любая крыса или залетевшая из другого мира эктоплазма может стать причиной глобальных потрясений или даже исчезновения человека как вида, потому что — нас нет, даже вялой задумки, слабенькой энергосущности как базы зарождения. Вот и было решено населить нашими мыслеформами, нашей, а не чужой психоэнергией, а потом закрепить иллюзию, спроецировав в реальность матрицу тонкоматериальных структур без спонтанных изменений, застраховать человека и человечество от непредсказуемости и слияния прилегающих миров. Отделиться и встать на свой, автономный путь развития.

— Змея, кусающая свой хвост, колесо, лабиринты. Древние подозревали нечто подобное.

— Знали. Но со временем символы лишь и остались, а четкие знания утратились. Это тоже было запланировано. Память человека коротка. Развитие поступательно, по фазам: младенчество, детство, юность, зрелость. Так же человечество. Младенец все понимает, но не говорит, подрастая, утрачивает те знания, что дает ему связь с энергетической и тонкой оболочкой земли, других миров, откуда пришла его клетка основа — душа. Клише реальности все больше проявляется в его сознании, двигает его по заданной обществом и окружающими программе. Грань меж мирами становится четкой и крепнет граница в памяти меж памятью души и тела. Вторая начинает превалировать, и человек благодаря отлаженной схеме уже не думает, что жить как жил нормально, что десятиричное сознание норма и принимает за нее троичное сознание. По той же схеме пошли ученые. Создали, не таясь, базис для развития и становления человечества. Программу, по которой оно пошло. В ней учтено все, как истории развития ребенка: питание, влияние, становление, развитие, психологический, энергетический, экономический климат. Рассчитана каждая «шишка», каждый вирус болезни или знакомства с миром, человеком, с максимальным извлечением опыта. Путь болезненный, согласен, но иначе единичка — человек, к сожалению, не понимает и не учится, так же человечество. Чтобы иметь иммунитет к кори, нужно ею переболеть, чтобы понять, что такое боль — нужно ее пережить. «Прививки» тоже заложены, как и иммунитет — рамки психоэмоционального накала. Рассчитан "болевой барьер" и в этом отношении.

— Религия.

— Да. Это тебе и прививка и лекарство, и спасение самой биологической системы. И цель и средство, причина и следствие.

— Получается, мы строим не только будущее, но и прошлое.

— Мы — да. Закладываем будущее будущего.

— Конечно. Не очень повезло лишь промежуточному звену. Но «голове» змеи на это ровно, «хвост» же имеет свойства регенерации и сколько не отрубая, вновь отрастет.

— Расстроилась?

— Нет. Пытаюсь переварить все это и привыкнуть к мысли, что несу ответственность, — руки развела — слов не хватало. — За начало и конец.

— Гипотетически нет ни того, ни другого.

— Да. Спираль, я в курсе. Новый виток, а не финиш... Нет, не змеи — змии — мудрецы и хитрецы. А Эдем у нас — инкубационная лаборатория, парник для «хризантем».

— Кроманьонцев. Удачно получилось, заполнить пустоту меж обезьяноподобным и человеком. Правда, начинать пришлось в конце палеолита.

— Естественно. Зато потом, "цветы жизни" подросли — пора и в путь, начинать претворять в жизнь программу змиев. Вкусив их плод познания и раздора, получив четкую схему психо-физической организации человека выкинули в дикую природу, на освоение предназначенного ему мира. Логично. Подозреваю, здесь и мои «дети» бегают.

— Как и мои, и всех, кто сдавал клетку в цитобанк.

— Естественно. ДНК чуток изменено, чтобы «детишкам» было с чем «играть» в последствии, создавая группы «яслей» — генетику, биологию, селекцию, медицину. И идти строго по заданному пути развития, вложенному в то, что они исследуют. И довести до совершенства, что было совершенно. Прикол: люди думают, что идут вперед, сами двигаются назад. К истоку. Да, согласна, довольно скандальная тайна. Не каждый пережует и переживет.

— Ты дала подписку о неразглашении, — напомнил Иван.

— Не беспокойся, даже если б не дала — все равно бы молчала. Я не осуждаю, Иван, я всего лишь пока пытаюсь понять и свыкнуться с открытием. Я словно лягушку съела — тот еще деликатес. Но говорят, съедобна и об отравлениях не слышала. Значит, выживу, переварю с пользой для дела и тела.

Федорович кивнул, прекрасно понимая Стасю.

Надо отдать ей должное — держалась она для полученной информации достойно. В свое время он чувствовал себя подобно ей, немного оглушенным и растерянным, потерянными вернее. Наверное, месяц приходил в себя, осмысливал.

— Ты как? — обнял ее.

— Нормально.

Задумчиво посмотрела перед собой:

— В прошлом — фантомы, значит и в будущем?

— Да. Наши мысли и идеи, что пока не материальны. В наших руках реализовать их, проявить или оставить нереализованными.

Стася кивнула: человечеству, как ребенку дали возможность играть и тем получать необходимые навыки, опыт, знания. И если отойти от субъективности, встать над собой и эмоциями, получалось — все верно и правильно. Путь был проделан тяжелый, порой жесткий и печальный, но как дитя сначала учиться ходить, и не обходится без падений и шишек, потом читать, писать, и получать «посредственно» за невниманье, лень, «отлично» за усердие, целеустремленность, так здесь и наоборот быть не могло. Принципы и законы одни как для одной клетки, так и для всего организма. Что проявилось в малом — проецируется на большое и наоборот.

— Гибель империй — лечение патологии и показательный урок, как учебное пособие.

— Если одна рука развивается быстрее другой что будет?

— И войны нужно было пережить, чтобы научиться миру, наесться золота и материальных благ, до тошноты напиться кровью, пролитой за место под солнцем, чтобы понять, что истинная ценность и богатство в гармонии, любви, духовности.

— Да. До абсурда довести некоторые ситуации, чтоб показать их уродливость и ненормальность.

— Дитя не сразу понимает, что камень может убивать и разрушает даже слово. И рамки догм на определенных порах нужны, как опора для становления. Пока ребенок не готов самостоятельно ходить, анализировать, не научился управлять своим телом и разумом, отправлять его в самостоятельное плавание неразумно.

— Он может убиться. Я рад, что ты все верно поняла... Видела Илью?

Стася покосилась на Ивана и скрывать не стала:

— Видела. Он сказал.

— Так и понял. Как он?

— Устроился довольно хорошо. Ты знал, что их обратно не пустят?

— Да. Прости, но тут работает закон, который тебе прекрасно известен. Выбор был трудный, но иного быть не могло. Из-за пяти человек не должен страдать миллиард, и наши эмоции и чувства тут не в счет. Сказать же тебе, как понимаешь, я не мог.

— Он заподозрил, что ты был в курсе.

— Халатность диспетчера, тот вовремя не снял предыдущую программу и вот результат. Мне жаль.

— Илью? Ему неплохо. Богат, успешен, о центре вспоминает с ненавистью и неприязнью. Претензии к тебе. Обижен, зол. Но предприимчив, не пропадет.

— Ты на него обижена.

— Нет. Не ожидала, что он настолько изменился.

— Скорее ты, чем он. Илья всегда был немного злым и завистливым, нетерпимым и ловким. Я не сомневался, что он выживет и приживется в любых условиях, в любом обществе. Об одном жалею — что дал ему клятву присматривать за тобой и...

— Не претендовать?

— Да. Но все изменилось.

— Нет, Иван.

— Стася...

— Не надо.

— Почему? Привязана к нему до сих пор?

— Нет.

— Чиж?

— И ты, и Николай прекрасные, замечательные люди, но я не готова строить отношения, с кем бы-то не было.

— Понимаю. Обещаю, пока не тревожить тебя.

— Спасибо, — поцеловала в щеку. — За все — спасибо.

— Можно назад, да? — улыбнулся, не скрыв удовольствия от благодарности.

— Как скажешь, — плечами пожала. Эмоции схлынули и, все что она узнала, увидела, больше не претило и не третировало. Пришло осознание, что сама бы поступила так же.

Дома она вдруг поняла, что вольно ли — невольно изменилась.

В гостиной собрались три группы патруля и устроили «банзай» по поводу присвоения ей звания, а Русанова не понимала — чему они радуются. Какая мелочь, ерунда — звание. Что оно? Ну есть и есть. Гораздо важнее было то, что она узнала, и сейчас осмысливала. И приходила к выводу, что увеличилась ответственность и только. Ни одной негативной эмоции она не испытала, но будто повзрослела на века, чуть поднялась над плоскостью, в

которой жила, в которой здоровствовали ее товарищи в счастливом неведении.

— Ты не рада? — решился приобнять ее Чиж.

— Что ты, очень.

— Отчего же грустна?

— Задумчивая, — улыбнулась и с удивлением отметила, что смотрит на Николая по-другому: не только как товарищ и друг, еще как мать, сестра жена и дочь. Все испостаси разом слились в одну и увели в сторону от мелких связей и ненужных переживаний. Илья показался далеким и ненастоящим, похожим на картинку в архивном документе. Есть, но вроде нет. Прошрое, настоящее и будущее словно застыло, остановив свое течение и, намекнуло — ты теперь вне нас. Ей правда показалось, что она вне временного поля, как белка бегущая в колесе вдруг вышла из него и посмотрела со стороны и на себя, и на клетку, и на колесо в котором бесконечно крутилась. И поняла, что в ее власти, воле и будущее и настоящее. Крутить ли дальше колесо или остановить совсем.

Огромная ответственность. Выдержит ли?

"Главное дело" и прочь сомнения.

— Давай потанцуем, Коля?

Мужчина улыбнулся:

— Буду только рад.

Эпилог

Полгода спустя.

— Командирша, блин! — фыркнул Иштван, притаптывая от нетерпения в боксе.

— Еще четыре минуты, — успокоил его Сван.

— И не наезжай на Стасю. Пока Иван в отпуске, она командир в группе, — заявил Чиж.

— Мне защитники не нужны, — отрезала Русанова и ткнула в сторону Пеши пальцем.
— А ты еще раз по пояс брюк вылезешь, когда не просят — спишу!

— Во! Нет, вы посмотрите! Она мне угрожает! — возмутился. — Вечером притащу тебе пакет апельсинов! — прошипел с угрозой.

— Стра-ашная мстя! — хохотнул Ян. Борис с невозмутимым видом бросил:

— Все равно не подеретесь.

Двери раскрылись, выпуская патруль на волю. Но до раздевалки бойцы не дошли — диспетчер окликнул Стасю:

— Капитан, кто у вас шестерка? Вроде бы никто не пропадал да и шестой мужчиной быть не может, но бился настырно.

— Кто это? — притормозив, нахмурилась Русанова.

— У нас почти полный комплект, — заверил Ян.

Кристина включила громкую связь:

— "База, я пять дробь шесть"....

— В соседний бокс приземляют, ты бы глянула, что за ерунда.

Бойцы переглянулись и всем составом двинулись по коридору в соседний бокс.

Чем ближе он, тем медленнее шаг у Стаси. Она своим глазам не верила — на полу с обалдевшим видом сидел граф Локлей и шарил растерянным взглядом вокруг.

— Это что за чудо-юдо? — прогудел Борис.

— На женщину он не похож, — заметил Ян.

Двери раскрылись и, группа оказалась перед гостем, что безапелляционно объявил себя их членом... в роли женщины. Одежда не оставляла сомнения — туника с широкими рукавами, трико — перед ними залетный из средневековья.

— Ха! Храфф! — узнал того Сван. Локлей ресницами хлопнул, очумело шаря взглядом по лицам представших перед ним Богов... которые не на Богов, ни на ангелов совсем не походили. И расцвел, увидев Стасю.

Чиж нахохлившись с подозрением оглядывал мужчину с нелепой прической — не понравился ему его восторженный, полный радости и обожанья взгляд, что был устремлен на Стасю.

Иштван присвистнув, сунул жвачку в рот и бросил:

— Не было печали, «восьмерку» черти накачали, — покосился на застывшую в ступоре Русанову. — Здесь-то ухажеров мало? Н-да-а.

— Принимай, Коля, соперника... пардон, напарника, — хохотнул Сван, хлопнув насупившегося Николая по плечу и, удостоился раздраженного, озабоченного взгляда.

— Хорош резвиться.

— А чего? Чую, скучать не будем.

— Ага, — кивнул Пеши. — Развлечения доставили на «дом».

— Я его знаю.

— И я. Франция начала тринадцатого века. Стансер, Моррис и дорога по обмену. Тому приключению год, наверное. Интересно, как он к нам завалился? Кто его снаряжением снабдил?

— У-у-у, что делается-то! — засмеялся Сван. — Говорили же тогда, что найдет себе Стаська какого-нибудь сеньорчика, заарканит и замуж выйдет...

— Думать надо, что говорите! — обрезал смешки Чиж.

— Что такого? — немного растерялся Иштван. — Мы же шутили.

— И вот результат ваших шуточек, — махнул рукой в сторону «сюрприза». — А расхлебывать, между прочим, нам. Вот так пошутят юмористы, нагородят, а люди мучаются.

— Кто как, — хитро улыбнулся Сван, поглядывая на Русанову и Локлей.

Теофил растерянно оглядел мужчин, не понимая их речи и, виновато покосился на женщину. По ее взгляду было трудно определить расстроена она или рада его явлению, но отчего-то казалось, что не в восторге и подвиг графа не оценила.

— Что же вы наделали, граф, — качнула головой Стася, подтверждая его опасения.

— Вы кое-что оставили, то что вас украло у меня, — прикоснулся к наушнику в своем ухе. — Я подумал, что не стоит ждать милостей от судьбы. Вы сами, ангел мой, сказали, что мы творцы своей жизни, — смущенно пожал тот плечами и поднялся с пола. — Я люблю вас, значит должен быть рядом. Вот и сотворил.

— Скорее — натворили.

— Не согласен, — улыбнулся, любуясь женщиной: чтобы не было, а он с ней рядом, она с ним.

Станислава не сдержала улыбки в ответ, настолько заразной она была у графа:

— Посмотрим.

— Нет, построим, — возразил робко и все же, твердо.

Капитан хмыкнула, умиляясь Теофилу, но перечить не стала — не захотела да и нечем было крыть. Он прав и правильно все понял.

Жизнь продолжалась и какой ей быть через день, год, десятилетие — в их власти. Как рисуют, так и будут жить. Главное, чтобы эскиз одного художника не диссонировал с общим полотном.

— С пополнением! — баском грянул в ухо Сван, душевно приземлив ладонь на спину женщины. И получил упреждающий тычек от Николая.

— Полегче!

Обычные разборки, обычная ситуация, обычный день.

— Все идет как нужно и как должно, — прошептала Стася, понимая, что видно слишком часто вспоминала Теофила, тот месяц, что провела в замке Локлей, Илью, и вот накликала. Тот месяц стал поворотным в ее жизни — пришла пора платить за урок, отвечать за то, что невольно приручила одного и выбросила из сердца другого. Ничего не проходит бесследно и все: что мысль, что слово, что поступок имеют следствие и последствие. И кто что посеял, тому то и жать.

— Могло быть хуже, — улыбнулась.

Точка отсчета — что до — до нашей эры, что после — нашей эры,

Название франского обоюдоострого меча.

Или скрамасакс — разновидность древнего тяжелого оружия. Короткие, но широкие однолезвийные мечи.

Хрен его знает.

418 г. до н. э. Война Афин со Спартой.

Особый дом для обучения мальчиков военному и другим искусствам. Там же под присмотром мастера проходил отбор по особому дару ребенка, чтобы оптимально развить его талант.

Лучевая пушка

Антал Гидаш. Венгерский поэт 1922 — 1980 г

Александр Геров, болгарский поэт 20 века. Перевод А.Ахматовой.

Змея, кусающая свой хвост. Важнейший универсальный, многоплановый символ человечества известный с самых древних времен. "Наиболее очевидное его значение связано с понятием времени: ход времени определенным образом сопровождается разрушением, поскольку прошлое как будто безвозвратно теряется. Это одна из причин, по которой змей пожирает свой хвост; подобным образом выражается тайна времени, заключающаяся в том, что оно само себя поглощает". Оуробор так же символизирует цикличность процессов и два полярных понятия — начало и конец, рождение и смерть. В целом символ можно выразить фразой: "В моем начале заложен мой конец" или "Конец находится в начале".

В.М. Рошаль "Энциклопедия символов".

"До сих пор наука не может внятно объяснить, как произошла смена неандертальца человеком. Известно лишь, что он появился «внезапно», и согласно данным до него не было ни понгидов — человекообразных, ни гоминидов. Следы первых кроманьонцев обнаружены в слоях, относящихся к 32 000 до н. э. Неандерталец — предшественник кроманьонца, примитивно думающий, сложен грубо, по животному, волосат. Имел низкий лоб, скошенный подбородок, мощную грудь, длинные руки. Жил на животных инстинктах, мелкими группами, не покидая ареал. Набедренных повязок не носил, жил в пещерах. Кроманьонец же уже человек: исчез каким-то образом сразу и бесповоротно звероподобный образ. Руки стали короче, лоб высоким, уменьшились надбровные дуги, появился подбородок. Техника изготовления орудий достиг высокого уровня технологий, появились луки, кинжалы, копья, заготовки впрок, одежда. То что кроманьонец начал одеваться говорит о том, что у него есть признаки образного мышления, культурного развития и творческие способности — на что указывают орнаменты на костяных изделиях, а так же уникальные наскальные, абсолютно точные по исполнению, изображения животных. Он уже осмысливал увиденное, воспроизводил звуки, образовывал общности, объединенные родовыми и семейными связями.

Складывается впечатление, что по мановению волшебной палочки из дикого животного гоминида в один миг появляется интеллектуальный красавец — человек. Признано что кроманьонец выпадает из эволюционной системы Дарвина". Ант Адаев-Деордиев. "Алтари цивилизаций".

Кстати, в своей книге "Происхождение видов" Дарвин ничего не сказал о механизме самого происхождения.

Теорию креационизма и клонирования, подтверждают многие факты. Платон: "Он (Посейдон) породил и воспитал пять пар сыновей". "От небесного Бога и земной женщины, согласно сведениям египетских жрецов, появились первые пять пар близнецов".

Специалистам известно, что получить пять пар близнецов, как по заказу естественным путем невозможно.

"Книга Оэра Линда": "Первыми появились три женщины: Лида, Финда и Фрия. Первая черная, кудрявая как ягненок, вторая желтая с волосами, напоминающими гриву, третья белая".

"Книга фризов": " женщины разных рас"

"Матрейя" — три первоматери из индийской мифологии, которых по сей день почитают индийцы.

"Туринский папирус": почтенные Шемсу — гор правили 13 420 лет, а до их правления прошло 23 200 лет со дня Первотворения". Дата соответствует "возрасту «кроманьонца»".

Из записи компьютерного исследования генофонда человека, проводимого в рамках международной программы «Геном» специалистами из США, Японии, Франции, Англии, раскручивалась генетическая цепочка человека в обратном порядке, пробираясь к истокам. Резюме бесстрастной машины: все человечество на Земле произошло от шести пар.

Для информации: Генетический код всего живого на Земле един, что доказали Кирк и дважды лауреат Нобелевской премии Бреннер. ДНК по своему молекулярному размеру принадлежит к наномиру, вращаясь в среде объектов равных по размеру десяткам ангстремов и достаточно микроскопическое количество биологического материала для ее исследования. Первую трансформацию ДНК произвел микробиолог рокфеллеровского университета Оскар Эйвери в 1944. Первые человеческие клоны эмбрионов создал Джерри Холл из вашингтонского университета в 1993 г. А слово гомо — Номо (sapins) по-гречески означает — единое, одинаковое.